

Леся Литовских

Откровения животных
двора

18+

Леся ЛИТОВСКИХ

Откровения животных двора

«Автор»

2026

Литовских Л.

Откровения животных двора / Л. Литовских — «Автор», 2026

У каждого человека есть ситуации, оставившие след на его личности. У каждого человека есть секреты. У каждого человека есть такие истории, которые хочется спрятать глубоко в себе и никому никогда не рассказывать. Но что будет, если поведать об этих историях кому-то? Этот сборник рассказов о любви, ненависти, дружбе, предательстве, любви к себе, ошибках, неудачах и в первую очередь о жизни в целом. О жизни почти что самых обычных подростков, каждый из которых решает выговорится.

© Литовских Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Журавль или секрет длинноклювой птицы	11
Илька или утро для раненного хищника	27
Волк или сожаление зверя	31
Олень или спектакль для Бэмби	54
Тигр или отпечаток на полосатой коже	68
Нутрия или перемены для жителя болота	71
НеясЬть или выпавшая из гнезда	73
Енот или ветки и норы	89

Леся Литовских

Откровения животных двора

Предисловие

С вами на связи Соловей

Здравствуй, дорогой читатель, моё имя - Лиза. Лиза Ломанова. Но, на самом деле, мало кто зовет меня так. Только учителя в школе и родственники. Все же мои друзья, знакомые и одноклассники называют меня по-другому — Соловей. Это прозвище мне дали совсем не случайно.

Когда я переехала в тот двор, где прожила доброю часть своей жизни, мне было 6 лет. Мы с родителями заселились в скромной двушке на самом высоком этаже старого, потертого здания из пяти этажей. В доме было восемь подъездов, и мы жили в пятом — почти по середине пятиэтажки. С нами проживала моя бабушка Светлана, которая, правда, умерла от старости через четыре года после нашего приезда в тот двор, о котором я с вами и собираюсь говорить.

В возрасте семи лет я пошла в школу номер 18, что находилась через дорогу от моего дома. Примерно в то же время моя мама записала меня на вокал, куда я, честно говоря, идти совсем не хотела. Но со временем я свыклась с новым хобби, а затем и полностью отдалась пению. Когда мне исполнилось 11 о моих способностях узнала классная руководительница и, с тех пор, мне пришлось выступать на каждом школьном мероприятии, что мне, на самом деле, никогда не нравилось. Однако, именно с того самого момента, когда я первый раз вышла на школьную сцену, чтобы спеть, у меня появилось прозвище, как вы уже знаете — Соловей. С этого момента началась моя история.

Думаю, не надо объяснять, почему выбор в кличке для меня пал именно на такую птицу, как соловей. Ведь даже ребятам из начальной школы известно, что эта птица с, как считается, самым красивым пением. А вообще, сейчас я понимаю, что было бы намного более странно, если бы после школьного концерта ко мне не прицепилась такая кличка. Ведь, с того момента, как их стали присваивать кому угодно, а не только главарю и его друзьям, то почти каждый стал иметь «второе имя», иногда их давали даже без причины, просто так, чтобы было, такие, правда, «беспричинные» клички довольно быстро забывались и вместо них постепенно появлялись другие, имеющие более веское значение.

Ну а я, все-таки, оказалась одной из первых, имеющих прозвище. Поэтому слух о некоем «Соловье», довольно быстро разлетелся по всему двору и через неделю уже не было бы того, кто бы не знал Лизу, что потеряла имя, получив за место него другое. И это другое имя было Соловей.

Оказалось, что, получив кличку, я стала иметь какой-то авторитет, что совсем не было понятно для меня — одиннадцатилетней девочки. Поначалу, я даже отрицала, что Соловей — это я, а затем поняла, что отпираться — бессмысленно и приняла свое новое имя. Точнее, тогда я не знала, что, вскоре, весь двор забудет моё настоящие имя и станет звать меня только по прозвищу. Тогда это жутко разозлило и обидело меня. А потом я узнала, что в связи с тем, что я получила кличку, мной заинтересовался главарь местной шайки, который, по совместительству, считался главным во всем дворе.

Я никогда не забуду тот день, когда он попросил своего друга Селезня настойчиво уговорить меня прийти к нему и доказать, что я не зря получила кличку. Когда я услышала это приглашение то, что естественно, начала жутко волноваться. И на это у меня было очень много причин.

Начать хоть с того, что мне тогда было всего 11, а Льву (- тогдашнему главарю) все 17 лет. Да и родители зарекали мне не общаться с местными хулиганами, к тому же, я и сама не раз слышала о том, как эта шайка вытворяла нехорошие вещи. Я категорически не хотела туда идти, но какое-то неизвестное мне чутье подсказало, что не прийти будет огромной ошибкой. И я встретила с Львом и всей его шайкой на заднем дворе нашей школы.

Мне было невыносимо страшно, я боялась, что хулиганы как-то обидят меня. Но прогадала. Как оказалось, Лев, которого на самом деле звали Степа, вовсе не был плохим человеком. Он был довольно добр со мной и вел себя так, словно был моим дядей или старшим братом. Главарь попросил спеть, и я ему не отказала, завела ту самую песню, из-за которой получила свое прозвище. Когда я закончила, то по привычке поклонилась, а он стал хлопать мне, растянув свой широкий рот в нелепой улыбке. На самом деле, скажи мне кто утром того дня, что после этой встречи мы с Львом станем добрыми друзьями, а я буду довольно известной личностью двора, я бы не поверила, покрутила бы у виска и нахмурилась. Но все было именно так.

Прошло совсем немного времени с того самого момента, как я познакомилась со Степой, а я уже знала каждого, кто жил в нашем дворе, и почти все хотели со мной дружить, и никому я не отказывала.

Совсем незадолго до того, как Льву исполнилось 18, и он уехал из двора, чтобы жить ближе к своему университету, я стала писать маленькие рассказы и сказки. Которые вскоре я прочитала главарю. Он так заслушался меня, что, когда я дочитала последнюю строчку, он возмутился и потребовал продолжение. А затем, немного подумав, предложил мне зачитывать свои тексты ребятам со двора. Я долго отнекивалась, но в итоге приняла предложение.

И вот, уже совсем скоро, я сидела в окружении ребят, что, хлопая глазами, внимательно меня слушали, а я совершенно спокойно, так, будто нахожусь в кругу семьи, читала им свои рассказы. Меня часто хвалили и говорили, что даже не знают, что у меня получается лучше: петь или писать, в любом случае, мне предписывали создание хотя бы одной книги. И я в шутку пообещала, что в своей дебютной книге обязательно напишу про жителей двора. Так у меня появилось еще больше друзей, а через некоторое время сами ребята стали приходить ко мне, чтобы рассказать историю, с просьбой что-нибудь про нее написать. То, что они говорили всегда было чем-то очевидным или об этом и так знали все. Но я никогда не отказывала в просьбах и всегда писала рассказы на основе тех историй, что меня просили.

История одного письма

Это случилось в один осенний день. За окном, как из ведра, лил дождь, он стучал по крыше нашей «панельки».

Я жила на последнем этаже и поэтому отчетливо слышала, как разбивается почти каждая капелька. Чердака у нашего дома не было.

Я занималась каким-то совсем неважным делом: то ли рисовала закорючки на листочке в клеточку, пока в моих наушниках играла спокойная музыка, то ли читала домашку по литературе, как вдруг услышала знакомый звук. На мою электронную почту, по всей видимости, пришло письмо.

Взяв в руки телефон, я открыла на нем почту, сразу же перед моими глазами появилось сообщение, я кликнула на экран, и оно открылось, я торопливо пробежала глазами по строчкам, не особо вчитываясь, когда вдруг поняла, о чем шла речь.

«Привет Соловей, это я — Журавль, ну, то есть Даня Меньшин.

Я знаю, что ты пишешь рассказы и тому подобное. Тебе часто говорят, что ты могла бы написать книгу. Так вот. Я пишу тебе, чтобы поделиться историей. ! НО ЕЕ НЕЛЬЗЯ ЗАЧИТЫВАТЬ ДЛЯ ВСЕГО ДВОРА, О НЕЙ ВООБЩЕ НИКТО НЕ ДОЛЖЕН ЗНАТЬ, НУ, КРОМЕ ТЕБЯ! Просто, я помню, как ты сказала, что книгу напишешь именно про наши истории.

В общем, может быть, тебе понадобится это. Да и мне бы очень хотелось просто необходимо высказаться, а ты кажешься очень надежной.»

Я пулей вскочила с кровати, неумышленно стащив покрывало. Комнатка у меня совсем крохотная, потому уже через две секунды я сидела за письменным столом, открывая ноутбук. Перед моими глазами снова появилось сообщение от Дани.

Снизу — под письмом, был прикреплен вордовский текстовый файл. Там, шрифтом Times New Roman размером 12 пунктов было что-то написано на 9 страниц. Я приблизила текст и начала с интересом вчитываться в строчки, с дикой жадностью глотая каждую букву.

Когда я закончила, то была поражена. Крайне поражена. Эта история вовсе не была похожа на те, что мне рассказывали раньше. Я перечитала текст еще раз и застыла в ступоре. Мысли стали путаться. Я, наконец, четко вспомнила кто такой Даня Меньшин. Это мальчик из моей параллели — типичный заучка.

У него были черные, как сажа, коротко остриженные волосы, аккуратный нос, пухлые щеки, широкий рот и небольшие серые глаза, которые становились совсем крошечными, стоило мальчику снять очки. Юноша был тощий и очень низкий — самого маленького роста из всей параллели. Он всегда носил одно и тоже: черный джемпер с голубой манжетой на рукавах, темно-синие брюки, которые еле доставали ему до щиколоток, лимонно-желтые высокие шерстяные носки, мужские туфли-лодочки грязно-коричневого цвета, очки с толстыми стеклами в массивной оправе, вместо рюкзака у него был темно-серый холщовый портфель, который он вешал через плечо, с помощью специальной темно-синей лямки.

Наверное, вам показалось, что такой человек как Даня никогда не оказывается в центре внимания (только если это внимание не вызвано насмешками над ним). Так и было. На Меньшина мало кто тратил свое время, это как уговор о мире: над ним не издеваются, а он не лезет куда не просят, сидит себе в уголке, читает на переменах книжки Пушкина или Лермонтова в толстых переплетах, иногда под угрозами дает списать дз или контрошу. Его все любили лишь за то, что он молчал и никогда не отказывал. Думаю, потому что боялся. Он, вообще, был довольно несклонен к смелости: дергался от каждого шороха, заикался, готов был сделать все, что угодно, лишь бы его не обижали. - По крайней мере, это - все, что я о нем знала до того, как прочитала историю, которую он мне отправил.

Теперь же мое представление о нем перевернулось с ног на голову и защемило сердце от какого-то непонимания и досады.

Я, действуя со скоростью света, словно впала в какой-то транс, создала новый файл на ноутбуке и переместила его в папку «Соловей сегодня написал...». Затем тапнула левой клавишей мышки и переименовала документ в «Дворовые секреты». Немного подумав, я открыла файл и написала такое обращение.

«Привет, это я — ваш Соловей!

Сегодня я пришла к вам с просьбой.

Думаю, многие знают кто я, и чем занимаюсь. Так вот, часто мне говорят, что со своим умением писать, я должна сочинять книги. И сегодня я решила начать работу над своим первым произведением. Но мне очень нужна ваша помощь! Почему именно ваша? Наверняка есть те, кто слышал мое шутовское обещание, что именно про наш двор я хочу написать свою первую книгу. И я не соврала. Поэтому я и прошу вас об услуге.

Просьба моя заключается в том, что каждый, у кого возникнет желание потребность высказаться, может скинуть мне на электронную почту свою историю. Можно сказать, исповедь.

Внимание! То, что вы пишете не должно быть чем-то известным, только самые тайные закоулки вашей души. Только самое интересное!

Главное: не обязательно, чтоб ваш рассказ был связным и написан литературным языком; пишите о том, что действительно вас волнует; не бойтесь, ведь ни одну из написанных вами историй я не расскажу и не прочту то, что выйдет в итоге. В книге я изменю все имена и клички и выпущу ее только тогда, когда эти истории уже не станут так волновать всех нас. Клянусь.

Искренне ваш неизменный Соловей.»

Затем я скопировала этот текст и выложила в Вк, в группе нашего двора - «Зоопарк на улице N».

Так это все и началось.

Что такое есть наш двор?

Чтобы не кидать читателя в непонятное пространство, живущее по своим правилам, я решила рассказать, почему вообще это место, заключенное между четырьмя пятиэтажками, стало таким важным для нас всех.

Однажды, на пустыре, на окраине некоего небольшого городка, построили серый пятиэтажный дом в восемь подъездов. Он одиноко простоял две весны, постепенно наполняясь жильцами самых разнообразных мастей, когда напротив него построили еще один дом — брата близнеца первому. Вдвоем они прожили еще четыре года, когда почти одновременно по бокам выросло еще две такие же «панельки». Так и образовался двор, со всех сторон окруженный четырьмя пятиэтажками с восьмью подъездами.

Доподлинно, на самом деле, не известно, когда именно двор стал таким, каким его видим мы.

Говорят, что все началось очень давно, когда еще только построили первый дом. Парочка ребят из разных квартир сдружились, а затем ещё и ещё, и получилась компашка из десяти или тринадцати человек разных возрастов. Говорят, что все были странноватыми. У этой компании сначала появились какие-то свои причудливые правила, переросшие впоследствии в законы. Именно эти ребята положили начало тому, что наш двор самый, что ни на есть, необычный.

Во дворе живут люди абсолютно разных возрастов...

Нет какого-то особого возраста, в котором люди становятся долей *нашей* части двора. Но, основном, в делах этой системы разбираются ребята не младше тринадцати лет (в редких случаях двенадцати или одиннадцати), а когда кому-то исполняется 18, то ему уже не интересно «возиться с малолетками и играть в отдельную страну» Никогда не понимала, почему так говорят, ведь не было такого, чтобы двор изображал из себя целое государство. Да, это было свое, немного непонятное остальным, общество, но разве в этом было что-то постыдное. В любом случае, были и те (по большей части главари и их друзья), кто интересовался делами двора вплоть до 20-ти лет.

Я, как вы уже знаете, оказалась вовлечена во все это в одиннадцать. И ни капли не жалею...

Сейчас я уже не знаю, существует ли двор в том виде, как я привыкла, каким придумали его мы и такие же глупые дети фантазеры до нас. Но все время, пока я там жила и до тех пор, пока не уехала, я была, как мне кажется, большей его частью и всегда мне мыслилось, что он останется, со своими обычаями и устоями, на еще довольно долгий срок. К тому же, Синица пообещала мне, что сохранит двор таким, каким он «попал в ее заботливые крылышки».

История одной клички

Мне повезло попасть во двор во время почти эволюционного момента. Признаком этой «эволюции» были прозвища. Ведь раньше никогда ребята, проживающие во дворе, не имели постоянные клички, заменяющие имя. Это новшество было далеко не случайным.

Все началось с того, что парикмахер Степы Граченко, статный мужчина довольно пожилого возраста с белесыми волосами и крученными усами, тяжело заболел. Потому вечером

пятницы Граченко получил на телефон смс, в котором парикмахер отменил запланированную на следующий день стрижку. Сначала, как говорил сам Степа, он был безумно недоволен тем, что теперь, как минимум до начала следующего месяца (у других мастеров парень стрижься наотрез отказывался), на его голове останется сумасшедшее кучерявое гнездо. На следующее утро юноша, глядя в зеркало, отметил, что такая прическа не привычна ему, но вполне симпатична. По прошествии еще недели волосы Граченко настолько разрослись (они подвержены очень быстрому росту), что стали напоминать потрепанное воронье гнездо, а еще через пару дней парень решил, что ему очень даже идет такой хаос и не хочет он состригать светло-кремовые кудри. После чего Степа отменил следующую запись к парикмахеру, решив, что волосы свои будет отращивать.

Так голова Граченко превратилась в вечно беспорядочный стог крученного сена. Казалось, кинь в его голову иглу или булавку, и никто некогда ее не найдет. И сначала друзья Степы были ну совсем против такого новшества. Где это видано, чтобы мальчик отращивал таких габаритов волосы! Сколько раз говорили юноше его товарищи, что это «бабское дело – волосы отращивать», но парень игнорировал их, отрезая, что ничего менять в своей прическе не будет.

Прошло довольно много времени с этой смены стиля, был то ли морозный февраль, то ли слякотный март. Когда Граченко вышел во двор, чтобы выпить чего-нибудь с друзьями за гаражами, то вдруг увидел кое-кого очень интересного. По дорожке, пересекающей блок двора от одной диагонали к другой, на высоченных каблуках топала «расфуфыренная мамзель», Степа, конечно, решил не упускать такой улов и торопливо двинулся в сторону девушки.

- Я тебя в нашем дворе не видел. Ты откуда? – Довольно грубо выкрикнул парень, еще не дойдя до высокой блондинки.

- А тебе какая беда? – Раздраженно фыркнула мадам, надув выкрашенные в красную помаду губы и сложив руки груди.

- Просто спрашиваю. – Объяснился Степа, выдохнув, и протянул шершавую руку.

- Не отсюда. – Отрезала девушка, с отвращением взглянув на протянутую ладонь.

- Да, не отсюда, - подтвердил, покачиваясь и теребя от волнения сережку в ухе, юноша.

- Будь отсюда, я бы знал.

Повисло молчание, мамзель смерила Граченко презрительными глазами и хотела было развернуться, когда парень выпалил:

- Красивые глаза, - из его уст это звучало просто уморительно, - как зовут?

- Меня? – переспросила мадам так, словно ей впервые задают подобные вопросы, - Ульяна.

- Краси... - начал было Степа.

- А тебя, похоже Лёва, - усмехнулась девушка, приподняв подбородок.

— Это с чего ты взяла? – нахмурился юноша, прикусив тонкую нижнюю губу.

Молча Ульяна указала на голову собеседника и, пока тот пытался понять немой жест, резко развернулась и торопливо зашагала по тонкой тропинке.

Вдруг в голову резко ударило осознание.

- Сука! – выкрикнул Граченко и хотел было сорваться с места, когда понял, что дамы как след простыл.

Конечно, такая неприятная история была рассказана Степой друзьям, которые, однако, не поняли злости парня и, наоборот, стали дразнить того, порой называя Львом.

А потом это переросло в привычку. Так Степан Граченко стал Львом.

Затем остальная шайка стала шутить, что раз у вожака есть кличка, то почему бы и им не обзавестись подобным. И они тоже получили прозвища.

Дальше случилась я и еще пара человек, удостоившихся второго имени.

И так постепенно большинство ребят двора получили клички. Их дают у нас по самым разным поводам: внешние признаки, черты характера, цельные образы или ситуации.

Я свою получила, как вы знаете, за то, что хорошо пою, а нет птицы, как считают ребята, что поет лучше соловья.

О главарях в нашем «маленьком государстве»

Стоит с самого начала сказать, что главарь во дворе один-единственный. Все занимают этот пост разное количество времени.

В основном им становится тот, кого выбирает предыдущий предводитель, к такому решению относятся с уважением и не смеют его оспаривать. Расскажу по порядку о тех, кого я знала или о ком мне рассказывал Лев.

Первым в моем списке будет Денис. Он главенствовал, когда еще Льву было 12, и мальчик приехал во двор. Сказано о нем было немного и непонятно. Вроде очень рано стал главарем (около 13 лет) и пробыл на этой должности примерно два или три месяца. После чего потерял авторитет из-за какой-то из ряда вон выходящей ситуации. Стоит сказать, что из-за этой ситуации Денис, также, стал изгоем. Был он тверд и очень горд, не склонен к милосердию, зато поддерживал агрессию. Один из тех людей, про кого говорят: вызывает страх, нежели уважение. Сам Степа, кстати, по секрету говорил мне, что искренне боялся тогдашнего главаря.

После неприятного Дениса центром двора стал совершенно другой человек – Илья. Да, вот он-то был хорошим предводителем, пусть и знаю я его только со слов Граченко. Стал вожаком он в 16 и был им более двух лет, после чего его место занял Лев. Человек Илья был крайне добрый, до того момента, пока кто-то не начинает сам к нему лезть или говорить слишком много ненужного. Степа попал в самую гущу двора к тому моменту, когда время Ильи подходило к концу, но ни это, ни разница в возрасте в три года не помешали ребятам очень сблизиться, стать практически братьями. Граченко до сих пор питал самые, что ни на есть, нежные чувства к своему другу, пусть и общались они после переезда Ильи лишь по интернету.

Следом был сам Лев, которого лично я всей душой люблю и уважаю. Он, как я полагаю, взял все свои повадки у прошлого вожака, отчего всегда старался относиться с пониманием и добротой к остальным, хотя, признаться, порой у него случались необъяснимые вспышки агрессии, во время которых следовало бы держаться от юноши подальше. Он был главарем три года, а затем уехал.

Потом шел Селезень. Юноша этот был абсолютно достойный человек, приятный как на внешность, так и на характер: справедливый, выслушивающий все мнения, завершающий начатое. На своем посту он был около года (ему самому в то время было 15-16), но его не особо интересовала эта условная «власть», к тому же, организаторские качества в нем были совсем не развиты. Можно сказать, что он интроверт. От «вожачества» он отказался сам, а на место главаря пригласил своего друга.

Этим самым другом был Леопард, коренастый парень с витилиго (именно из-за этой болезни он и получил свое прозвище). Ему было 15 с половиной и пробыл вожаком он около двух месяцев, после чего переехал жить в село к родственникам из-за смерти матери и оставил свой «пост». Леопард был не совсем приятным парнем, что даже немного противоречило его дружбе с Селезнем. Леопард огрызался на всех подряд, беспрерывно курил и любил задираť младших. Терпеть его было непросто.

После главенствовал Грач, угрюмый юноша с очень длинными черными волосами. Ему едва исполнилось 13, и он не особо понимал, видимо, что от него требуется, потому уже через месяц он передал эту должность своему старшему брату – Ящеру.

Тот был невысоким шуплым парнишкой, с очень упорным и изворотливым характером. На момент, когда он стал вожаком, ему было уже 17 и занимал он этот пост ровно год.

Когда Ящер оставил должность я уже уезжала со двора, потому единственное, что могу сказать о Синице, которая стала следующим вожаком, - ее обещание сохранить двор и сделать его лучше.

Журавль или секрет длинноклювой птицы

Журавль или секрет длинноклювой птицы

Все говорят, что клички – вещь особенная и очень злятся, если я смею назвать это глупостью. Но, обычно, я и не позволяю себе такого - предпочитаю промолчать.

Мое прозвище – насмешка, сарказм. И потому я ненавижу его самой что ни на есть лютой ненавистью.

Они зовут меня Журавль.

Когда я в первый раз услышал такое обращение к себе, только прозвенел звонок, оповещающая об окончании урока биологии. Я тяжело выдохнул и начал торопливо собирать принадлежности. Следующая математика, а именно этот предмет ребята не делают, предпочитая отобрать у меня тетрадь и пустить ее по классу, чтобы каждый мог списать. Потому теперь мне хотелось поскорее скрыться и вернуться только вначале урока, когда эти недоумки уже не посмеют трогать меня.

Я наклонился к рюкзаку, быстро, но аккуратно укладывая учебник и пенал, когда очень близко послышался этот до тошноты знакомый низкий голос:

- Так ты, Меньшин, у нас журавль? – будто над самым ухом заскрипел Калмыков, который в будущем получил кличку Кабан, вполне заслужено.

Мне хватило нескольких секунд, чтобы понять, что он имеет в виду.

Около десяти минут назад наша одноклассница рассказывала о журавлях. Одни из самых больших птиц, социальные животные, с красивыми длинными ногами и небольшой вытянутой головой – вот за что сейчас зацепился Калмыков, насмехаясь над моим откровенным несоответствием таким качествам.

Я промолчал, еще не зная, что это нелепое прозвище закрепится за мной. Я всегда молчал.

Молчал тогда. Молчу сейчас. И буду молчать еще очень-очень долго.

История, которую я хочу рассказать, произошла пару недель назад.

Одним солнечным октябрьским утром я проснулся раньше обычного. Отключил будильник и стал неторопливо собираться идти в место, к которому не питаю приятных чувств – школа. Я тогда и не думал, что этот привычный вторник запомнится мне навсегда.

Морозный воздух слегка щипал мои легкие и я, еле передвигая ноги, направился в сторону нашей школы. Когда я зашел в класс, то там было пусто, как и всегда. Это дурная, по правде, привычка, приходиться в школу почти за час до начала занятий. Я начал повторять стих, который нам задали по литературе, его, как и всегда, я заставил выучить себя до отскакивания от зубов. Постепенно в кабинет начали приходить ребята – мои одноклассники, которых я, как и многое в этой школе, терпеть не могу.

Литература, на которой я получил пятерку и похвалу от учительницы за превосходно рассказанный стих.

ИЗО – никогда не получалось рисовать красиво, хотя в детстве меня и пытались приучить к этому, записывая на разные кружки. Все-таки странно, мать художница, а сын с трудом выводит на бумаге неровный круг.

Физкультура – пионербол – отвратительная игра, в которой я не участвую, так как без очков едва могу разглядеть предметы в трех метрах от себя. Но, конечно, мои «любимые» одноклассники умудряются со всей силы шибануть в меня, мирно сидящего на скамейке для освобожденных, этим блевотно-жёлтым мячом.

География, на которой, по правде говоря, не произошло ничего интересного.

А затем... момент, с которого все началось.

Я по обычаю спокойно шагнул по серой плитке кабинета математики, направляясь к своей парте, когда почувствовал, как чья-то довольно тяжелая рука сжала мое шуплое плечо.

Не оборачиваясь, я понял, что сейчас будет. Меньше чем через секунду мою руку пронзила слабая боль и меня небрежно, как старую тряпичную куклу, развернули. Перед моим лицом выпятил свою массивную грудь Калмыков, мне пришлось приподнять голову, чтобы посмотреть в его толстощековое прыщавое лицо.

Я не смел спросить, что он от меня требует, потому, задержав дыхание от страха и от вони изо рта задиры, молча таранился на его красный нос-картошку. Я уже говорил, что одноклассников не люблю, но Калмыкова я ненавижу больше всего на земле, нет такого человека, исчезновения которого я бы желал сильнее. Иногда я даже мечтаю об этом, представляю, что его вовсе нет, не существует и в эти секунды грёз дышать мне становится на порядок легче.

- Тетрадь. – Грозно отрезал парень и с силой сжал мое плечо. – И порасторопней, я тороплюсь. – Он развернул меня и толкнул вперёд.

Я на ватных ногах сделал пару шагов к своей парте, поставил портфель и тяжело вздохнул, быстро доставая идеально гладкую зелёную тетрадь.

- Я ждать не буду, - грузно жужжал над самым ухом голос задиры.

И вдруг я, видимо, забыл, кем являюсь. Во мне за секунду на мгновение так всё вскипело, что даже самый подсознательный страх исчез, я неожиданно осмелел настолько, что нахмурил брови, расправил плечи, выпрямил спину и, с вызовом глядя в крохотные карие глаза ненавистного одноклассника, прошипел:

- Ничего я тебе не дам.

- Что ты сказал? – не заставил себя ждать ответ задиры, в выражение его лица я тут же прочитал неподдельное удивление и крайнее изумление.

- Ничего не дам. - Повторил я и даже оскалился, все, что я так долго хранил в себе словно вырвалось наружу, как ураган, сметавший всё на своём пути.

- Не носи чепухи, пернатый, давай сюда тетрадь, если жить не надоело, - Калмыков протянул ко мне свою большую ладонь, сведя кончики пальцев к переносице и поджав губы.

- Я ничего не обязан тебе давать! – Выпалил я, пытаюсь скрыть, что мой голос стал заметно дрожать – гнев уходил и мой позорный страх вновь начинал щекотать утробы души. – А если ты не прекратишь прямо сейчас, то я обо всем расскажу Светлане Игоревне! – Я расправил руки, пытаюсь казаться не настолько беспомощным в осознании своего поступка.

- Я считаю до пяти, - Кабан сжал ладонь в кулак, оставив лишь большой палец, и поднес руку к своему толстому горлу. – А затем... - уже тише и с каким-то особым значением сказал он, резко проведя у самого горла пальцем.

«Все его угрозы глупости. Просто бред.» - уверял я себя, сглотнув ком в горле.

Вдруг слова сами собой вырвались у меня изо рта:

- Нет. Ты ничего не получишь. – Я сжал зубы и звучно закрыл портфель, прижимая его к груди.

- Хорошо, - слегка улыбнувшись, пожал плечами юноша и отвернулся, начиная медленно удаляться от растерянного меня.

Я, испуганный и слегка восхищенный своим поведением, смотрел вслед Калмыкину, тот неторопливо шагнул к своей последней парте.

«Это правда? Он наконец отстал от меня» - пронеслось у меня в голове как раз в тот момент, когда я понял, что обречен.

В класс своей наглой гусиной походкой ступили друзья Кабана – Лещ и Таракан. Стоило двум рослым тупомордым парням перешагнуть порог, как задира махнул рукой, подзывая ребят к себе. Я сразу понял, о чем он им расскажет и по телу побежали волны мурашек.

Мне хотелось провалиться сквозь ту серую холодную плитку, на которой я стоял, так резко я понял во что влип. В голове беспокойно закрутились варианты ответов, оправданий, мольбы.

«Что я теперь буду делать?» - слезно спрашивал разум. Хотелось испариться, спрятаться, не находиться больше ни секунды в этом сумасшедшем мире.

«Мне конец. Определенно конец!» - я, как загипнотизированный, таращился в какое-то темно-коричневое пятно на полу неизвестного происхождения, с трудом регулируя дыхание.

-Эй, - вырвало меня из мыслей. - Да ты, я смотрю, дерзкий. – Шипящий грубый голос Таракана схватил меня за горло, стараясь придушить.

Ответа с моей стороны не последовало, и парень толкнул меня в плечо своей костлявой рукой. Я поднял затуманенный взгляд и попытался расслабить плечи.

- Ты сегодня, говорю, решил проявить наглость. – Таракан ухмыльнулся. – Уверяю, это первый и последний раз, когда ты позволил себе такое. – Его тоненькие губы разошлись в шакальской улыбке, ноздри расширились, потому что он начал глубоко вдыхать.

- Сегодня. Пять вечера. За гаражами. – Лещ был привычно немногословен.

- И только попробуй, дорогой, не прийти. – Сомкнул брови на переносице Таракан, разворачиваясь.

- Или с кем-то. – Буркнул Лещ, засунув руки в широкие карманы и уверенно двигаясь к парте Калмыкова.

В классе полном шума я слышал только глухой звук, с которым подошва кроссовок ударила о плитку. Задиры ушли и только тогда я смог выдохнуть, переваривая сказанные мне слова. Ответить я ничего не то, что не решился, я даже не подумал об этом.

Внутри все онемело, я начал рефлекторно сжимать и разжимать пальцы, пытаюсь хоть немного успокоиться. Мне вдруг показалось, что в классе очень холодно, хотя все окна были закрыты. Я беспокойно поднял взгляд на Кабана и случилось то, чего я сейчас безумно боялся.

Мальчик повторил недавно использованный жест, теперь уже медленно проведя мясистым пальцем под своей толстой почти свиной шеей.

«Мне конец.» - обреченно подвел я у себя в голове и, отвернувшись, зажмурился, понимая, что такого со мной еще не случалось.

Да, почти весь класс смеялся надо мной, обсуждал, не стесняясь, толкали иногда, заставляли отдать домашку или тетрадь с контрольной, но такого не было никогда. Это ведь были реальные угрозы. И я знал, что Калмыков не под каким предлогом не станет бросать пришедшую в его дурную голову затею. А что теперь делать мне? Это нечестная борьба. Три высоченных силача и я – маленький заучка, ни разу в жизни не вступавший в драку.

У этого сражения исход был предreshен, и этим исходом могло быть только одно. Мое жалкое поражение.

«А что, если не приду, если струшу и останусь дома? Они ведь побесятся, а потом забудут.»

Я попытался облегченно выдохнуть, но стоило мне только набрать воздуха, как мой взор снова упал на задиру. Тот улыбнулся во все кривые зубы и усмехнулся, затем потер ладони о друг друга.

Прочитал мои мысли? И теперь показывает, что пути отступления нет?

Я сглотнул огромный ком, застрявший в горле, и откашлялся. Дышать в холодном классе становилось все тяжелее и тяжелее. Страх с бешеной силой сжимал легкие, казалось, что он заставлял их бешено кровоточить.

Звонок.

Класс затихает. Только сейчас я понимаю, что на эту ситуацию никто не обратил внимания. Всем плевать. Чертовы одноклассники.

Я снова сглатываю, закрываю глаза и глубоко вздыхаю. Лишь благодаря тишине я могу сейчас это сделать.

Размеренными элегантными шагами в класс заходит Светлана Игоревна, молодая женщина подходит к учительскому столу, бережно поправляет очки и натягивает улыбку.

- Садитесь, - привычно растягивая слова, говорит учительница и почти незаметно поправляет заколку в волосах. Ее томный нежный голос слегка успокаивает меня, и я сажусь за парту.

- Сегодня у нас новая тема. – Спокойно продолжает женщина, поворачивается к доске и, немного вытянувшись, своим невероятно аккуратным почерком выводит «Проценты».

- Итак, - Светлана Игоревна вздыхает, готовясь к длинной речи. – Процент — одна сотая часть, используется для обозначения доли чего-либо по отношению к целому. Мы часто встречаемся с процентами в повседневной жизни. . .

Я старался как можно сильнее вслушиваться в слова учительницы, надеясь, что это поможет мне отвлечься от сжирающих изнутри мыслей, но стоило только женщине замолчать, как я снова почувствовал сумасшедшую тревогу и жуткий холод.

Вдруг класс пронзил неприятный писк.

- Ох, - Светлана Игоревна виновато посмотрела на свой стол. Там, что понятно, лежал ее телефон. – Извините, дети. – Промямлила учительница и подошла к столу, беря в руки телефон. – Надо ответить, - неторопливо и задумчиво протянула она и направилась к деревянной двери, отделявшей класс от коридора.

Только женщина переступила порог, как кабинет залился шумом. Разговоры, шутки, перешептывания.

Я медленно взял руками за голову, мое сердце бешено стучало в груди. Я пялил в парту, обводя взглядом фактуру деревянной доски, старался как можно сильнее зажать уши. В мою голову начали лезть мысли, их было так много, что казалось, если они все сейчас окажутся в моей голове, то она просто лопнет. Шум давил со всех сторон, ломая стену моей обороны.

«Сегодня наступит твой конец» — это была первая мысль, которая прорвалась сквозь мои попытки отогнать дурное. Сейчас-то я понимаю, что то была совсем дурная мысль, но тогда мне казалось, что и правда для меня все закончится именно в тот злосчастный осенний день.

Я еще сильнее сжал голову и закрыл уши. Но было уже поздно.

Страх забился во мне, как зверек больной бешенством. Я пытался перевести дыхание, но все четко.

Страх. Страх. Страх. Привычное и ненавистное чувство.

«Что делать?!» - задавался я вопросом, сильнее и сильнее сдавливая голову.

«Ничего уже не сделать» - сам собой пришел ответ, и я зажмурил глаза, в горле предательски зажгло.

«Какой же я придурок! Идиот! Сам себя завел в могилу! Если бы я только мог, мог исправить этого, то никогда бы не ответил дерзостью Калмыкову. Безумец и глупец!»

Я ненавижу боль. Знаю, это звучит странно, немногие ведь ее любят. Ничего удивительного. Но я, я как-то по-другому чувствую ее – слишком сильно.

В голове сами собой начали вырисовываться картины: разбитая губа, бровь, фингал под глазом, синяки, кровоподтеки и ссадины. И боль, боль, боль. Ненавижу.

Я сам не заметил, как мои глаза начали намокать, тогда мне казалось, что этот день – последний.

Я начал представлять: «А что будет, когда мать узнает?» Она будет страдать, плакать. Повторюсь, тогда на эмоциях я был свято уверен, что в тот день умру, как бы это не выглядело сейчас глупо.

Я вспомнил отвратительную угрожающую улыбку Кабана и пальцы сами собой стали цеплять короткие волосы, по всему телу пошла дрожь.

Мне казалось, что я вот-вот разревусь, как какая-нибудь девчонка. Я всхлипнул, надеясь, что этого не заметила соседка по парте.

В класс, к моему спасению, зашла Светлана Игоревна. Всё стихло, только мерный стук ее каблучков слегка нарушал мгновенно наступивший покой.

-Извините, дети, - повторила она и, положив телефон на стол, снова встала у доски. И так... - начала учительница.

Я поднял руку, точнее, взбросил ее вверх, прикусив нижнюю губу, чтобы не расплакаться.

- Что, Даня? – Мило улыбнулась мне женщина, - желаешь что-то сказать?

- Можно выйти? – выпалил я, затаив дыхание и скрывая дрожь в голосе.

- Да. – Спокойно и слегка озадачено ответили мне, и я поспешно поднялся со своего места.

Очень быстро я зашагал к выходу из класса, спиной чувствуя, как почти все взгляды с издёвкой направлены на меня.

Оказавшись за дверью, я почувствовал, что стало теплей, хотя именно в коридоре окна были открыты. Глоток свежего воздуха привел меня в чувство и я, наконец, отпустил губу. Засунув ладони в узкие карманы, я спешно направился в туалет, стараясь смотреть только в грязноватый пол.

Парочка соленых слез уже начала катиться с моего лица, и я осторожно ловил их на подбородке языком.

Шаг за шагом, я скоро достиг пластиковой двери в уборную, снова вздохнул и надавил на ручку.

Прошмыгнув в туалет, я занырнул в самую отдаленную кабинку, закрыл защелку. Прижался к холодной стене и начал медленно сползать по ней, закрывая лицо влажными руками, ставшие ватными ноги не держали меня. Собственная слабость отдавалась болью в груди и горле, обвивая проволокой глотку. Всклипывая и с трудом переводя дыхание, я думал о том, когда начались все эти издевательства. И ответа найти не мог.

«Почему именно я?» – руки подрагивали, не знаю, переживал ли я когда-то так сильно. А ведь всё это такой нелепый сущий пустяк.

«Вовремя не ответил.»

«Попытался исправить ситуацию теперь. Но сколько времени прошло. Поздно»

На секунду вспомнил, что если не вернусь в класс, то за мной кого-нибудь отправят. Все равно. Я не могу вернуться туда сейчас. В таком виде. С такими мыслями.

Я сжимал в руках свой джемпер, хлюпал носом и всё не переставал плакать, скрепя зубами.

Не могу сказать точно, сколько я просидел на этом холодном кафеле, глотая слезы, когда до моих ушей донесся легкий скрип открывающейся двери.

«Начало конца.»

Вздох глухим ударом бабахнул в груди, отдаваясь эхом по рёбрам.

На все 100 процентов я был уверен, что это пришли за мной. Сейчас начнут звать, стучать в кабинку.

Скулы начало болезненно сводить, я молча прислушивался, ожидая, когда вошедший что-то скажет. Как осторожная птица, ступающая по болоту, я наострил уши.

«Некто» молчал. Замер у двери, наверное, почувствовав, что он здесь не один.

Эта тишина длилась секунд двадцать.

Я, сжавшись как птенчик, ждал каких-то событий.

Послышались тихие шаги. Точнее, тогда мне казалось, что ничего громче я никогда не слышал. Я торопливо перебирал в голове возможный исход.

В голову пришла новая мысль.

«Лишь бы не учитель».

Но этот страх быстро отпустил меня, когда «некто» наконец подошел и нерешительно встал напротив кабинки. Вместо беспокойства пришел умопомрачающий ужас. Ведь я увидел обувь «незнакомца». Точнее. Я знал этого человека, его знали все.

На белоснежных кедах с небрежно завязанными шнурками красовался рисунок: черепа пускали в воздух густые струи дыма из сигарет, зажатых в их зубах. На тонкой подошве каллиграфическим почерком было выведено: «You can't be afraid of people willing to hurt you, cause if you fear life, then you will never live.».

Селезень.

Я не знал его настоящего имени, только прозвище. Второй, как говорят, по важности человек во дворе, лучший друг Льва.

Сердце забило, казалось, в сотню раз быстрее, а то и больше. Руки начали подрагивать, я вжал ноги в шерсть джемпера, еле дыша.

Юноша за дверью молчал, мне начало чудиться, что он прямо сейчас собирается сделать мне что-то плохое. Оставалось лишь гадать что именно.

Затаив дыхание, я прислушивался, но ничего не было слышно. Оттого становилось вдвое страшнее. Вдруг мои нервы не выдержали, и я всхлипнул, закрывая лицо руками. Потом спохватился, зажал рот рукой, стараясь вообще не дышать больше, будто это могло хоть чуточку помочь.

За стеной кабинки послышался какой-то озадаченный вздох.

- Чел, у тебя там все норм? – послышался неожиданно участливый и доброжелательный голос.

Я удивленно захлопал глазами, не отвечая.

Но мое тело слегка расслабилось, руки спокойно опустились на плитку.

- Хей, - Легкий стук по двери потревожил внезапно вновь наступившую тишину уборной.

Снова с моей стороны молчание. Напрягшись, я снова подтянул ноги к груди, прикусив уже кровотокающую губу.

- Предупреждаю, я могу войти. – Не ясно было: правда ли это предупреждение или просто-напросто угроза.

Я решил, что второе, потому отодвинулся подальше от двери, стараясь действовать как можно бесшумнее.

Пару секунд ничего не происходило, затем Селезень тяжело вздохнул:

- Я предупреждал, - не видел его тогда, но могу поклясться, что где-то по ту сторону он пожал плечами. – Вхожу.

Мне было не очень сложно поверить, что какой-то там старшеклассник сумеет взломать защелку, издав лишь пару шорохов. И...

Щелчок. И дверь кабинки слегка приоткрылась.

Все мое нутро сжалось, кажется, я даже начал слегка трястись. Сказать, что в тот момент мне было страшно – ничего не сказать.

Я даже не успел подумать, что будет дальше, когда в дверном проеме появился он – юноша лет пятнадцати с кислотно-зелеными волосами.

Лицо его моментально изобразило крайнее удивление, щеки слегка порозовели, по нему было видно, что где-то в голове у него крутятся шестеренки, продумывая, что делать дальше.

Селезень неловко откашлялся, тяжело выдохнул и, уставившись на меня своими почти черными глазами, протянул:

- Я был бы не против услышать, что у тебя произошло. – Парень почесал затылок и зашел в кабинку, как-то бережно закрыв за собой дверь.

Судорожно переводя дыхание, я молчал, глядя на «гостя» перепуганным взглядом.

Юноша снова вздохнул и поправил черный браслет на своем тонюсеньком запястье, бегая глазами по моему лицу.

- Ты извини, что я так вошел. – На удивление, он протянул мне руку и помог встать.

Я продолжал молча пялиться на него.

Селезень засунул руки в карманы джинсов и, заправив за ухо прядь волос, сказал:

- Ты можешь идти, если хочешь, - мямлил он, что-то теребя в кармане. – Просто в некоторых вопросах я мог бы помочь. – Задумался, переводя дыхание. – Да, это глупо. У тебя нет причин мне верить и думать, что я хороший. – На секунду замолчал и уставился в окно, провожая взглядом пролетающую мимо ворону. Я повторил за ним. – А у меня нет причин бескорыстно помогать тебе. – Горько усмехнулся. – Мы даже не знакомы. – Юноша замолк, опять слишком громко и тяжело вдыхая.

Он, не произнося больше ни слова, разглядывал в окне огромное дерево, стоявшее во дворе нашей школы и сейчас разукрашенное желто-рыжими осенними красками.

- Красиво, - послышалось спустя пол минуты.

И только через еще минуту он наконец передернул плечами, хрустнул пальцами и продолжил:

- Я могу помочь.

В ответ мое молчание.

- Однако, если бы ты хотел, чтобы я ушел, то я сделаю это.

Я снова молчу.

- Или я могу остаться и помочь.

Тишина.

Еще один вздох.

- На худой конец, я могу подождать, пока ты сам захочешь рассказать.

Я всем своим нутром желал ответить «нет, уходи». Но единственное, что я тогда смог – кивнуть головой в знак согласия, а затем горько осознать, насколько я попал.

Селезень кивнул в ответ, потом, засунув левую руку в карман, тихо спросил:

- У тебя есть какая-нибудь болезнь, связанная с дыханием?

По мне было видно, наверное, что вопрос не понят.

- Ну астма там и так далее, - юноша напряженно смотрел в одну точку над моей головой.

Я покачал головой, отрицая.

- Тогда ты не должен быть против, - парень достал из кармана руку, в которой была зажата зажигалка, после чего он заправил прядь волос за ухо и только тогда я заметил, что за ухом у него торчала сигарета.

Я опешил, стало нехорошо. Какие же проблемы будут, если сейчас сюда кто-то зайдет. Ведь точно и меня в этом всем обвинят, и даже разбираться не станут, как это любят делать все абсолютно учителя.

Селезень приоткрыл окно, зажег сигарету, глубоко вздохнул и неторопливо затянулся. Завороженно я разглядывал его: выпуклые ключицы скрывает черная рубашка навывпуск; бледные запястья украшают фенечки и браслет; на небольших ушах, как игрушки на елке, многочисленно повисли украшения; на руке, покоившейся на подоконнике, татуировка в виде какой-то причудливой гитары.

Задумался: настоящая?

Молчание между нами длилось еще минут пять и было оно, к моему крайнему изумлению, совсем не напряженным, скорее комфортным и успокаивающим, но немного непонятным. Я даже не задумывался, что за мной никого не отправили.

Сам того не заметив, я выпалил:

- Ты точно сможешь помочь? – голос мой звучал жалко, подрагивал.

- Смотри какой вопрос – послышался ответ. Селезень продолжал смотреть в окно, выпуская в потолок дым. Потом он поднялся на своих тонких руках и запрыгнул на подоконник, перевел взгляд на меня и спокойно улыбнулся.

Я еще недолго таранил взглядом плитку, затем поднял глаза на юношу, тот курил, продолжая смотреть на меня.

- Мои одноклассники. – Я дрожащим пальцем провел по плитке, формулируя мысль. – Эм, они, ну, - я не знал, как продолжить. Селезень спокойно ждал, черными бусинами своих глаз, как каким-то фантастическим лазером из фильмов про супергероев, сжигая желание продолжать молчать. – Они, знаешь, не то, чтобы издеваются надо мной, - я запнулся и задумался.

В очередной раз повисло молчание, я почесал переносицу, рвано выдохнул и из меня потоком бурной реки хлынули слова:

- Я просто устал! Эти вечные насмешки в мою сторону, редкие толчки на лестницах, никто из них не общается со мной! И это вечное: дай списать, дай дз, дай, иначе познаешь, что такое по-настоящему плохая жизнь. – Мои руки покрылись мурашками, я глубоко вдохнул, чтобы успокоиться, вниз к легким потек воздух с легкой примесью табачного дыма.

Селезень хлопал своими большими глазами-бусинкам, не торопя меня, ожидая, пока я сам всё скажу.

- Сегодня этот противный урод Калмыков просто превзошел сам себя! Они хотят убить меня! Они...

- Убить? – резко перебил меня юноша, затушив сигарету и скинув ее наружу – в окно.

Я замешкался. Абсурдность моих слов ударила в мозг, как кувалда ударяется о наковальню.

- Побить в любом случае! – Неловко воскликнул я, понимая, какую ошибку совершил. Я наполнился уверенностью, что после этих самых слов насмешки надо мной станут обычаем не только нашего класса, а всей школы в целом. Сердце пропустило несколько скупых напуганных ударов.

Мой собеседник закинул голову, постучал черными ногтями по подоконнику и слегка ухмыльнулся.

- И как так вышло? – чувственно спросил он уже через пару секунд.

- Я не дал им списать, - на секунду я остановился, - и нагрубил.

- И за это они собрались тебя побить? – глаза Селезня стали еще больше, он словно не верил мне.

Хотел я было подтвердить его слова несвязной белибердой, когда юноша продолжил:

- Господи, вы какой вообще класс?

- бв.

- Ну у вас, у мелких, и драма. – Парень ухмыльнулся, поднял глаза, вспоминая что-то. – У нас такого не было, - он искренне мне улыбнулся, и я опешил от такой реакции.

Пару десятков секунд мы оба ничего не говорили, затем он поинтересовался:

- Тебя как зовут?

- Даня.

- Кличка? – Вскинул бровь Селезень.

- Журавль.

Недопонимание отразилось в глазах старшеклассника, он окинул меня взглядом, поморщился и изрек:

- Не похож.

- Потому так и назвали.

- Глупые дети, - парень хрустнул пальцами.

- А ты?

- Сам знаешь, - вновь улыбнулся мне парень.

- Селезень. – Кивнул я головой.

- Так-то я Антон. – юноша стукнул ногой стенку, - но с кличкой ты не прогадал.

- Клички у соба... - я прервал себя на полуслове и бросил взволнованный взгляд на собеседника.

Тот удивился моим словам, затем опустил голову, немного подумал:

- Да, ты прав.

Я поднялся с пола и подошел к старшекласснику, мне вдруг стало немного спокойнее.

Неужели не все они были такими плохими, как я всегда считал?

- Если бы я не был собой. – Селезень хотел было продолжить, потом усмехнулся и уставился на меня. – Если бы я не был собой, то не стал бы тебя слушать и посмеялся, может быть, даже опозорил бы. – Он замолчал. – А сейчас предложил бы электронку. – Выжидающе две черные бусинки уставились на меня, но реакции не последовало. – Но я такое не курю, - недоверчиво продолжил юноша, искоса глядя на мое лицо. – Глупость, - вынес он вердикт.

- Да. – отрезал я, стараясь показать свое безразличие к подобным вещам.

- Да. – Повторил Селезень и начал настукивать какой-то ритм ногтями.

Где-то за окном громко каркнула ворона, после снова повисла тишина.

Только слабый стук, с которым ногти ударяются о пластик подоконника.

- Почему тебя называли Селезнем?

Безмолвный ответ последовал сразу же. Юноша запустил руку в свои кислотно-зеленые волосы и слегка взмахнул ими. Они заблестели под не греющим октябрьским солнцем.

Мы с минуту просто молча смотрели в окно, там со старого дряхлого дерева, растущего во дворе нашей школы, плавно на землю падали красновато-рыжие листья, аккуратно приземляясь на шероховатый асфальт.

По небу, не торопясь и довольно низко спустившись к земле, плыли густые белесые облака, казалось, что крыши «картонных» пятиэтажек таят внутри них. Сквозь просветы в облаках виднелось слегка синеватое небо, по нему мирно туда-сюда сновали крошечные воробы.

- Почему ты куришь? – спросил я, разглядывая кеды старшеклассника, сложно не признать, что они и вправду были симпатичными.

- А что? – ответ показался мне резким, но когда я поднял глаза на Селезню, то первое впечатление развалилось, как плохо построенный картонный домик, щеки парня слегка покраснели, а глаза сверкнули чем-то неуловимым и прозрачным.

Затем этот блеск пропал и он, казалось, на пару секунд погрузился в раздумья.

Тишина выдалась неловкой, потому я робко начал:

- Ни...

- Хочется. – Отрезал мой собеседник и спрятал глаза за прямыми волосами. Я понял, что он хотел ответить вовсе не это, но что-то помешало ему сказать правду.

- Не боишься, что тебя хватятся? – постарался я заполнить бессловную пустоту глупым вопросом.

- А тебя? – спросил в ответ подросток и ухмыльнулся, быстро пробубнив, - надеюсь нет. Я не совсем понял его слов, потому сначала молчал, потом под нос себе сказал:

- Странно.

- Что странно? – раздалось, стоило только мне закончить.

- Что за мной никто не пришел.

- А должны были? – Селезень вдруг закинул ногу на ногу и облокотился руками назад.

- Наверное. – Я провел пальцем по подоконнику, проверяя, насколько он чистый. Затем на секунду я задумался о том, что и правда никто не пришел. – Не знаю.

Я вспомнил о паре фраз, что услышал из уст перешептывающихся одноклассников:

- Самого главного ведь называют Львом?

- Самого главного, - насмешливо протянул Селезень, - да. Кличка. – На секунду он замялся, потом продолжил. – Прозвище.

- Он скоро уезжает? В этом году я не видел его в школе.

- В прошлом году выпустился. – Антон грустно покачал головой. Молчал целую минуту, затем добавил. – Да, уезжает. – Парень нахмурился, и я заметил, как он с легкой обидой дернул ногой. – Говорит, что его уже достало каждый день преодолевать такой огромный маршрут до университета.

- А кто станет главным, когда Лев уедет?

- Никто не знает. – Наигранно пожал плечами старшеклассник и отвернулся, переводя взгляд на дверную защелку.

- Мне казалось, вы друзья, к тому же, раз ты такой важный, то должен знать. – Я тоже смущенно отвел взгляд, понимая, что этот разговор совсем не нравится моему собеседнику.

Ближайший десяток секунд никто не произносил ни слова.

Потом, сглотнув, юноша промямлил:

- Я.

Ничего не поняв, я уставился на него, Селезень бросил на меня быстрый взгляд и, заметив мою растерянность, повторил более четко:

- Я. – Он совсем немного помолчал. – Я буду вожаком.

Слегка напрягшись, я перевел взгляд на свои колени.

Видимо, желая переменить тему, старшеклассник спросил:

- Почему ты не даешь сдачи? – Селезень склонил голову в бок, почесав запястье и уставившись на меня.

Провожаемый его взглядом, я прижал ладони к подоконнику и на слегка дрожащих руках поднялся.

Я пожал плечами и поджал под себя ноги, положив подбородок на острые колени.

- Так кого ты назвал мерзким уродом, который хочет тебя убить? – Юноша поправил ворот рубашки.

- Они не убьют меня. – Отрезал я, потом добавил – я это по-глупости ляпнул.

- Не меняет дела. – Мой собеседник прижался затылком к окну, сложив руки замочком на животе. – Кто?

- Калмыков. – Тяжело вздохнув, я вспомнил эту неприятную рожу, которую невероятно сложно было бы назвать лицом. – И друзья его, - рваная фраза при беспокойном вдохе.

- Кто?

- Таракан и Лещ.

Селезень усмехнулся, неосознанно я заметил, что лишь его смешки не выглядели злыми и жестокими.

- Послушай, неужели ты думаешь, что если я такая важная шишка во дворе, то знаю каждого, кто в нем живет по кличке? – Парень поглаживал один свой палец другим.

Я не ответил на вопрос.

Вместо этого постарался и вправду вспомнить, как их зовут. Лещ и Таракан. Лещ и Таракан. Нет, ну у них же есть настоящие имена и фамилии. Какие? Я удивленный тем, что не могу вспомнить (ведь память у меня хорошая), начал судорожно перебирать всевозможные варианты. В конце концов, ведь учителя их как-то называют. Осталось вспомнить как.

Я сидел больше минуты, молча тараня взглядом стекло и все пытался отыскать в своей памяти имена обидчиков. Ответ, правда, оставался все тем же.

Не прекращаясь, в моей голове крутилось: Лещ и Таракан, Лещ и Таракан.

Я рвано выдохнул и озадаченный своим поражением в борьбе с собственным разумом твердо огрызнулся:

- Не важно ведь, как их зовут, эти имена тебе ничего не скажут.

- Ты хочешь, чтобы я тебе помог? – Селезень выгнул бровь, моя грубость явно не поднимала ему настроения.

В ответ я только кивнул и застенчиво прикусил губу.

- Имена. – Отрезал старшеклассник и выпрямил ноги.

Я максимально сосредоточился и напряг мозг. В конце концов, я должен вспомнить хотя бы фамилии.

- Калмыков, его зовут Андрей. – Я мысленно кивнул сам себе.

- Про него ты уже говорил. Он единственный?

- Нет.

Юноша пожал плечами, как бы наталкивая продолжать.

- Ещё Маркин и Дождин. – С неприязнью я слегка поморщился, - они друзья Калмыкова.

- Окей, - протянул парень.

Мы оба молчали где-то минуту, потом Селезень соскочил с подоконника и многозначно уточнил:

- Так, - почесал тонкое запястье, - Калмыков, Маркин и Дождин?

- Да. – Задержав дыхание от волнения, промямлил я, сложно было поверить, что один лишь разговор может решить эту проблему, успевшую за короткое время стать главной в моей жизни.

Впрочем, признаться, я не верил до самого конца.

- И с этим надо разобраться сегодня, - пробубнил старшеклассник себе под нос.

Я не успел сказать что-либо в ответ.

Юноша щелкнул, и дверка открылась, прошло всего пол секунды и Селезня и след простыл.

В моей памяти зафиксировался только ускользающий черный силуэт.

Никто не удивится, если я скажу, что к гаражам в тот день не подходил и на пушечный выстрел. Признаться, в тот день я вообще не выходил из дома и всё время с опаской поглядывал на окно своей скромной комнаты (мы живем на первом этаже, и обидчики знают это).

В следующее утро я уже смутно помнил о том, что сказал мне Селезень, я уже говорил, что не возлагал надежды на его слова и не верил в то, что он станет мне помогать. В школу я собирался не свойственно для себя медленно, соблюдая приличную временную дистанцию между каждым действием. Неприятное почти осязаемое ожидание беды, с которой я готов был встретиться в тот день в классе, угнетало меня. То короткое расстояние от подъезда до дверей школы далось мне с огромным трудом, ноги стали свинцовыми, и я еле мог поднять какую-то из них, чтобы сделать шаг.

По этой причине я опоздал, что совершенно мне не свойственно. Смею предположить, что все, включая учителя, подумали, что я заболел.

Я ждал конца. Когда носки моих туфель оказались на пороге класса географии, я уже и не помнил одного слова, сказанного Селезнем.

Вобрав в свои легкие побольше воздуха и уже приготовившись слушать агрессивные высказывания, терпеть нападки, я сделал шаг.

На меня поднялось с десятков удивленных глаз. Где-то вдалеке полупшепотом послышалось еле разборчивое хрипловатое:

- А я уж думала прибили.

Я старался не обращать на это внимание, попутно игнорируя разрешение войти от робкой молодой учительницы.

Мой собственный взгляд был направлен на никого иного, как Калмыкова, сердце пропустило пару глухих тусклых ударов – задира бросил на меня торопливый взор и уткнулся в парту, стараясь не двигаться, казалось, поднеси сейчас тыльную сторону ладони к его носу и ты не почувствуешь теплое дыхание на коже.

Я таранил его взглядом всего несколько секунд, но этого мне хватило, чтобы все понять. Уставляя взгляд на Леща, я уже знал, что тот будет сидеть, по обыкновению, сгорбившись и прожигать глазами дырку в парте точно также, как и его друг.

На Таракана я даже не удосужился взглянуть.

Меня отпустило, чувство было такое, словно с моей спины сняли валун. Затем я удивился и ошарашенный побрел к своей парте.

Усевшись на стул, я, непривычно для себя, подпер голову левой рукой и задумался, совершенно не сосредотачиваясь на уроке.

Конечно, я сразу понял, что произошло. Я не мог даже и представить свою благодарность, она была просто настолько огромной, что не помещалась в мои мысли. Я рвано выдохнул. На секунду меня выбросило обратно в класс, я зажмурился.

Доносится какой-то голос. Учитель? Исток. Русло. Дельта. О чем мы говорим? Напрягаюсь, чтобы голос перестал звучать так, словно за бетонной стенкой. Что-то, кажется, про реки. Всё равно, как не старайся, у меня не выходит разобрать что-либо кроме отдельных слов и смазанных звуков.

Я стараюсь дышать ровнее, мысленно считаю до 10 и снова до 1.

Неужели правда помог?

Селезень помог мне?

Больше я не о чем не мог думать, почти сверхъестественная мысль засела в моей голове, и я даже не обратил внимание на звонок, который прозвучал, казалось, слишком рано.

Задумчиво и неторопливо я складывал вещи в портфель, когда мимо почти прокрался Калмыков. Увидев знакомые серые кроссовки, я поднял голову, не ожидая, что мальчик смотрит на меня.

Его лицо было даже краснее, чем обычно, щеки сильно надуты, а глаза словно впали, настолько они казались малюсенькими. Сильно приглядевшись, можно было разглядеть небольшую капельку пота, стекающую по его толстой шее.

- Ты это... - промямлил он, глупо почесав затылок, - прости меня. – Было видно с каким трудом, граничащем со страхом, ему дались эти слова. Задира поднял голову, его свинячьи глазки блеснули, улавливая информацию. – И Леща с Тараканом тоже прости.

Я ничего не сказал. Пару секунд просто пялился на припухшее лицо Кабана, затем кивнул, скрывая ухмылку.

Этот ужас закончился.

Мой собеседник уже развернулся, когда в голову ему пришла еще одна мысль, он повернул ко мне голову и добавил, шмыгнув массивным носом:

- И всех остальных прости. – Он помедлил секунду, затем добавил, - ну, одноклассников.

После этих слов Калмыков быстро, как только мог, вылетел из класса. Я увидел, как за ним торопливо засеменили его дружки. Все трое скрылись за дверью.

Я, не показывая виду, заликовал, впервые за долгое время на моем лице промелькнула довольная улыбка.

Из класса я вышел совершенно другим человеком, расправил плечи и гордо поднял голову. В груди моей разливалась теплая благодарность.

Вот уже я замечал, как лучи недавно взошедшего солнца игрались, переливаясь, в волосах проходящих мимо людей, а не просто светили в глаза, ослепляя на пару секунд.

Вот уже я не таращился с отвращением на темно-желтые пятна на бежевом деревянном полу, а шел, подняв подбородок.

Вот уже давящие синие стены второго этажа показались какими-то незнакомо красивыми.

Вот уже кабинет математики не вызвал тугое сжатие сердца, а растянул, как сладкий мед, на моем лице еще более широкую улыбку. Вот уже я почувствовал еле уловимый приятный запах цветов, стоящих на подоконнике.

Вот уже я неторопливо и с толком разложил вещи по своей части парты.

Вот уже я совсем раскрепощенно вышел в коридор и стал неторопливо прогуливаться мимо окон, выходящих на то самое дерево, которое я еще вчера разглядывал, думая, что обречен.

Я на носках обуви развернулся и лицезрел открытую дверь в мужской туалет. Что-то неряшливо засовывая в широкий карман, из него вытек Селезень. Юноша двинулся вперед, непривычно элегантно пружиня на черных кедах. Поначалу он меня совсем не заметил, но затем видимо почувствовал на себе взгляд и поднял глаза на меня.

Какая-то странная неразличимая эмоция озарила его блестящие бусинки, на лице появилась сдержанная улыбка. Он молча кивнул, спрашивая, вероятно, отстали ли от меня.

Я кивнул в ответ, и улыбка моя стала еще шире.

Селезень хихикнул, а я еще раз благодарно кивнул.

Затем мы прошли мимо друг друга и уже не могли подавать знаков. Я в приподнятом настроении и смущаемый удивлением от того, что познакомился с человеком, который легко смог решить мои проблемы, продолжал движения взад-вперед по коридору.

Я навернул уже немало кругов и до звонка оставалось совсем немного времени, когда дверь, за которой находились пожарные лестницы, скрипнула и на этаж ступил Дмитрий Васильевич. Он работает в нашей школе заместителем директора и всегда был крайне озабочен поведением обучающихся, потому, каждое его появление вызывало озадаченный кипишь и рассасывание учеников по кабинетам.

Однако же, я остался на прежнем месте.

Дмитрий Васильевич – невысокий пухлый мужчина лет 45-ти с очень выразительными карими глазами и шероховатой кожей.

Он несколько секунд стоял в раздумьях, затем почесал затылок крепкой рукой и грузными шагами направился в сторону туалета, из которого пару минут назад манёвренно выскользнул Селезень.

За следующей немой картиной я наблюдал издали, но это не помешало мне без каких-либо трудностей всё понять.

Замдиректора вошел в туалет и уже меньше, чем через десяток секунд, выскочил оттуда с крайне возмущенным, ошарашенным и беспокойным видом. Совсем скоро он с силой дернул дверь, ведущую на главную лестницу, и скрылся.

Казалось, я все сразу понял. Лишь чтобы подтвердить свою определенно верную теорию, я отправился к туалету.

Стоило только зайти, как мне в нос ударил знакомый запах. Точно такое же я чувствовал вчера, когда Селезень пускал в потолок почти невидимые струйки дыма.

Сконфуженно я запустил руку в волосы и потрепал их. Надеюсь, что все обойдется, я, поднявшись на носочки, нараспашку открыл все окна и, уходя из злосчастного туалета, оставил дверь открытой, чтобы всё проветрилось. В тот момент я наивно понадеялся, что директор не поверит Дмитрию Васильевичу без доказательств.

Сразу, как я оказался за распахнутой дверью, прозвенел звонок.

Прошла половина урока и Светлана Игоревна уже настойчиво предлагала кому-нибудь выйти и показать решение задачи на доске, когда в дверь постучали.

Прошло пару секунд и в класс, деловитой походкой преодолевая расстояние от порога до учительского стола, явился Дмитрий Васильевич, а следом за ним, сердито нахмурившись, вошел Петр Игнатович.

Весь класс, с маленьким растерянным промедлением, встал.

- Какой класс? – Отрезал замдиректора, начиная раздражающе настукивать пальцем по столу.

- бв – Пролепетала моя соседка, нелепо хлопая большими серо-голубыми глазами.

- Садитесь, дети, - как всегда спокойным и уверенным голосом обратился к нам директор. Потом он перевел взгляд на своего зама и, слегка пожав плечами, спросил. – А есть ли смысл заходить к шестиклассникам?

- Ты...Вы не знаете, какие сейчас пошли дети, - настороженно и с подозрением мужчина окинул нас взглядом. – К тому же... - задумался он, - они могли видеть... что-нибудь.

Петр Игнатович вздохнул, пытаясь казаться крайне спокойным и заинтересованным, но в его голосе чувствовалась львиная доля раздражения. Наверняка всё это отвлекало его от каких-то действительно важных, по его мнению, дел.

Все молча ожидали, что будет дальше. Светлана Игоревна села на свой стул и начала довольно, казалось, безразлично заполнять что-то в большом бумажном журнале.

- Так что... - Прервал тишину Васильевич. Он вновь почесал морщинистый затылок. – Например. – Указал мужчина на меня взглядом и жестом руки. – Вы, молодой человек, кажется, были в коридоре. Не заметили ничего странного?

Сердце бешено забилося в груди, легкая дрожь начала подкашивать ноги. Врать в глаза самому замдиректора... Я ведь уже давно догадался, что именно так торопливо Селезень скинул в карман своих брюк.

Спиной я чувствовал, как на меня все смотрят, как пара любопытных носов склонились ближе, прислушиваясь.

- Ничего такого не замечал. – Отчеканил я и театрально пожал плечами. Сами собой глаза соскользнули на директора, наши с ним взгляды встретились, и я резко опустил голову в пол. – Ничего не видел. – Уверенно повторил я.

- Может, кто-нибудь...? – Неловко начал Петр Игнатович, заложив руки перед собой, его светло-коричневые глаза скакали с одного ученика на другого, словно сканируя.

Я поежился, когда «очередь» дошла до меня.

Мужчине никто не ответил и он, развернувшись, сказал задумчиво, словно сам себе:

- Обычные дети.

И начал удаляться из класса мерными шагами.

Дмитрий Васильевич еще раз смерил каждого неопределенным взглядом, азартный блеск в его глазах слегка притух, и он тоже вышел за порог, бросив Светлане Игоревне:

- Извините, что помешали.

Как только замдиректора скрылся, класс заметно оживился, налился шепотом, кто-то стал перекидывать какие-то бумажки, где-то кто-то вполголоса спросил:

- Че вообще произошло?

Этот вопрос остался без ответа, как и сотня других, наполнивших класс непрерывным шумом.

Учительница недовольно пилила нас глазами, уже зная, что не заткнуть.

- Тихо! – Своим обыкновенно хриплым приглушенным голосом рявкнула Собака, все ее возгласы были бесконечно похожи на лай.

Она, сосредоточившись, впечаталась в экран своего телефона, спрятанного на коленях.

- Короче, - начала она, заправив за ухо беспокойную каштановую прядь. – Кого-то из старшаков спалили с сигами в туалете.

По классу пролетела волна шепота.

- А, нет! – Вдруг твякнула Собака. – Короче, зам зашел в туалет, а там воняло сигами и теперь они ходят по кабинетам и что-то выискивают.

- Откуда инфа? – Спросил писклявый мальчишечий голос откуда-то с задних парт.

Девочка многозначительно подняла тонкий палец вверх и сказала с гордостью:

- Знакомые из других классов.

- Ну и идиоты. – Вынес кто-то свой неуместный вердикт.

- Кто?! – Возмущенно и по-собачьи сморщила нос Морякова.

- Они.

- Кто они? – Зло прохрипела Лера, видимо, думая, что задевают ее знакомых.

- Директор и зам. Они на что надеются?

Собака обмякла, понимая, что зря разозлилась. Стараясь исправить ситуацию, она выпрямилась и, окинув всех до предела нелепой улыбкой, сказала:

- Так бы сразу и сказал. – Она еще шире растянула свой тонкогубый рот. – Согласна.

Тупизм.

Повисло всеобщее молчание, Светлана Игоревна уже встала, озадаченно посмотрела на время и подошла к доске, когда кто-то произнес окончательный вердикт:

- Уж нам бояться нечего.

Я совсем не слушал учительницу, уставив взгляд в парту, я сидел и думал о своём поступке.

Соврать зам директору. Соврать Петру Игнатовичу! Соврать всем!

Постепенно, тараня взглядом гладкую деревянную поверхность, я стал полностью забывать о том, что для меня сделал Селезень. Намного больше меня начала волновать ложь администрации. Да и все происходящее... Это ведь неправильно, ну, курить в туалете, ему всего... Сколько? Где-то 15 или 16. Это неправильно. Так делать нельзя.

Внутри у меня всё бурлило, кипело и крошечными пузырьками выпрыгивало, обжигая кожу, по которой я начал волнительно скрести концом острого карандаша.

Я всегда так сильно хотел отомстить им всем, сделать что-то, чтобы они все поплатились за свою глупость и жестокость.

И мне выдалась невероятная возможность.

Не знаю, что двигало мной. И, сотни раз обдумывая свой поступок, я так и не нашел ответа на вопрос почему сделал это.

Но как только прозвенел звонок, я торопливо собрал вещи, вылетел из класса и вороватыми быстрыми шагами направился на этаж выше. В кабинет директора.

Стук по плотной черной двери и где-то внутри треплется надежда, что не разрешат войти.

- Входите, - спокойный размеренный голос.

Я дергаю за ручку и вхожу, окидывая взглядом небольшой кабинет.

Смотрю на Петра Игнатовича, он здесь один, не могу понять, удивлен ли он или же уже знал, что я приду.

- Вы хотите о чем-то сказать? – директор складывает руки замочком, готовый выслушать.

- Да.

Мужчина берет маленький листочек для записок и ручку.

- Ещё раз, - говорит он.

- Его зовут Антон. Он из десятых, кажется. – Скучное описание. Я вижу в глазах Петра Игнатовича легкое недопонимание. – С зелеными волосами.

- А, - вырывается из уст директора.

Он смотрел в мои испуганные неуверенные глаза и что-то хотел добавить, но промолчал, лишь выдавив:

- Никто не узнает, что это ты. – Мужчина отодвинул от себя крошечный листок, на которым слегка расплывчатым почерком было написано: «Антон Мельников. 10а».

Дверь за моей спиной закрылась, и я на негнущихся ногах поплелся в кабинет музыки. Ни о чем в тот момент я не думал.

Поднявшись на последний – четвертый этаж, я побрел по коридору, глядя в пол. Я не видел вокруг - только их обувь.

Неожиданно в глаза мне бросились знакомые черные кеды, я поднял взгляд и увидел слегка взволнованное лицо Селезня. Он искренне мне улыбнулся, а затем его лицо исказилось легким волнением. Я постарался выдавить улыбку в ответ, но вышло из рук вон плохо.

Наши пути разминулись. Я обернулся и посмотрел вслед юноше, он неторопливо шагал дальше, пока вдруг его плеча не коснулась странноватая веснушчатая девчонка, по всей видимости – его одноклассница. Девушка начала говорить и лицо Антона сначала нахмурилось, а потом стало настолько бледным, что начало отдавать зеленым.

Я испуганно отвернулся – сразу понял, куда сейчас отправится мой новый знакомый. Руки мои покрылись мурашками, и я сглотнул противный комок.

Селезню здорово за это всё влетело. Удивительно, что его не поставили на учёт.

Никто так и не узнал, кто именно рассказал про него директору.

А я так и не понял, зачем сделал это.

У Крылова есть басня, которая называется «Волк и Журавль». Смешно и странно, что я – Журавль, вдруг поступил как волк...

Илька или утро для раненного хищника

Мне было 12, когда моя мама, женщина не то, чтобы спортивная, но очень любившая смотреть на спортсменов, отдала меня на лёгкую атлетику.

Сначала мне там не понравилось. Мы занимались на старом стадионе, в раздевалках на территории которого всегда было холодно и влажно. Да и к тому же, нашим тренером была пожилая женщина, которую звали Светлана Алексеевна. Она была очень строгой, всегда следила за каждым нашим движением и, если мы вдруг останавливались, чтобы завязать шнурки, всегда тихо подходила со спины и проверяла: не халтурим ли мы. Её голос был очень властный и громкий, а указания чёткие. Светлана Алексеевна не терпела непослушания, если кто-то смел хотя бы раз ответить ей что-то, что она посчитает грубостью и хамством, то женщина выгоняла этого «кого-то» в раздевалку, и ему приходилось сидеть в холоде, ожидая конца занятия, ведь если плюнуть и уйти, то тренер тут же отчислит тебя. На самом деле, я думаю, что любой, кто хотя бы недолго ходил на какую-то спортивную секцию, скажет, что видал таких. Это не редкость.

Но потом мне стало нравится на лёгкой атлетике. Даже не смотря на злого преподавателя и холодные раздевалки. Всё дело в людях. Уже через год мы с нашей командой, состоявшей из девочек 11-13 лет, стали неплохими знакомыми, которые иногда собирались для совместных прогулок или иногда ночёвок. Через два года мы все уже стали хорошими друзьями, после каждой тренировки недолго гуляли на площадке недалеко от стадиона. Через три года мы стали семьей. Семьей, за которую каждый стоял стеной, которая была намного крепче, чем любое кровное родство. Помимо того, в этом возрасте мы уже начали знакомиться с мальчиками, что ездили с нами на соревнования и не гнушались того, чтобы при продолжительных поездках в другие города проводить свои вечера в их комнатах, скрытно играя в карты, сидя на полу.

Да и, помимо того, не многие поймут эту невероятную атмосферу, когда ты идешь в выходные утром на тренировку, а воздух такой свежий и лёгкий, что хочется вдохнуть его как можно глубже и идти, нелепо улыбаясь. Не многие поймут, как сильно сжимается сердце, когда встаешь в низкий старт и, затаив дыхание, ждешь выстрел стартового пистолета. Не многие поймут, какого это, после соревнований прийти в комнату гостиницы и без сил рухнуть кровать, прижав руки к влажной груди.

Этот спорт давался мне легко, может за счёт того, что я всегда была очень активным ребенком, а может быть и по более личным причинам. Мне нравится думать именно о том, что я так равнодушна к этому спорту, так как он, просто-напросто, мне по душе.

Я, можно выразиться, горела этим спортом, пылала диким пламенем, жаром, буйствующим костром. Но всё изменил один день.

Проснулась я от того, что где-то за окном громко, но плохо различимо пели птицы. Когда я открыла глаза, то сразу захотелось перевернуться на другой бок, потому что солнце нещадно светило прямо на меня. Я хныкнула и взяла в руки телефон, чтобы посмотреть, сколько сейчас времени, часы показывали 6:40. До подъема было довольно долго и я, конечно, решила выспаться перед соревнованиями. Поэтому, отложив телефон, зарылась в одеяло и попыталась снова укутать себя нежным и забвенным сном. Но этого у меня не вышло, я долго ворочалась в постели, меняла позы, однако уснуть у меня ну никак не получалось. Поэтому пришлось устроить себе ранний подъём. Тихо, чтобы не разбудить девочек, мирно сопящих в своих скрипучих кроватях, я сходила в туалет, приняла душ. Потом, порывшись в чемодане достала пачку растворимого кофе и достала один пакетик.

В коридор за чайником я решила не ходить, так как не хотела привлекать к себе лишнего внимания. Нам не давали чайники в номера, поскольку переживали, что мы можем обжечься

кипятком. Вместо этого я взяла свою полулитровую бутылку с водой и положила её под горячую воду, уже через 10 минут кофе был готов. Конечно, он был не таким теплым и вкусным, как если бы я налила настоящий кипяток и настоящий, а не порошковый кофе. Но и такой напиток дорогого стоит, когда он считается «запрещённой», и пьётся, как сыворотка секретного агента.

Я села на кровати, поджав под себя ноги и укутав их в одеяло, и, не торопясь попивая кофе из кружки, которую я привезла из дома, смотрел на то, как за окном беспокойно летают птички, взмахивая своими пушистыми маленькими крылышками. Прямо за стеклом находилась большая ветка высокой яблони, растущей у самого входа в гостиницу, сейчас плодов на ней не было, потому что не сезон, но вот, думаю, осенью, это яблоня наверняка покрывается сочными красными плодами, один из которых, вполне возможно, можно достать и из нашего номера, просто приоткрыв окно и сорвав блестящее на солнце яблочко. Птицы, маленькие и трудолюбивые, усердно перепрыгивали с одной стороны ветки на другую, гоняясь друг за другом. Как вы думаете, они так играют или у них дела поважнее?

Наблюдая эту романтическую картину, я и не заметила, как за моей спиной возникла фигура. Что сзади кто-то есть я поняла лишь тогда, когда услышала тонкий голосок:

- Рит, ты чего не спишь? – Я вздрогнула и резко повернулась, Машка стояла, прижав одеяло к груди и хлопая своими очаровательными серенькими глазками.

- Да вот, не спится что-то. – Пожала я плечами, переведя взгляд к уже ставшей знакомой веточке за окном.

- Ты же, надеюсь, не всю ночь так просидела? У нас сегодня соревнования, нужно выспаться. – Машка проследила за моим взглядом и тоже уставилась на крошечных птичек, крепче сжимая ткань одеяльца.

- Не переживай, даже если я не буду спать целую ночь, то всё равно уделаю тебя в барьерном беге. – Усмехнулась я и краем уха услышала, как Машка недовольно фыркнула.

- Мечтай-мечтай. – Закатила она глаза и, быстро перебежав от кровати к кровати, села рядом.

Мы с Машей были соперницами, поскольку соревновались в одной дисциплине, но это не мешало нам быть хорошими подругами. Нет, это не тот случай, когда друзей надо держать близко, а врагов еще ближе, мы с ней правда были подругами. В любом случае, мои чувства к ней были вполне искренними.

Мы долго молча сидели рядом и пялили в окошко. Через некоторое время птичкам наскучило играть и они улетели, напоследок забавно чирикнув. В коридоре послышался крик:

- Все подъем!

Дверь нашей комнаты с легким скрипом открылась и на пороге показалась Лиза Михайловна, которая стала нашим тренером после ухода Светланы Алексеевны.

- Давайте, давайте! – Громко говорила она своим звонким голосом, - Встаем!

Увидев, что мы не спим, девушка улыбнулась и, стараясь сохранять как можно более позитивный голос сказала:

- Молодцы! Уже встали! – Она подмигнула нам и уже более спокойно попросила. – Можете, пожалуйста, разбудить Олю?

Не ожидая от нас ответа, Лиза Михайловна развернулась и закрыла дверь, по ту сторону послышался её вновь бодрый голос, просящий всех проснуться.

Утро продолжилось. Уже в более привычном темпе. Поднялась Оля, потянулась, глянула на Машку, и тут же бросилась в душ, чтобы не жать никого потом. Началась суета.

И вот уже через пару часов я сидела на трибуне, нервно грызя ногти, летний ветер трепал кончики моих волос, заделанных в длинные тугие косички. Я очень сильно переживала, бегая глазами по большому стадиону с дорожками, на которых были выставлены барьеры. Следующий забег – мой. Сердце бешено колотилось в груди, мысли туманились, я чувствовала стран-

ную тревогу, обычно не присущую мне. Я не боялась соревнований, но сейчас что-то странно колело под ребрами, прорезая кожу, как иголка.

Уже вскоре я услышала в списке из фамилий свою:

- Небраскова Маргарита.

Я, уже стоявшая недалеко от дорожек вышла на свою полосу. Потом назвали еще несколько девочек, и вот я стояла, окруженная незнакомками, которые сейчас являются для меня врагами номер один, и ожидала команды.

Стартер громко крикнул:

- Внимание!

И я встала в низкий старт, совсем случайно мой взгляд упал на Машку. Она тоже приготавливалась, я видела по её лицу, как она переживала. Вдруг подруга повернулась ко мне и, заметив, что мы встретились взглядом, подмигнула. Я улыбнулась ей в ответ.

Рванный вздох и...

Выстрел стартового пистолета разрывает монотонный шум стадиона, я толкаюсь вперед и начинаю бежать. Стараюсь вдыхать как можно глубже, двигаться как можно быстрее и вот уже дохожу до барьеров. Первый барьер преодолен, я замечаю, что сейчас бегу самая первая, а остальные тащатся где-то далеко позади. Снова подпрыгиваю, преодолевая барьер. Вот ещё один, и ещё.

Я делаю глубокий вздох, возводя согнутую в колене маховую ногу. Последний барьер, можно считать, что я уже победила! Я перепрыгиваю препятствие – последнее, что отделяет меня от финиша, не считая, конечно, еще 40 метров дорожки, мои ноги устремляются вниз, касаются земли и...

Я теряю равновесие.

Знаете, это был именно тот самый момент, когда вся жизнь проносится перед глазами, дыхание сбивается и я падаю вниз, с силой упав на дорожку и проехавшись по ней. Слышу хруст где-то в области голеностопа и тут же чувствую невыносимую резкую боль. Теперь уже у меня перед глазами пролетает не вся жизнь, а та её часть, которую я посветила спорту: вечера после соревнований, когда Лиза Михайловна водила нас за свой счёт в Макдоналдс, потому что мы все молодцы и заслужили поощрения, прогулки после тренировок, чувство, когда выходишь из зала и вдыхаешь свежий весенний воздух, который вновь даёт тебе силу заниматься, сегодняшнее утро... Как долго ещё я не увижу этого?

Кожу дерёт, я чувствую, как песчинки липнут к свежим ранам на локтях. Пытаюсь приподняться, слышу, как кто-то пробегает мимо меня. Руки начинают трястись, не от боли – от обиды. Спустя несколько секунд я чувствую, как кто-то касается моего плеча, поднимаю глаза и вижу обеспокоенную Машу. Она свернула с дистанции, чтобы помочь мне?

Я вновь приподнимаюсь, хило облокачиваясь на руки. Машка пытается мне помочь, что-то шепчет, старается поднять на ноги, сжав зубы. Уже через минуту к нам подбегает женщина с аптечкой и Лиза Михайловна, закрывающая рот рукой.

Прошло больше года с того злосчастного дня. Этот хруст, который я услышала, когда упала, оказался переломом голеностопа. Врач сказал мне это с очень грустным выражением лица, и я тут же побледнела, слезы заполнили мои глаза и захотелось просто развалиться на мелкие осколки от того, как мне стало печально. Я знала: перелом – это серьезно. Это месяца два точно без занятий, а может и больше. Ведь мама до последнего станет тянуть и не будет меня пускать на тренировки, так как будет сильно переживать.

Но всё оказалось намного страшнее, чем я предполагала. Доктора, которые занимались реабилитацией моего голеностопа, что-то не учли в моём лечении и кость срослась неправильно...

Теперь при каждом неверном движении моя левая нога начинала ныть и подгибаться, будто отказываясь держать вес моего тела. Можно сказать, что это было смертельным приго-

вором для моей карьеры легкоатлетки. Ведь сделать операцию, которая исправила бы положение неправильно сросшейся кости, мне не разрешили родители, посчитав, что медицина итак достаточно вмешалась в мой организм.

Я прихожу на тренировки. Просто посмотреть. Подышать этим воздухом, что лишь для меня хоть чем-то отличается от обычного. Все сочувственно смотрят на меня, пытаются сказать что-то в знак поддержки, но я прошу их не делать этого. Ведь мысленно я вовсе не девчонка, прихрамывающая на левую ногу и болезненно морщившаяся от каждого неверного движения, мысленно я – олимпийская чемпионка, легкоатлетка, гордость преподавателей, счастье родителей. Подняв глаза, я смотрю на барьеры и слышу выстрел стартового пистолета, я меняю положение своего тела, привожу его в движение и бегу, мои легкие щиплет от свежего воздуха, как это всегда бывает при подобном дыхании, ноги сменяют друг друга без моих усилий. Я преодолеваю все барьеры, соперники позади! Последнее препятствие и я стану чемпионкой, один барьер. Я делаю глубокий вздох, возводя согнутую в колене маховую ногу. Я перепрыгиваю препятствие – последнее, что отделяет меня от финиша, не считая, конечно, еще 40 метров дорожки, мои ноги устремляются вниз, касаются земли и...

Я теряю равновесие. Слышу хруст, он эхом разносится у меня в голове. Разносится, даже когда я вскакиваю в кровати от боли, появившейся от неправильного движения левой ногой и вытираю пот со лба...

Очень жаль, но олимпийской чемпионкой мне уже не стать. В этой жизни, по крайней мере.

Волк или сожаление зверя

Примечание: Электронное письмо Йоры (3.18) я получила спустя год после письма Волка.

«Привет, Соловей. Я не думаю, что заслужил право высказаться, однако... Март в этом году выдался слишком холодным и мрачным, мне намного больше нравилась зима.»

Момент 1. Одним декабрьским днем

Только выпавший слегка сероватый снег прилипал к подошве моих легких кроссовок, и я думал о том, что в прошлом году подобная выходка с летней обувью обошлась мне двухнедельным больничным. Парк, через который я ежедневно хожу из школы домой, сейчас был непривычно пустынным. Крошечные белые хлопья пролетали перед самым моим носом и оседали на куртке, растворяясь, лишь почувствовав человеческое тепло. Снег был липким. Снеговика из такого не слепишь, а вот снежок...

Бац!

И я чувствую, как в спину мне ударяется что-то легкое. Слегка ошарашено я обернулся, мигом нахмурившись.

Маленькая с виду девчонка сначала улыбалась мне во все зубы, а потом, приглядевшись, поблекла и растерянно заморгала огромными серыми глазами.

Пару секунд я, не двигаясь, таранил ее взглядом, потом развернулся и хотел было продолжать путь домой. Но интерес и азарт взяли надо мной верх.

Резко наклонившись, я зачерпнул в широкую ладонь крупную горсть свежего снега, скомкав из нее что-то отдаленно напоминающее овал, наскоро прицелился и швырнул белую кривую фигурку в девочку.

Она прятала глаза, слегка опустив голову, однако, когда о ее черные широкие брюки ударился снежный шарик, подняла взгляд. Я без труда заметил, как в ее туманных глаза промелькнуло возбуждение. Девчушка хихикнула, встала на носочки, отчего вовсе не стала казаться менее крошечной, и легонько склонила голову в бок.

Вероятно, она ждала, что я тоже пойду на контакт, но я лишь присел, притворяясь, что завязываю свои длиннющие белые шнурки, что всегда мешаются. На самом же деле я вновь соорудил снежок и следующим движением, вскочив, зарядил его сопернице прямо в грудь.

Со своего места я слышал, как с глухим стуком снег ударился о черную куртку. Девочка взвизгнула и, сбежав с асфальтированной аллеи, скрылась за толстым коричневым стволом давно полысевшего дерева.

Во мне проснулся какой-то азарт. Теперь меня было попросту не остановить.

Я вновь слепил снежок и сбежал с дорожки, заскочив за ствол и попав девочке в левую руку.

Разглядеть я ее не успел.

Незнакомка поморщилась, словно была слегка недовольна или огорчена. Потом она глубоко вздохнула, словно выдерживая паузу, и, резко схватив снег со стоящей вблизи лавочки, швырнула его в меня, даже не попытавшись ничего слепить.

До меня долетело лишь пару снежинок, остальное же сдуло ветром куда-то влево. Я насмешливо и самодовольно улыбнулся, наклоняясь, чтобы зачерпнуть побольше снега.

Начался снежный бой. Белая война.

«Интересно, сколько времени прошло, с того момента, когда меня прилетел первый снежок?» - думал я, стараясь отдышаться. Не меньше получаса – это точно. Моя не слишком под-

ходящая по погоде куртка сейчас очень сильно подводила, она вся измокла, и я стал промерзать. От усталости и прохлады становилось всё тяжелее: дыхание сбивалось, сердце стучало где-то глубоко – в области живота, ноги немного подкашивались, пальцы покраснели и совсем чуть-чуть онемели.

Оба мы сейчас были жутко уязвимы. Она стояла, всем телом облокотившись на спинку лавочки с задней стороны, я понял, что такая физическая нагрузка дается ей гораздо труднее, нежели мне.

Лицо девочки скривилось в странной страдальческой улыбке, и я заметил, что она вполне готова принять поражение. Кивнув куда-то в сторону дороги, вероятно, в пустоту, она сделала пару шагов и без сил повалилась на лавочку.

Прихватив небольшой комочек, я двинулся к ней. Подойдя поближе, я, не целясь, швырнул снег в макушку ее лежащей головы.

Она никак не отреагировала.

Когда я уселся на скамейку, девчонка бросила на меня быстрый скромный взгляд и сразу же закрыла глаза, немного прикрывая лицо волосами.

Я склонился немного вперед и только теперь мог без всякого смущения разглядеть ее.

Только по не детски серьёзным чертам лица и яркой помаде на губах, я понял, что передо мной не девочка, а девушка. Может быть даже моя ровесница.

На ее блеклых светлых волосах даже снег, в большинстве пристроившийся у макушки, выглядел недостаточно белым. Если бы ее большая (словно была велика) куртка не была бы черной, я бы подумал, что волосы, постепенно кончающиеся в зоне ребер, стекают снегом со скамейки, укрывая весь парк ломким тоненьким слоем. Ее шея была обернута темно-серым вязанным шарфом. Подбородок – круглый, а щеки покрасневшие и совсем немного впалые, жутко острый на кончике нос с большой и статной горбинкой, красноватые губы и большие глубоко посаженные закрытые глаза с неяркими неряшливыми бровями.

Она показалась мне довольно красивой.

- Зачем ты кинула в меня снежок? – не выдержав, спросил я, почесав затылок, ещё не отдышавшись и переводя дыхание.

Девушка на пару секунд открыла глаза, быстро пробежав по мне взглядом, а затем, снова спрятав глаза за веками, пояснила тонким и слегка звенящим голосом:

- У моего знакомого на голове такое же соломенное гнездо и кроссы обычно такие же грязные.

Я не особо расстроился такому неромантичному ответу, ведь предполагал, что услышу что-то подобное.

Однако между нами повисло неловкое молчание.

- Ты отвратительно лепишь снежки. – Вынес я вердикт, ухмыльнувшись. Девочка посмотрела на меня. Как только наши взгляды встретились, она отвела глаза.

- Зато попадаю.

- Чем? Кучкой разлетающихся снежинок?

- Ну у меня не настолько огромные лапищи, чтобы набирать столько снега, как ты.

Посмотрев на ее ладони, одетые в черные однотонные перчатки, я понял, что она имеет ввиду. Её ладошки были нереально маленькими.

- Лилипутские лапки. – Сказал я, а потом перевел взгляд на тело моей новой знакомой.

Она была крошечной. Прикинув, я решил, что ростом девушка не больше полтора метра. Я редко встречал таких низких особ.

Сам я всегда был довольно высоким, а тогда мой рост уже составлял почти 1,90.

- Тебе сколько, кроха?

- 9 класс – Страдательно простонала собеседница и зажмурилась.

- Мне 16. – Отрезал я, не дожидаясь вопросов.

- Тебя как зовут? – Довольно нескоро спросила она неуверенным мерзлым голосом.

- Волк, -по привычке пролепетал я, а затем, спохватившись, осекся и громко произнес, - Макар.

Я редко общался с кем-то, кто не был частью двора. Постепенно, познавая устройство этого маленького мира, заключённого в четырех стенах «картонных» пятиэтажек, начинаешь отключаться от реальности, хищно раскинувшейся за пределами двора.

На её лице промелькнула живая ехидная улыбка. Девушка молчала, толи кокетливо, толи хитро она закатила глаза, видимо, ожидая, когда я спрошу ее имя.

Подвоха в этом я не видел. Мне просто казалось, что она всё мысленно хихикает над моей «странной» опечаткой. Это даже начало меня злить, пусть и не сильно, я нахмурил брови и мой нос, по обыкновению, дернулся от раздражения (так бывает всегда, когда что-то меня огорчает).

- А как тебя зовут? – звучит немного грубо и даже глуповато-обидчиво.

Пару секунд она не отвечала. Просто уставилась в светлое нежно-голубое небо. Улыбка на её лице стала еще ярче и мне даже показалось, что она хихикнула, прикрыв малюсенькой ладошкой рот, прежде чем ответить:

- Меня зовут Йора.

Интересно, почему я не замечал её раньше во дворе? Может потому, что мы учились в разные смены. Или потому, что жили в противоположных друг к другу домах?

Момент 2. Щебетанье крошечной птицы

Мы были знакомы совсем недолго, где-то три или четыре дня. Никто из нас тогда не видел в другом ничего больше, чем друга.

Это была наша первая прогулка.

Возможности часто гулять друг с дружкой у нас не было. Я учился во вторую смену, а она, как назло, в первую. Зато мы переписывались. Часто. Нет, точнее сказать... Постоянно.

За несколько дней я узнал довольно много, не только то, что ее зовут Кирой, что она учится в 18 школе -самая близкая школа ко двору - и что у нее есть бесаячая пятилетняя сестра Амина. Помимо этого: ее любимый цвет – нежно-пурпурный; любимые животные – собаки, но мама разрешила завести ей только одну кошку – пушистую и упитанную Монику; любимые цветы – ромашки; день рождения у нее 10 февраля; есть две двоюродных сестры по маминой линии, а по папиной никого; творог она безумно любит, а вот клубнику, почему-то, терпеть не может; самый лучший, по ее мнению, вкус мороженого – фисташковое; любимое время года – весна; а на полке у нее дома книжки выставлены по цветам обложек. И это только малая часть того, что это маленькое энергичное существо успело вывалить на меня за пару дней общения.

Признаться, когда мы с ней познакомились в парке, я и представить не мог, что она такая яркая. Тогда Йора показалась мне застенчивой и немного холодной. Теперь же это первое впечатление сгорело от искр, летевших от нее в мою сторону через экран телефона.

Тот день был субботой. Именно поэтому у нас, собственно говоря, и получилось встретиться.

Я четко помню тот момент, когда она с блестящими глазами, покачиваясь влево-вправо, встретила меня прямо у подъезда. Мне до самого конца казалось странным то, что я до нашей случайной встречи не замечал девочку и даже не знал о ее существовании.

Ее туманные серые алмазики пару секунд сияли, а затем она отвела взгляд.

На Кире была надета всё та же черная куртка, темно-серый шарф и широкие черные джинсы с небольшими белыми крестиками в самом низу штанины. Свои белесые ломкие волосы она заделала в слегка небрежный пучок.

Я пару секунд безмолвно таранился на нее – такую маленькую и слегка забавную, потом чуть грубовато спросил:

- А эта зачем? – В своей руке Йора держала такую же крошечную ладошку своей мелкой сестрицы.

Девушка застенчиво поникла и оборванно промямлила:

- Я же говорила, что мама попросила зайти меня в магазин, так вот, - она досадливо пнула ногой маленький сугроб подле. – Сказала, что мелкой тоже надо проветриться.

Амина хихикнула и показала мне язык. Наглый ребенок.

Я насмешливо улыбнулся и кивнул:

- Окей.

В магазине Амина то и дело пыталась куда-то убежать, спрятаться за стеллажами с газировками, дёргала Киру за руки и постоянно пыталась уговорить нас купить ей то молочный коктейль, то шоколадку с клубникой, то Киндер Сюрприз.

После магазина Йора закинула младшую сестру домой, хотя та очень хотела остаться с нами.

Мы шли молча, проходя между знакомых домов, улиц. Не тревожа пугающую тишину между нами, мы довольно долго шагали прямо, потом я спросил:

- А мы куда идем?

Девушка пожала плечами. Затем вдохнула глубоко свежий зимний воздух, огляделась и начала:

- О! Я помню, как мы однажды проходили тут с Собакой и...

- Ты знаешь Собаку?

- Конечно, а как же ее не знать? Её все у нас в школе знают. – Вдруг она нелепо и озадаченно остановилась. – А ты ее откуда знаешь?

- Да так, - пролепетал я.

Мне не хотелось рассказывать новой подруге о своих вредных привычках. А их у меня было немало: начать хоть с безобидного щелканья пальцами до всегда припрятанной в заднем кармане курилки, порезанным в хлам рукам, что было глупостью и ошибкой прошлого, и редко исчезающего запаха алкоголя изо рта.

Конечно, я говорил Кире, что не смогу встретиться именно из-за уроков и того, что у нас разные смены, но, на самом же деле, я просто уже отшивался по привычным хатам, держа пальцы крестиком, надеясь, что новая знакомая не увидит меня там.

Только потом я узнал, что Йора вообще не имеет подобных вредных привычек. Она никогда не была ни у кого на квартире, не пила, потом стараясь перебить чем-нибудь запах алкоголя, ни курила электронных сигарет, обычных не курила тоже.

От мысли об этом мне становилось как-то чуть спокойнее.

В любом случае. Я знал, что мы – всего лишь друзья и я ну никак не смогу ее испортить. По крайней мере, я искренне на это надеялся.

Я знал Собаку лишь потому, что она славится своим умением в 13 лет за пару секунд опрокинуть в себя две-три стопки, мы часто виделись на «пьянках». Порой она меня пугала, не везде встретишь такую «оторви да выброси» семиклассницу.

Обычно, что тогда, что и на последующих прогулках, из нас двоих говорила только Кира. Я же, то опустив голову в пол, то глядя на нее увлеченно щебечущую что-то, брел следом, намерено не ускоряя шаг, чтобы девушке не приходилось переходить на бег.

Её странные рассказы из детства разыгрывали мою фантазию. С воображением у меня всё плохо. Но истории девушки четким образом вырисовывались в моем сознании и, зацепившись, я уже не мог перестать слушать.

Порой она смотрела на меня внимательно и, до смешного понизив голос и сощурился глаза, волнительно спрашивала:

- Я не слишком много говорю? – Её брови хмурились сначала недовольно, словно она совершила какую-то глупейшую ошибку, а потом огорченно.

Однако, как только я отвечал отрицательно и искренне улыбался ей во все зубы, Йора незамедлительно возобновляла щебетание.

В какой-то момент я стал понимать, что потерялся в её рассказе. Уже забыл, о чем она говорит, погрузившись в собственные мысли. Я сейчас не вспомню, о чем думал тогда. Постепенно все её слова слились для меня в один монотонный сладкий шум. Я больше её не слушал. В моей груди, однако же, разливалось какое-то странное неуловимое чувство: становилось то спокойнее, то сердце начинало резко и торопливо стучать; то вдруг мне слишком ясно становились слышны звуки проезжающих машин и проходящих мимо людей, то вдруг я, словно оглох, не слышал абсолютно ничего.

Каждое её слово потеряло смысл и мне вдруг показалось, что между нами висит неловкое молчание.

Задержав на пару секунд дыхание и поправив лезущие в глаза волосы, я спросил:

- Почему тебя называли Йорой?

Девушка поблекла, ее нижняя губа дрогнула. Снег оседал малюсенькими точками на ее почти таких же светлых волосах. Она стряхнула пару снежинок с куртки. Неожиданно, сунув руки в карманы, Кира ускорила и побрела вперед.

— Это маленькие птички. – Бросила она мне, не замедляясь. Я шел за ней, мне было нетрудно поддерживать её темп.

Затем моя подруга резко обернулась и еле касаясь нежной кожей своего пальца переносицы сделала элегантно и немного дерзкое движение вниз, отрезав:

- А еще у них часто есть горбинка на носу.

После этих слов Йора уткнулась носом в ворот куртки и немного замедлилась.

В груди у меня что-то защипало, я сам не понял: жалостливо или гневно. Видимо, девушка не особо любила своё прозвище.

Нагнав крошечную фигурку и поравнявшись с ней, я коснулся тонкими пальцами плеча Киры и погладил его:

- Я не буду так тебя называть.

Момент 3. Имбирное печенье и бежевый шарф

Кира, оказывается, очень любила Новый Год.

Я понял это, когда она призналась, что в её комнате елка стоит еще с конца ноября. Сказав это, девушка, будто хвалясь, скинула мне пару фотографий.

Небольшого размера елочка с разноцветной гирляндой и маленькими серебристыми шариками. Я видел, как в этих самых шариках, поблескивая, отражались крошечные пальчики моей любимой, крепко держащей телефон.

Ах, да. Я забыл упомянуть. Примерно 13 декабря мы начали встречаться. Я не буду совсем много говорить о том, как это было.

Слишком уж неожиданно это вышло.

Как-то до странного одновременно мы вспыхнули. Сердце моё волнительно колотилось при мысли о ней, а каждое даже самое незначительное сообщение вызывало улыбку и трепет. Первый и единственный шаг сделал я.

Это было коротко, потому что я не умею говорить красиво. И мне всегда казалось глупым выписывать кому-то дифирамбы. Поэтому я и ограничился всего семью словами: «Кира, я вдруг понял, что люблю тебя».

Её ответ сначала показался мне странным.

Девочка отправила скобочку, означающую улыбку, и мигом вышла из сети.

С минуту её не было, и я начал расчесывать кожу на запястье, волнуясь.

Потом Кира появилась.

Своим тонким, сбивчивым, подрагивающим голосом она почти прошептала мне в голосовое сообщение: «Я тебя тоже».

И после этого никто из нас так и не замолк до самого вечера. Она была жутко эмоциональной, все запинаясь, её язык заплетался, а сама она извинялась то за то, что записывает голосовые, то за то, что так несвязно говорит. На полной громкости я слушал её и чувствовал, как этот разгорячённый счастливый голосок, проходя через уши, протекал к самому моему сердцу. Щеки вдруг краснели, а рот растекался в нелепейшей улыбке. В моей груди забилося резкое и вполне объяснимое желание заботиться, защищать и всегда быть рядом с тем, чей голос монотонно жужжит на заднем фоне.

У нас не стоял вопрос о том, начинать ли отношения. Понимаете, когда всё это происходит впервые, у вас нет таких замарочек. И кажется, что если вы влюблены, то, что могло бы вам помешать?

Кира всё спрашивала меня о чём-то, просила в чём-то поклясться, а потом уже что-то пообещать. Когда она отправила мне видеосообщение я сам заискрился, увидев, как сияют её глаза, которые она не так часто показывает, как её маленькое милое лицо слегка вспотело от волнения и переживания.

Тогда я не понимал, что в этом всё нет ничего хорошего. Вы когда-нибудь гасили летнее сияющее солнце?..

Были только двадцатые числа декабря, и мы бы точно встретились еще до или после Нового года. Но Кира настояла. Она решила, что непременно сегодня она хочет отдать мне подарок. Мы встречались еще совсем недолго и мне казались странными некоторые её инициативы и слишком детальные и долгосрочные планы на будущее. Потом она объяснит мне это так: «У меня такое чувство, что я знаю тебя всю-всю свою жизнь, что с самого того момента, как мои легкие смогли наполниться воздухом, я люблю тебя. *И если мы в конце концов не будем вместе, то я не верю в судьбу.* Я чувствую, что это всё далеко не просто так.»

Мне было совестно, пусть девушка и сообщила мне о своем намерении заранее поздравить меня с праздником только за полчаса до того, как мы договорились встретиться. Мне нечего было ей подарить, и я начал злиться. Сначала на Киру, за то, что она ставит меня в такое положение, а потом на себя за то, что прямо сейчас я бездействую, так еще и смею злиться на свою вторую половинку.

Быстро накинув на себя куртку и запихнув ноги в зимние кроссовки, которые меня заставлял носить отец, я выскочил за дверь.

У меня нет ума, зато есть идея – так можно было описать мои действия.

Я заскочил в магазин и купил штук пять шоколадок разных вкусов.

Потом, подойдя к дому девочки, я стал упорно вытаптывать снег под ее окнами, пока на нем не осталась чёткая, но немного неряшливая надпись: «Кира, я тебя люблю!»

». Это лишь кажется легко, но ноги знатно устают, да и времени такие художества занимают немало, плюс снег всё время намеревался их запоросить, что значительно усложняло задачу.

Но я был горд своей работой. Буквы были большими, пусть и не идеально ровными, и их без труда можно было разобрать.

Когда я посмотрел на время, то сообразил, что обещанные полчаса уже прошли и нахмурился. «Ты где, малышка?» - написал я девушке и та поспешно и неразборчиво, по всей видимости, торопливо и не попадая по буквам, ответила: «Уже выхожу».

Однако соизволила явиться она только через пятнадцать минут.

- Эй, а че так долго? – крикнул я, а потом, разглядев ее лицо, слегка замер и быстро заморгал.

Кира так долго не выходила, просто-напросто потому, что решила накраситься.

- И зачем? – Сразу спросил я, глазами бегая по её лицу.

Она пожала плечами и вопросительно склонила голову набок.

- Тебе не нравится? – Мне показалось, что она стала немного огорченной.

- Ты и без косметики мне очень нравишься. – Промямлил я, слегка виновато отведя взгляд.

Она не стала никак это комментировать, но я заметил, как её глаза снова заблестели и впалые щеки покраснели.

На её голову была надета небольшая черная шапка, а шея была закрыта всё тем же темно-серым шарфом. В шоппере Киры я заметил что-то, обмотанное нелепой желтой упаковкой с нарисованными оленями. Я шуточно сморщил нос.

- Что ты так тщательно упаковала? – Наклонился я к девушке и склонил голову вправо.

Она хихикнула и, совсем по-детски, резким движением отодвинула от меня сумку.

- Я тоже решил тебе кое-что подарить. Только вот, ты поздно предупредила, поэтому, сразу предупреждаю. Подарок - не крутой.

- Мне понравится все что угодно от тебя. – Кира поднялась на носочки и, довольно сильно вытянув руку, коснулась кончика моего носа.

Из кармана куртки я достал шоколадки и, скромно улыбнувшись протянул ей.

Она переняла упаковки в свои крошечные ручки, подняла на меня счастливые глаза.

Затем, разглядев сладости протянула мне две из них и пробормотала:

- У меня аллергия на орехи. – Моя половинка снова спрятала глаза и промямлила еле разборчиво, - вообще, я говорила.

Я громко ойкнул и, кажется, мои щеки стыдливо запыхали. Обняв ее, чему она совсем не препятствовала, и положив подбородок ей на макушку, я начал торопливо оправдываться.

- Ничего страшного. – Сказала Кира.

Она забавно шмыгнула носом и, покрепче прижав меня к себе, громко заявила:

- Я всё равно тебя очень-очень сильно люблю! Спасибо.

Погладив ее по голове, я почувствовал, как мое сердце бьётся невероятно быстро и легкие наполняются каким-то до этого незнакомым странным чувством. Я прижал её к себе ещё сильнее и мне даже показалось, что если я еще хоть немного надавлю, то мы станем одним целым. Потом это мысль вдруг напугала меня, и я отстранился.

Скрыв от нее своё неожиданное волнение, я пролепетал:

- Есть еще кое-что.

Кончиком пальца я указал на снег.

Надпись совсем немного привалило, но её еще можно было хорошо разобрать.

Кира очень быстро читала, уже через секунду она взвизгнула и снова бросилась мне на шею, уткнувшись носом в мою грудь. Девушка говорила быстро и нечетко, но я понимал, а может, просто чувствовал, что она снова говорит о том, как меня любит. Ведь у меня в груди снова растеклось то самое немного непривычное трепетное ощущение.

Затем девочка в очередной раз широко улыбнулась и уже открыла рот, чтобы что-то сказать. Как вдруг она на секунду зависла, нахмурилась и недовольно стала сверлить взглядом мою голову.

Я провел рукой по волосам, не понимая, что именно так её не устроило. Кажется, голову я мыл сегодня утром и причесаться не забыл. Видимо, Кира уловила в моих глазах озадаченность и потому соизволила сказать:

- Ты почему без шапки? – Слова звучали глупо и наигранно недовольно, но выражение её лица стало очень серьезным, брови спустились к переносице и нос как-то вздернулся.

Насторожившись, я пожал плечами.

- Иди за шапкой. – Отрезала моя любимая, задрала подбородок и искоса глянула на меня.

- Зачем? – Снова пожал я плечами. Её слова звучали идиотски и мне не нравилось, что девушка так себя ведет.

- На улице минус двадцать градусов...

- Минус десять. – Перебил я Киру. На это она зло вскинула брови и отошла на шаг.

- Я с тобой не разговариваю, пока не наденешь шапку.

Я вспыхнул, резко разозлился и появилось до жути резкое желание развернуться и уйти.

Я уже знал, что девочка была довольно обидчивой. Но это уже какая-то дерзость.

- Хорошо. – Ответил я и, как раз когда заметил, что она улыбнулась, опуская подбородок, продолжил. – Не разговаривай.

Кира сложила руки на груди и отвернулась от меня.

Нелепо почесывая свой лохматый затылок, я продолжал стоять на месте, засунув руки в карманы.

Мне стало чисто интересно: сколько она сможет так дуться?

Прошла минута и девушка уже опустила руки, но все еще стояла ко мне спиной.

Когда прошло где-то пять, она с негодующим лицом повернулась ко мне, но, когда глаза наши встретились, быстро вернулась в прежнее положение.

Спустя десять минут я уже и сам устал от этого идиотизма. Да и еще, если Кира и дальше будет так нелепо стоять, не двигаясь, то может и замерзнуть.

- Ну всё, Кир, это тупо.

Услышав мои слова, она повернулась ко мне и, с каким-то странно-безразличным лицом, пилила меня осуждающим взглядом.

Я стряхнул снег со своих волос.

- Хватит!

Неожиданно для себя и для нее тоже я разозлился.

- Надену я гребанную шапку. – Оскалился я, потом, поняв, что даю слабину, продолжил.

– И, если ты продолжишь обижаться на такие тупости. То я вообще к тебе больше в жизни не подойду.

Девочка опешила. Я увидел, как в её глазах блеснуло что-то грустное и далекое. Она сглотнула.

Потом моя любимая подняла голову, выдохнула почти незаметный пар в морозный декабрьский воздух. Выражение её лица резко поменялось, она выдавила улыбку, что для некоторых вполне могла бы сойти за настоящую, и подбежала ко мне.

Она схватила меня за руку и, утаскивая меня вперед, крепче цеплялась за ладонь:

- Идем.

- Куда? – Я знал, что она и не представляет сейчас, как забавно выглядит мое лицо, искаженное озадаченностью.

- К тебе домой, конечно.

Уже через три минуты мы стояли у моей двери, и я втыкал ключ в нижний замок.

Когда дверь слегка приоткрылась я быстро занырнул в квартиру, оставляя девушку по ту сторону.

Затем я быстро открыл верхний ящик шкафа, что стоял в прихожей, наскоро выдернул оттуда первую попавшуюся шапку.

И прогадал.

Это была моя детская шапка: зеленая, а нарисованы на ней машинки, проезжающие по серой дороге с белыми полосами.

- Блин.

Со следующей мне уже повезло – это была черная шапка, выглядела она вполне неплохо, наверное, папина, потому я решил оставить ее, сжал головной убор в руке и быстро вышел из квартиры.

Оказавшись за дверью, я заметил, что Кира подозрительно улыбается и прячет что-то за спиной.

- Взял шапку? – выдавила она, стараясь сдержать всю радость, что пробивалась через её тоненький голосок.

- Да, - я запер дверь. – А что это мы такие радостные? – с доброй усмешкой спросил я.

Она быстро и смазано вздохнула. Затем задержала дыхание секунд на десять, я в это время молчал, стараясь не мешать любимой.

- В общем, - волнительно отрезала она, - ты знаешь, насколько сильно я тебя люблю, не буду много говорить об этом, - она отрывисто выдохнула. – Поэтому я очень постаралась найти для тебя... эм... хороший подарок! Да, вот так, в общем. – Она торопливо протянула мне коробочку в обертке. – Ты извини, что так смазано, я просто очень стесняюсь, ну, надеюсь, понимаешь.

Я широко улыбнулся и притянул девушку к себе, нежно прижав к своей груди, переняв коробочку в свои ладони и подняв её на свободной вытянутой руке вверх.

- Спасибо, Кирочка. – Растворилось в воздухе, а затем я аккуратно наклонился к ней и быстро смазано чмокнул в губы.

Это был наш первый, пускай еще совсем нелепый, несерьезный и глупый, но поцелуй. И пускай на улице было довольно холодно, я навсегда запомнил, что ее губы были очень-очень теплыми, и это самое тепло, как парное молоко побежала по венам, приближаясь к самому сердцу.

Девушка опешила, она скромно и растерянно хлопала глазами, мне было неловко смотреть на нее, поэтому я сразу же отвернул голову, но все равно успел заметить, что белые до этого щеки Киры покрыл резкий и явный румянец.

Спустя пол минуты разглядывания грязной стены подъезда я поборол смущение и спросил у нее:

- Можно открыть сейчас?

Девушка молча, но активно закивала головой, отвечая на вопрос. Её глаза блестели. Она их не прятала.

Я начал осторожно раскрывать подарок, стараясь не сильно повредить забавную обертку с оленями.

Когда я снял верхний слой, перед моими глазами оказалась коробка, выкрашенная белым цветом.

- Красиво. – Улыбнулся я, понимая, что, скорее всего, Кира просто взяла коробку из под обуви и покрасила её.

- Что красивого? – промямлила моя девушка, заинтересовано глядя мне в глаза.

- Не знаю, просто красиво. – Ответил я, еще раз улыбнувшись. – Мне никогда такого не дарили.

- Правда? – Кира, широко открыв полупрозрачные серые глаза, прижала ладонью коробку в моих руках и, хлопая ресницами, уставилась на меня, как на Восьмое чудо света. – Мы всегда дарим такие подарки на Рождество! – Как-то нелепо по-детски она подняла глаза что-то вспоминая, улыбнулась, а затем, видимо осекшись своего странного поступка, отодвинула ладонь, сглотнула и промямлила, сдерживая искренний смех. – Теперь я всегда буду дарить тебе такое! Даже не на Новый Год.

- Хорошо, - усмехнулся я, - приоткрывая выкрашенную крышку.

Открыв белую коробку, я увидел, наконец свой подарок.

В красивый вязаный шарф бежевого цвета был завернут пакетик с печеньем.

Мне казалось, что мой рот вот-вот порвется от этой самой, что ни на есть, искренней и нелепой улыбки. Кира, даже хихикнула, прикрыв рот ладошкой, обрадованная моей реакцией на этот подарок.

- Милая, это просто невероятно! Ты такая молодец! – Я видел, как девушка реагирует на такие слова: ее впалые щеки обильно залились краской, а голова смущенно опустилась. Поэтому я торопливо продолжал. – Мне точно никогда не дарили ничего такого классного! Боже, это волшебно! – Собеседница потупила взгляд в пол, словно впитывая все мои слова, с каждой буквой ее щеки становились все краснее и краснее, будто она вот-вот обратится в помидор.

– Поразительно!

Что? Поразительно? Когда это я стал использовать такие изысканные выражения?

- Хочешь я надену его прямо сейчас? – Спросил я, уже доставая шарфик из коробки.

- Конечно, хочу! – Активно закивала своей головкой Кира, нетерпеливо прижав кулачки к подбородку.

Её глаза смотрели на меня так влюбленно и всепоглощающе, что я уже в который раз задумался о том, как вообще такая прекрасная девчонка может стесняться таких прекрасных глаз. Они же невероятные! Такие скромные в своей серости для незнакомцев, но такие яркие, отражающие все чувства и эмоции для близких.

Я достал печенье, запихнул его в карман куртки, а коробку наскоро закинул домой. После чего, не без помощи девушки, вставшей на ступеньку выше, окутал свою шею шарфом.

Сразу, как дело было сделано, Кира внимательно на меня посмотрела, кротко улыбнулась и подлетела, крепко-крепко обняв. Мне стало очень тепло, а в нос ударил запах кокоса и дыни – это любимые духи маленькой птички, прижимавшей меня к себе.

Это была самая теплая в моей жизни прогулка. А еще... Самая вкусная! Вы когда-нибудь пробовали имбирное печенье? Я до того дня – ни разу, зато теперь, кажется, могу назвать его своим новоприобретенным любимым лакомством. Маленькое солнышко под боком грело меня, рассказывая какие-то истории, к концу которых автор уже забывает почему и зачем вообще это начал говорить. Я всегда очень внимательно слушал её. И с каждой секундой влюблялся всё больше, постепенно растворяясь в нашем слегка странноватом союзе.

Мне никогда не было так тепло как тогда. Стоит ли напоминать, что и не будет.

Момент 4. Четыре пары желтых глаз

Дома у Киры пахло лавандой. А всё потому, что уже в прихожей на полукруглой полочке из темного дерева, стояла баночка с домашним ароматизатором.

Это было первым, что бросилось мне в глаза. Видимо проследив траекторию моего взгляда, хозяйка, пренебрежительно и застенчиво махнув рукой, сказала:

- Мама слишком сильно любит лаванду. – Девушка стянула со своих маленьких ножек зимнюю обувь и, проходя по коридору, пробубнила, - я уже который год уговариваю ее убрать все эти ароматизаторы.

Я наспех скидываю обувь и догоняю Киру:

- Ты куда так бежишь? Дай осмотреться-то. Кстати, лаванда - это неплохо. – Я усмехнулся.

Моя любимая остановилась, повернулась ко мне лицом и, спокойно окинув взглядом родную квартиру, пожалала крохотными плечиками:

- Осмотрись, кстати, лаванда – это отстой. – Она игриво кивнула головой, а затем, сделав резко обеспокоенное лицо и показушно прижав ладони к щекам громко заявила, - а ты украсть что-то собираешься?!

Сначала я ее совсем не понял, глупо заморгал и даже озадаченно-раздраженно почесал затылок. Потом уже дошло, что сказанное – шутка.

Хихикнув, я приложил руку ко лбу и, страдательно запрокинув голову, застонал:

- Ах, как же ты меня раскрыла! – Я замялся, думая о том, как бы продолжить «представление». В голову пришла великолепная мысль. – И теперь, - выдержал драматическую паузу, - и теперь мне придется убить тебя, чтобы ты никому не рассказала об этом!

Девушка очень звонко рассмеялась, а потом, сложив руки в молитве, жалобно прошептала:

- О нет, не убивайте меня, и я отплачу вам за это вечной любовью.

Я сложил руки на груди и, изобразив задумчивость, уставился в потолок. Выглядел я так, словно размышлял, но, на самом деле, я просто ожидал подходящего момента, когда Кира максимально расслабится, чтобы напасть:

- Нет, уже слишком поздно! – Завопил я и бросился на девушку.

Та среагировала молниеносно, бросилась от меня и побежала по коридору. Долго гнаться за ней не пришлось, уже скоро она влетела в какую-то комнату, даже не оглядываясь вокруг, я понял, что это комната Киры и Амины.

Добежав до большого кресла мешка, стоящего у дальней стены, девочка плюхнулась в него и задорно улыбнулась. Но улыбаться ей пришлось недолго, так как уже через секунду я, не успевший затормозить на скользком ламинате, упал прямо на неё.

- Ой! – только услышал я, приземляясь всем телом на хрупкое создание.

- Блин, Кира, прости, пожалуйста!

- Ничего страшного, - неловко пробормотала девушка, пытаясь выбраться из под меня.

– Только привстань немного.

Я повиновался, попытался слегка подняться, а затем, когда девочка наконец оказалась на свободе, лег рядом с ней.

Кресло было очень мягким и приятным, мне оно определенно нравилось.

- Ты там как? – робко спросил я.

- К твоему несчастью, - резко изменившись в лице, ответила Кира. – Жива.

Я опять сначала не понял прикола, а потом усмехнулся:

- Надо это исправлять, - напущено грозно оскалился я, после чего вновь бросился на любимую, в попытках защекотать ее.

Но уже вскоре я понял, что что-то не так.

- Эй, я не боюсь щекотки, перестань. – Сказала девочка, а затем, обиженно сложив руки на груди, пролепетала, - я уже говорила это.

Я громко ойкнул и стыдливо отвел взгляд, который тут же упал на стул, стоявший у письменного стола.

На нем, горделиво раскинувшись и глубоко дыша, лежала такая элегантная упитанная и пушистая Моника. Я уже видел эту кошку, но лишь через экран смартфона, не более. В жизни она была намного красивее: трехцветная, с черными «носочками» на передних лапках и «чулочками» на задних, с маленькими чёрненькими глазами-бусинками. Вдруг эти глазки, которые на самом деле были не черными, а желтенькими, открылись пошире, выражая интерес, похоже, теперь не только я увидел кошку, но и она меня.

С трудом прервав свою дремоту и поднявшись, Моника лениво спрыгнула со стула, с глухим тихим стуком приземлившись на пол. Не торопясь, она начала презрительное движение в сторону меня.

Обернувшись на Киру, я, как и предполагал, не увидел больше обиды, она с огромным интересом наблюдала за реакцией своей царской питомицы.

Гордое животное осторожно подошло ко мне, окинув надменным взглядом.

- Протяни руку. Чтобы понюхала. – Посоветовала мне девушка шепотом, напряженно глядя за нами.

Я послушался, вытянув кошке свою раскрытую ладонь, красавица принялась тщательно обнюхивать мою руку, а затем, закончив это дело, безразлично вильнула хвостом и пошла к девочке, сидевшей рядом со мной.

Достигнув Киры, Моника ткнулась головой в ногу девушки, одетую в колготки, и начала тереться о голень хозяйки, негромко урча.

- Ты ей понравился. – Почти шёпотом сказала моя любимая, почесывая за ушком свою кошечку.

- Так и не скажешь, - также приглушенно ответил я.

- Могло быть и хуже.

Повисло недолгое молчание, после которого я все также тихо заметил:

- Говорят, питомцы похожи на своих хозяев.

- Эй, я не такая бука!

Прошло несколько минут расслабленного и комфортного молчания, такого тягучего, как мёд или растопленная карамель. Сладкого.

- Хочешь чаю? – резко Кира поднялась с кресла, слегка оттолкнув носочком Моника, и, поправив короткую теннисную юбку, неряшливо собрала волосы в хвост.

- Давай.

- Тебе какой?

- Да без разницы, - подняв глаза на девочку, я увидел в них отражение полного удивления. – Что та... - начал было я, когда меня перебили.

- Тебе что совсем не важно, какой чай пить? – Девушка тарачилась на меня, как на сумасшедшего.

- Ну да.

Кира тяжело выдохнула, ошарашенно моргая.

- А сахара сколько?

- Тоже не важно. – С опаской ответил я.

Кира задрала подбородок и с наигранным отвращением отвернулась, а затем пошла в сторону выхода из комнаты:

- Ты совсем больной! Ты глубоко болен! – Она вскинула руки над головой. – Но не переживай, я все-таки сделаю тебе твой не знаю какой чай, с не знаю сколько сахара!

Первые минуты, когда Кира ушла я просто спокойно сидел в телефоне, но потом мне показалось это слишком скучным. Потому я решил тайно исследовать комнату девушки, тайно, потому что не знал, можно ли было это делать.

Не знаю, понравилось бы это ей, честно говоря, я тогда об этом совсем не думал.

Комната представляла собой средних размеров помещение, с тремя окнами и одной большой люстрой на потолке. Когда я посмотрел на пол, то заметил, что он двухцветный: с той стороны, на которой я сидел сейчас, ковролин был нежно-пурпурный, а с другой нежно-розовый. Полоса разделения у него была диагональной и проходила примерно по середине комнаты. Как я сразу же предположил, здесь Кира жила не одна, а со своей младшей сестрой, и такой причудливой полосой комнаты делились на две части.

Я встал с кресла-мешка и подошел к одному из окон, на стороне моей девушки их было два. Там, за стеклом, был наш двор: вытопанные тропинки, лавочки, детские качели, старая скрипучая карусель, вот по дорожке идет Медведь, он гуляет со своей собакой – маленьким и толстым мопсом, тот забавно бежит, переваливаясь с ноги на ногу, стараясь догнать хозяина, что шел быстро и резко, пусть и также неуклюже, как его питомец. Оторвавшись от не самого интересного вида за окном, я пошел в другой угол комнаты, там стояли кровать и тумбочка около нее.

На сером покрывале лежала большая белая подушка, все было заправлено очень аккуратно, в голове пронеслось: «А я так красиво не умею». У тумбы рядом было два ящичка, но я

не стал в них лезть, сверху лежал зарядник от телефона, наручные сенсорные часы и небольшая, но довольно толстая книжка, на обложке я прочитал «Агата Кристи», а чуть ниже «Убийство в трех актах». Впрочем, это не было мне очень инетресно.

Потом мое внимание привлек большой и красивый книжный шкаф, выглядел он довольно старым и совсем не вписывался в стиль других вещей комнаты. Я сразу же подметил, что Кира совсем не соврала, и правда, на всех полках книги были выставлены, в зависимости от цвета, причем, ближе к левой стороне стояли те, что были в светлых обложках, а ближе к правой те, что в темных.

Книг было много, глаза разбегались, я сразу же подумал: «А вот я читать совсем не люблю».

Потом я услышал совсем слабый грохот, повернувшись на звук, я увидел Монику, что уронила со стола синюю ручку и та медленно покатила по полу. Я незамедлительно поднял пишущий прибор и положил его в аккуратную подставочку для канцелярии, на которой была наклейка с изображением Хеллоу Китти с зеленым мороженым. На письменном столе Киры лежала всякая малоинтересная мелочь вроде тетрадок и учебников, а еще, куча простых карандашей, однако, среди всего этого барахла я заметил маленький блокнотик.

На его обложке была нарисована ярко-рыжая хитрая лиса, нюхающая утенка.

Я быстро, не задумываясь, открыл блокнот и увидел какой-то карикатурный набросок, немного напоминающий кошку. Я прищурился и склонил голову бок, затем прищурился: «Ну вот так и правда кошка» - усмехнулся я, а потом мысленно отдернул себя, понимая, что такими комментариями осуждаю то, что сделал мой любимый человек.

Но, этого не скрыть, рисунок и правда был так себе. Я перевернул страницу, не надеясь увидеть ничего хорошего, когда... Вау!

Следующий рисунок каракулями точно не назовешь. Это было очень красивое изображение кошки! Очень-очень красивое! Прорисовано было все: и тоненькие усики разной длины, и мягкая пушистая шерстка, и маленький носик с крохотными ноздрями, и глаза-бусинки. В этом шедевре совсем не сложно было узнать Монику! Рисовали определенно ее. Неужели это нарисовала Кира?

Я еще раз перевернул страничку и увидел очередной рисунок, ничуть не хуже, чем прежний. На нем все также красовалась питомица моей девушки, только теперь, в отличие от первого красивого рисунка, она была нарисована во весь рост, а не только голова и шея. Следующие рисунков 10 были также с Моникой, и не теряли своей прелести. А затем, на листе 12, я увидел незнакомую морду, это очно была не нынешняя любимица Киры.

Большой статный кот, с большими щеками и густыми бровями сидел, поджав под себя хвост, выглядел он довольно грозно. Однако огромный нос, словно в него вонзилось пчелиное жало, был забавным, нежели угрожающим, а глаза у животного маленькие, их почти не видно за густой шерстью и полной мордой. Сам «усатый барон» был довольно ярко закрашен карандашом, из чего можно было сделать однозначный вывод о том, что был он либо серым, либо черным. А на груди красовалось белое пятно, немного напоминало перевернутое сердечко.

«Красивый» - подумал я. А когда перевернул страницу, то вновь увидел этого же кота, только уже в другой позе. Он делал неторопливый и, сразу видно, довольно наглый шаг. Только вот, такому его гордому виду мешал крупный живот, свисающий почти до самого пола. Может я ошибся и это беременная кошка, а не кот?

Следующие пять рисунков были посвящены этому толстобрюхому статному животному.

Но в один момент, перевернув лист, я не увидел рисунка с ожидаемым и уже знакомым котом. На бумаге аккуратно, точно автор выводил каждый штрих, был нарисован худой кот, с большими глазами и остренькими ушками, он видимо что-то заинтересованно разглядывал за спиной автора, потому кажется, будто животное смотрит на тебя сквозь изображение, преодолевая рамки бумаги, времени и всех земных законов.

Когда я вдоволь насмотрелся на рисунки в блокноте и уже собирался его положить, то услышал за своей спиной ошарашенный почти трясущийся от беспокойства голос.

- Что это ты делаешь? – спросила Кира, держа в руках два стакана с чаем.

Я, будто вор, которого застали на месте преступления, молчал. Стыдливо спрятал руки за спину и прикусил нижнюю губу.

- Что ты делаешь?! – еще раз истерично спросила моя девушка, наспех ставя кружки с чаем на одну из полок шкафа Амины.

Продолжая молчать, я попятился назад, пока не уперся щиколоткой в кресло-мешок и медленно сел в него, постепенно мне пришло осознание самой, что ни на есть, ужасной вещи. Блокнот я до сих пор держал в руках.

Так и не дождавшись от меня ответа, девушка бросилась к кровати, а затем, залезши на нее, села, подогнув ноги к груди и опустив голову.

Опешивший и заставленный врасплох, я только хлопал глазами. В моих мыслях была совершенно иная картина. Я ожидал, что Кира сейчас безумно разозлится, не услышав от меня адекватного ответа, и будет ругаться, а потом долго дуться, да, моя девушка всегда была довольно вспыльчивой. Но такой ход событий совсем обезоружил меня, я застыл, и в голове все никак не могли начать появляться пути решения этой проблемы. Но совсем вскоре я вообще перестал ждать, пока у меня возникнет идея. Как же так, моей милой там так грустно и плохо, а я совсем не помогаю ей. Необязательно иметь план! Главное просто попытаться.

Я аккуратно встал с кресла, подошел к Кире и положил руку ей на плечо. Она не скинула мою ладонь, я воспринял это как позволение сесть рядом. В груди неприятно кольнуло. Как же больно видеть это крошечное существо опечаленным. Сев на кровать, я приобнял девушку со спины, она не отстранилась, я прижал ее крепче.

Девочка не издавала почти ни звука, кажется, даже притаила дыхание, создавая в комнате пугающую тишину.

Две минуты мы просидели в полном молчании, а затем я осторожно спросил:

- Скажешь, что именно произошло? - Да, и не говорите, это глупый вопрос, конечно, я понимал, что, скорее всего, она увидела, что я рылся в ее вещах и потому разочаровалась. Хотя... Если разочаровалась, то почему не оттолкнула?

Моя любимая подняла голову и посмотрела на меня, область вокруг ее туманных серых глаз была красноватой. Нет, она не плакала, но ей очень хотелось, её нижняя губа предательски подрагивала.

- Мне стыдно. – Просипела она, сглотнув подступивший к горлу комок.

А затем, резко шмыгнув маленьким носиком, бросилась ко мне на грудь, зарываясь лицом в толстовку.

В моей голове все перевернулось. Как стыдно? За что? Я вновь опешил, не зная, что сказать.

И, конечно, не придумал ничего лучше, чем ошарашено спросить:

- Почему?

Кира долго молчала, обдавая тяжелым дыханием ткань, а затем простонала почти плачущим тонким голосом:

- Ты все видел!

И в который раз я удивленно хлопнул глазами. От ее ответа понятней не стало совсем! Только еще запутанней.

- Что видел? – вырвалось у меня.

- Рисунки.

- Какие рисунки?

Девушка поднялась и посмотрела на меня так, будто я совсем дурак:

- Как это какие рисунки? – Она немного выгнула бровь и казалось, что ее лицо вдруг стало слегка светлее. – Ну... С кошками! – Кира указала пальцем на кресло-мешок, в котором лежал тот самый блокнот.

Я молча пялился на нее, думая о том, что врать сейчас, скрывая всё и говоря, что я ничего не видел, будет совсем плохой идеей. В конце концов, я так и не понял, в чем проблема тех рисунков и, прикусив язык от осознания, что признаю поражение в борьбе с собственным мозгом, спросил:

- А что не так с этими рисунками?

Кира хлопнула глазами и нахмурилась:

- Они плохие!

- Так а что в них такого-то? -с искренним непониманием я пожал плечами, наклонив голову влево.

- Они некрасивые! Позорные совсем!

Тут я совсем «вылетел из этого мира». Глаза мои, кажется, увеличились вдвое, а рот слегка приоткрылся. В моей голове произошел самый настоящий взрыв, все перевернулось с ног на голову, провода замкнуло, всё перегорело, и я завис.

Сперва девушка не реагировала на моё выражение лица, но когда поняла, что моего ответа нет слишком долго, то помахала перед мои остекленевшими глазами рукой.

- Макар, ты чего?

- Как ты их назвала? – спросил я с какой-то несвойственной моему голосу хрипотцой.

Кира замолчала, будто предчувствуя, что сейчас я начну убеждать ее в том, что рисунки вовсе не некрасивые.

- Кира, ты с ума сошла! – Грубо вырвалось у меня, я снова не успел остановить себя, схватить сказанные слова прежде, чем они вырвутся из моего рта, как дикий зверек из клетки. – А что, по-твоему, красиво?!

От такого моего напора девочка опешила, дернула носом, как кролик. Она смотрела на меня изумленными глазами, страшась сделать хоть малюсенькое движение, сказать хоть одну букву.

Чтобы развеять появившуюся недобрую атмосферу, я громко заявил:

- Да я ничего красивее в жизни не видел! – Вообще, даже не знаю, может это и было правдой.

Моя любимая хлопнула глазами, хлюпнула носом и слегка улыбнулась, так мимолетно и слабо подняв уголки губ, что улыбкой это можно было назвать лишь с натяжкой.

- Правда? – прошептала она.

- Конечно. – ответил я девушке.

В шоке Кира молчала где-то пол минуты, а затем, начала торопливо бубнить:

- Ну нет, быть такого не может, они же не совсем аккуратны, да и...

- Все идеально! – резко перебил я ее своим настойчивым голосом.

Девочка непонимающе разглядывала блокнотик, что все еще лежал на кресле-мешке, и, казалось, что она уже немного успокоилась.

- Хорошо. – Недоверчиво пробубнила она. И я уже было поверил, что все хорошо, когда... - Но что ты увидел в этом красивого.

Я нахмурился, постепенно меня начинало одолевать раздражение, я встал с кровати и поднял блокнот, затем вернувшись к Кире.

Намерено перелистнув первую страницу с наброском, я уставился на изображение Моники, не в силах сказать что-либо.

Ну как можно объяснить, почему это красиво? Потому что красиво. Тут слова излишни.

- Нет, ну я не понимаю! – Громко рявкнул я, чем отпугнул Киру, уже склонившуюся над собственным рисунком. – Нет, ну ты что же, шутишь?! Или и правда сама не видишь, насколько это красиво?

Девушка взяла блокнот в свои руки и указала своим коротеньким тоненьким пальчиком на штриховку на ухе Моники:

- Видишь, тут неровно.

Я сделал каменное лицо:

- Где?

- Ну тут!

- Да нет тут ничего! – снова вспылал я. А затем, выдохнув, спокойно сказал, приобняв Киру, держащую в руках рисунки. – Всё хорошо. Прекрати переживать, придумывать и накручивать себя. Твои рисунки и правда очень красивые и я говорю это не только потому, что люблю тебя.

- Я тебя тоже люблю, - моя любимая прижалась ко мне спиной и частью плеча, макушкой потеревшись о мой подбородок.

Мы молча сидели чуть больше минуты, а затем я, кивнув головой в сторону изображения, на котором нарисованная Моника вылизывала кончик своей лапы, спросил:

— Это же Моника, да?

- Ага. – Коротко пробубнила Кира, а затем, вдруг как-то радостно вздохнув, гордо поинтересовалась: - А что, похоже? – Она неожиданно так лучезарно заулыбалась, что я ни до, ни после этого, такого счастливого и умилительного лица не видел.

- Да, очень. – улыбнулся я и аккуратно извлек блокнот из рук девушки, перелистнул пару страниц, до того момента, пока не увидел уже другого кота, того самого статного и грозного, но с большим нелепым носом, напоминавшим грушу. – А это кто?

— Это... - моя любимая замялась, осторожно почесав кончик носа ногтем, она ответила. – Это Мистер Джованни. Но я звала его просто Джо. Он был красивым, правда? – Кира перевернула пару страниц и показала изображение, на котором кот с довольной мордой лежал где-то, видимо, на подоконнике.

- Правда. – Я погладил девушку по голове и поцеловал в макушку, всем нутром чувствуя, как краснеют её впалые щечки. – А еще... – продолжил я, слегка притормозив, - ему подходит это имя!

- Знаешь, - начала Кира после нескольких минут раздумий, - он жил у нас до Моники.

Я осторожно наклонился, чтобы посмотреть на любимую, так как ее голос звучал очень холодно и грустно. Девушка вся была бледной, её серые глаза туманно застыли, похожие на грязное стекло.

- Он умер где-то полгода назад. Джо родился еще раньше меня, он жил у бабушки, но после её смерти мы забрали кота к себе. Он был очень послушным, пускай и выглядит так своенравно. Вообще, я даже не знаю, что с ним случилось, просто проснулась однажды и не нашла его. Родители сказали, что Джованни умер от старости ночью. - Кира как-то смиренно пожала плечами, её лицо было очень поблекшим и грустным.

- Я тебя люблю. – Неловко пролепетал я, так, словно это могло исправить ситуацию.

Моя девушка не ответила, она поджала ноги к груди и, уткнувшись носом в колени, молча таранила взглядом пол.

Дабы развеять обстановку, я открыл рисунок с рыжим котом и спросил, что это за кот.

Сглотнув, моя любимая стала ещё мрачнее, поджала губы.

Она не отвечала мне больше пяти минут, а потом, тяжело вздохнув, тихо сказала:

— Это - Рыжик.

Так, словно этот ответ был исчерпывающим, она уткнулась головой обратно в колени и не стала продолжать пояснение.

Однако, спустя пол минуты, Кира все-таки выпрямилась, попыталась собраться и сделать более уверенный взгляд.

Сложив руки замочком на коленях, она подняла на меня взгляд:

— Это был кот моей бабушки. Он жил у нее в деревне, - девушка склонила голову набок, погружаясь в воспоминания. – Рыжик был очень ласковым, но довольно вспыльчивым. Я его очень любила. А потом... - Кира снова опечалилась, её глаза намокли, будто она на пределе и у нее вот-вот случится истерика. – Его сбила машина.

У меня у самого на этом моменте сердце провалилось куда-то, стало очень жалко. Нет, не кота, хотя к такой его печальной кончине я тоже отнесся вовсе небезразлично, намного больше мне было жаль Киру. Она вся так поблекла, что и не скажешь, что всего несколько минут назад эта девушка улыбалась настолько ярко, что хотелось зажмуриться, улыбнувшись в ответ.

- Знаешь, - вдруг заговорила моя любимая, пытаюсь не показывать всего своего отчаяния. – Он был на тебя похож, - она постаралась выдавить улыбку, что вышло из рук вон плохо. – И внешне, и характером. У Рыжика были такие же красивые, почти что желтые глаза.

Удивившись, я смотрел на Киру, не зная, как на такое реагировать.

- Если хочешь, - вдруг заявила она, уверенно уставившись на изображение с Рыжиком, - можешь забрать этот рисунок себе.

Что ответить на это предложение, я также не знал.

Но, вообще, мне хотелось бы иметь такое красивое напоминание о Кире. Да и, кажется, она сама хотела мне подарить этот рисунок.

- Если ты не против...

- Нет, не против. – Девушка вырвала лист с изображением и вложила его мне в руки, нежно, будто невзначай, погладив мою ладонь.

- Спасибо. – Тихо ответил я и, бережно взяв любимую за подбородок, робко поцеловал её.

...

Я сорвал со стены рисунок, что до этого мирно висел, прибитый гвоздем. И уставился на него взбешенным взглядом, оскалившись. Рыжик смотрел на меня все такими же заинтересованными и невинными глазами, его хвост стоял торчком, а ушки были остро. Мне, как и прежде казалось, что кот смотрит прямо на меня, будто прожигает своим взглядом. Взглядом серых глаз, нарисованных простым карандашом. Но я знал, что его глаза не серые, они янтарные. Как и у меня.

Сжав рисунок в руках с огромной силой, я уже собрался с мыслями, чтобы порвать его...

Момент 5. Право на будущее

Кира очень любила размышлять о будущем. Даже думать о чем-то плохом, но далеком ей очень нравилось. А я размышлять о том, что будет дальше ненавидел всегда, уж слишком это размытое понятие -«будущее», мир слишком непредсказуем, чтобы думать о чем-то таком. Но девушка, обычно, игнорировала мои недовольства насчет подобных тем.

Она рассказала мне обо всем.

Что мы: либо расстанемся через три года, потому что я ей изменю (и меня это раздражало больше всего, ведь её слова были совсем не обоснованы, а быть изменщиком я вовсе не планировал), либо навсегда будем вместе.

А если я найду другую, то она будет спокойной девушкой среднего роста, с большими голубыми глазами, пухлыми губами, курносый носиком, округлыми чертами лица, русыми волосами до бедер. Ассоциироваться у людей она будет с кроликами, либо зайцами, а также с розами. Использовать «она» будет духи с терпким запахом, звать же её будут Арина или Алина.

Я не знал, с чего она взяла это. Меня злили её глупые слова, предположения, поэтому я старался пропускать их мимо ушей, но давалось мне это с трудом.

Помимо того, Кира говорила, что мы с ней заведем черную кошку, которую назовем каким-нибудь красивым именем. А еще, что жить мы будем в другом городе или, вообще, другой стране.

Больше всего моей девушке нравилось размышлять, какими мы с ней будем, когда вырастим. Она продумала всё: от того, в какой квартире мы будем жить, до того, как будем одевать своих ещё далеко не существующих детей.

Мне всегда казались глупыми её мысли, но я терпел, молчаливо поджимая губы.

В любом случае, Кира, пусть и туманно, но думала, что у наших отношений вполне есть право на будущее. И я не спорил с ней, как минимум, потому что понимал, что это ни к чему не приведет, да и к тому же безумно расстроит девочку.

Тогда был погожий зимний день. Не слишком холодный, но довольно снежный. За ночь образовались большие сугробы, в которых, если быть такой маленькой, например, как Кира, можно и утонуть.

С неба крупными хлопьями падал снег, он оседал на наших шапках и куртках, и нам периодически приходилось смахивать его с себя, дабы на наших плечах и головах не образовались маленькие сугробики.

- Как думаешь, - вдруг спросила меня Кира, - мы все-таки будем вместе до конца или осталось недолго? – ее взгляд был очень отстранённым, девушка пинала своей крошечной ножкой снег подле нее.

- Ты же знаешь, что я ненавижу, когда ты спрашиваешь подобное. – фыркнул я.

- Знаю, - тихо пробормотала Кира. – Но все же?

Я отвернулся и молча ускорил шаг.

Момент 6. Однажды встретились трое: лисица, волк и маленькая птичка

«Ой, прости меня, я не смогу сегодня погулять», - получил я сообщение от Киры, в то время, как уже готов был выходить к её подъезду.

Я спросил почему и, как выяснилось, она пообещала прогуляться со мной, совсем забыв о том, что наговорила того же самого своей подруге – Лисе. Мне совершенно точно не хотелось откладывать гулянку с любимой и потому я предложил погулять нам всем вместе. Я общительный и мне было бы совсем не трудно подружиться со знакомой моей девушки.

И если бы я только знал, чем мне обернутся эти незамысловатые слова, это безобидное предложение. Если бы я только знал, то никогда бы не написал подобного. Но назад уже ничего не вернешь.

Лиса, а точнее Диана, была восьмиклассницей, учившейся в школе Киры. Я не знал о ней ничего до момента встречи, кроме того, что она также жила в нашем дворе, что очевидно, так как у нее есть кличка.

Я ждал девочек у подъезда Киры, облокотившись на столб, когда вдруг почувствовал, что кто-то резко схватил меня сзади. Быстро обернувшись, я увидел девочку среднего роста, с курносым носом, рыже-коричневыми волосами, еле заметными веснушками, довольно маленькими, но вытянутыми глазами, четкими темными бровями и длинными ресницами. Она была одета в коричневую куртку и брюки.

Я выгнул бровь и вопросительно посмотрел на неё.

Девушка улыбалась, и улыбка её была похожа скорее на острый оскал, чем на что-то доброе, будто вот-вот на её зубах проявится кровь жертвы. В общем, я сразу понял, за что её назвали Лисой.

- Я Диана. – Она засунула руки в карманы и осмотрела меня снизу вверх, одобрительно кивнув головой.

- Я Макар. – Да, мне было легко завести диалог с кем-то, но сейчас, почему-то стало неуютно, и я решил подождать Киру, прежде чем продолжать разговор с её подругой.

Лиса долго молчала, сначала что-то разглядывая на моей куртке, а затем глядя куда-то даль, потом спросила:

- Долго ждешь?

- Терпимо. – холодно отрезал я.

- Понятно... - протянула девушка, пытаясь развить диалог. – А тебя почему Волк назвали?

Я поднял глаза вверх, будто задумался, будто не знаю, за что мне дали такое прозвище.

Усмехнувшись, я снова оперся на столб:

- Потому что волк – зубами щёлк. – Это было первым, что пришло мне в голову.

Она отвела взгляд, словно я сказал ей что-то действительно важное, и сделала вид, что всё поняла.

- А я Лиса. – Видимо, она ждала от меня вопроса, но я ничего на это не ответил.

Уже через две минуты из подъезда вылетела Кира, она выглядела очень озадаченной. Подбежав к нам, она извинилась за опоздание и оправдала себя тем, что никак не могла найти ключи от квартиры.

Затем она неловко замерла и спросила:

- А вы уже познакомится успели?

- Ну да, успели, только вот, он у тебя что-то не очень разговорчивый. – Громко ответила Лиса и мне стало не по себе.

Сначала всё шло не очень хорошо, казалось, мы с Дианой постоянно пытались переманить к себе внимание Киры, как какие-то малые дети.

Однако в течение прогулки меня перестала раздражать Лиса, ведь оказалось, что у нас очень даже много общего. Нам с ней, в отличие от Кирочки, нравился один музыкальный исполнитель, у обоих любимым цветом был лимонно-желтый. У нас нашлись общие темы для разговоров и теперь ни она, ни я, не чувствовали себя некомфортно друг с другом. В конце концов, при прощании, я даже приобнял Диану.

Через несколько дней Лиса кинула мне заявку в друзья в ВК и я, не раздумывая, принял её. Вскоре я получил сообщение с предложением прямо сейчас погулять. Довольно наивно, но я решил, что имеется ввиду втроем и ответил, что совсем не против.

Однако, когда я через пару минут вышел на улицу, то увидел только Диану, разгуливающую туда-сюда перед самым моим подъездом.

- А Кира где? – спросил я.

- Так я думала, мы вдвоем погуляем. – Лиса подняла голову и пронзила меня каким-то манящим хищным взглядом.

Момент 7. Одним февральским днем

Я понял это одним февральским днем. В этот день на небе не было ни тучки и снег крупными хлопьями валил с чистого ясного неба. Птицы летали низко. Было солнечно, но морозно, в воздухе клубился пар, а ветви деревьев были завалены снегом настолько, что начинали пригибаться к земле.

Мы стояли на улице, под самыми окнами Киры, стоит сказать, что это вышло случайно. Моё сердце билось быстро, с таким знакомым, но при этом совершенно чуждым волнением. Её карие глаза смотрели на меня как-то серьезно и нежно. Глубоко вздохнув, я сглотнув комок, накопившейся в горле. Она выдавила слабое подобие своей хищной улыбки, осторожно протянув ко мне руку. А зачем прошептала, можно сказать, просто вывела губами слова:

- Ты же знаешь, что я люблю тебя, Макар.

Я прикусил язык, не знал, что сказать, хотелось и радостно взвизгивать, и болезненно застонать одновременно. Сердце провалилось куда-то в пятки, и голова слегка закружилась от сладкого и дурманящего чувства.

Именно в этот момент, когда на нас обоих падал снег и оседал на наших волосах, щеках и руках, я понял всё. Я понял, что тоже люблю её, хочу быть с ней. Она пахла чем-то легким: розой или свежескошенной травой. Во всех её движениях считывалась беззаботность. В её глазах я видел, что она готова ко всему и на всё. Её приоткрытые крашенные губы дали мне знак, дали разрешение, дали право на предательство. И я жадно вцепился в них, обвинил её спрятанную за курткой талию и начал страстно нелепо целовать. Мы не делали такого с Кирой, она была слишком чистой и невинной, поэтому не воспринимала ничего, кроме легких невесомых поцелуев в губы или щеки.

Но, девушка, стоявшая передо мной, была совершенно другой, сложно поверить, что они подруги, слишком уж разные. Грациозным движением она разорвала поцелуй и посмотрела мне в глаза очень требовательно.

- Я тоже люблю тебя, моя Лиса. – Прошептал я и снова впился в губы девушки. Губы Дианы.

Когда мы закончили целоваться, она хихикнула и, будто невзначай, спросила:

- А что ты скажешь *ей*?

- Не знаю. – Я и правда не знал. А что скажешь человеку, который готов был выскочить к тебе в любую погоду без шапки и куртки, просто потому что ты написал, что скажешь человеку, который помнит о всех датах в ваших отношениях, что скажешь человеку, который не может уснуть без твоих пожеланий спокойной ночи, что скажешь такой девушке, как Кира?

Возможно, вы сейчас удивлены и не понимаете, почему вдруг события так развернулись. Но не волнуйтесь, я всё объясню.

Когда в первый раз Лиса позвала меня погулять наедине, я отказался, так еще и пожаловался Кире, на что она удивленно и наивно ответила, что не думает, будто Диана имела в виду что-то двусмысленное. Я не стал спорить, мне нравилось, что моя девушка видела мир так просто и безобидно, я не хотел быть тем, кто портит впечатления от жизни таким людям, верующим в святость своих друзей (да, в итоге – это очень иронично).

Лиса ещё писала мне. Часто. Каждый день. Я отвечал, обычно нехотя, ради приличия. Но в один день всё поменялось.

Можно подумать, что мы с Кирой никогда не ссорились, потому что говорю я только о каких-то добрых и позитивных моментах. Но это было не так. Мы с ней были совершенно разными - противоположностями. Я думаю, что все знают фразу: «Противоположности притягиваются», только никто не упоминает, что при встрече эти «противоположности» бьются с такой силой, что могут повредить друг друга. И мы были именно такими. Ссоры было частым явлением для нас.

И вот, в порыве гнева, который мне далеко не всегда удается контролировать, и поэтому он вырывается наружу, словно дикое животное, я, послав Киру, куда только можно, зашёл в переписку с Лисой.

Она писала: «Привет, как дела?»

Не ответив на поставленный вопрос, я напечатал: «Гулять пойдешь?». А потом добавил: «Вдвоём». Ни прошло и секунды, она согласилась.

Мы бродили вокруг нашего двора, я зачастую молчал, а она тараторила, специально подбирая именно такие темы для разговора, которые заинтересовали меня в прошлый раз. В конце концов, ей это удалось, и я стал активнее. С этой прогулки мы разошлись уже с взаимным желанием общаться.

Лиса писала мне часто, я отвечал, я находил в ней спасение. Спасение от Киры.

Кира говорит: «Почему ты редко мне пишешь?»

А Лиса: «Как классно, что ты находишь время мне отвечать». А если даже время я не находил, то она не комментировала это.

Кира пишет: «Мне обидно от этой шутки.»

А Лиса смеется.

Кира возмущается: «Ты слишком груб по отношению к ним, они же ничего плохого не сделали».

А Лиса: «Ты прав. Они те ещё уроды.»

Лиса не обижалась, Лиса не игнорировала меня никогда, Лиса не запрещала мне шутить как-либо. Лиса не запрещала мне пить, курить и, как оказалось, сама злоупотребляла всем этим. Лиса была простой, легкой.

И я решил выбрать лёгкий путь там, где такого пути нет. Я решил просто предать, перестать тянуть эту любовь. Точнее, не я решил. Сердце моё глупое и смешное решило.

Так, постепенно, наши взаимоотношения с Лисой всё крепчали и крепчали, а с Кирой всё портились и портились.

Я долго не понимал, отвергал, даже смеялся над мыслью, что я больше не люблю Киру, а люблю Диану, но всё было тщетно. Сейчас-то я понимаю, что всё уже было бессмысленно, моё сердце больше не билось *так* рядом с Кирой, а вот рядом с Лисой дыхание у меня перехватывало и говорить становилось всё сложнее и сложнее. Ей удалось приманить меня своей лисьей хитростью. И именно в тот момент, когда я услышал те самые слова: «Ты же знаешь, что я люблю тебя, Макар», я осознал, что пути назад нет. Я больше не люблю Йору, не люблю её щебетание, её голос. Я люблю Диану, люблю её беззаботность и простоту.

Момент 8. Птица со сломанными крыльями

Я долго думал, как сказать ей. Очень долго. Больше недели. Я уже не любил её, был с неё лишь из какой-то жалости и чувства стыда. Но, безусловно, я, больше и лучше всех сейчас понимал, что с каждым днём я делал всё хуже и хуже. Лиса не давила на меня, она лишь украдкой задевала меня рукой, проводя по предплечью, когда мы проходили мимо друг друга в коридоре, и бесшумно бегала гулять со мной и моими друзьями, с которыми я совсем не стыдился познакомить её. Она была не такой, как Йора, и я знал, что Лиса понравится им, потому что она понимает наши шутки, слушает такую же музыку и предпочитает такой же стиль одежды. Мои друзья подозревали, а может уже и уверились в том, что между мной и Дианой далеко не просто безобидная дружба, но никто мне ничего не говорил, даже не заикался на тему моих отношений с кем-либо, старательно обходя эту тему стороной. Кира бы не понравилась моим друзьям, она была слишком доброй и чувственной для них и их приколов.

Но в один день, а именно – 11 февраля, я всё-таки решился.

Я сказал ей всё в нашем парке, нашем, потому что именно в нем произошло наше спонтанное знакомство. Собравшись с силами, я, держа в руках её белоснежные малюсенькие ладошки с бархатной кожей, сказал, что нам нужно расстаться.

На большее мне просто не хватило сил, может быть немного погодя я соврал бы ей, сказав, что причина просто в том, что я остыл. Но и этого я не смог, даже для этой лжи я оказался слабаком, а может быть кто-то посчитает это милосердием...

Когда её руки, словно были призрачными, выскользнули из моих ладоней и серые туманные глаза словно разбились, как стеклянная ваза, наполняясь слезами. Я слотнул и, не в силах больше смотреть на эту немую сцену страдания, быстро встал с деревянной лавочки, на которой всего два месяца назад я разглядывал Кирины черты лица, и ушел из парка, заставляя скрипеть только выпавший снег.

Мои плечи покрывала белая и холодная зима, я шел домой, думая, просто не в силе отогнать эти мысли о том, как крохотное тело моей уже бывшей девушки содрогается от плача, а слезы застывают в уголках круглых глаз, потому что их прихватывает морозец. У подъезда

меня встретила Лиса, она подняла на меня глаза и её лицо выражало не слишком вульгарную, но улыбку, она неторопливо раскрыла руки, чтобы слиться со мной в объятьях. Но я не сделал того же в ответ:

- Я не сказал, что это из-за тебя. – Прохрипел я в макушку уже обнявшей меня девушке, сдерживая ком в горле, режущий шею насквозь.

Я и представить не мог, как больно сделал Кире. Она не пришла в школу на следующий день, сказав Лисе, что заболела, видимо, весь день тогда она просидела на той лавочке до самого позднего вечера, конечно, о том, что мы с ней расстались она также рассказала Диане и та поддержала её, сделав вид, будто и не представляла, как это вышло. Мерзко и лицемерно.

Когда же Кира появилась в школе, то выглядела она совсем дурно, её движения были медленными и хаотичными, неуклюжими, словно она была погружена в какие-то очень важные раздумья, которые занимали всё её время, а глаза, которые она старательно прятала, были прозрачными, отчужденными, какими-то мертвыми и пустыми. Об этом всё мне тоже рассказала Лиса.

Пару раз я видел Киру во дворе, к счастью, наши с ней расписания мало сходились и потому мне не приходилось каждый день видеть живую её хрупкую натуру. Но когда мы все-таки пересеклись, то она, не испытывая ни гордости, вразумевающей не делать этого, ни смущения, встала и, как заинтересованная птица, начала смотреть за мной, провожая взглядом. Я чувствовал это, но взглянуть в ответ боялся, настоящий трус. Трус и предатель.

Лиса недолго терпела этот спектакль и вскоре сама рассказала всё Кире, стоит ли говорить о том, что больше они не общаются. Я спрашивал, как на её признание отреагировала Кира, но Диана всё переводила тему. Возможно, чтобы не расстраивать, а возможно, потому что ей совсем не нравилось, когда я говорил о Кире. Моей маленькой милой Кире.

Сожаление.

Сейчас, когда пишу это, мне даже хочется заплакать.

Мне совсем не жаль себя, не жаль даже за то, что Лиса, как оказалось, «завела» меня лишь для того, чтобы хвастаться наличием парня, что потом она бросила меня, не успев мы нормально повстречаться даже месяца.

Мне жаль Киру, далеко неидеальную, характерную и при этом наивную, искренне любящую меня...

Я всё вспоминал её слова о том, что между нами всё кончится, потому что я ей изменю. Я тогда так злился, буквально рвал и метал, слыша эти предположения, но в итоге она оказалась права. Я – предатель.

Она была маленькой, честной и очень искренней девочкой. Я никого и никогда не любил до нее, и не знаю, смогу ли еще, ведь меня изнутри съедает это чувство вины. И я всё бы отдал, чтобы переступить через себя и извиниться перед ней, сказать, что я тогда ошибся, что никогда не переставал любить её, что всё это глупость и огромное недоразумение. Но проклятая гордость. Первый признак мудака, это когда тебе не позволяет что-либо делать гордость. И ты сидишь, варишься в собственных муках, но признать, что был не прав – не можешь.

Мысли о ней съедают меня изнутри, это схоже с неизлечимой болезнью, но эта зараза не смертельна, она может прожить с тобой всю жизнь, до самой почтенной старости, но при этом никогда не ослабеет и будет лишь усиливаться каждым прожитым днем.

Я мог бы забыться алкоголем, курением, но и это меня не спасало. В полуутопленном бреду я видел её нежные черты лица и мягкие губы, у меня на языке ещё отдавался вкус имбирного печенья, а на щеках покоилась влажность робких поцелуев, мои уши начинали слышать её голос, переливавшийся в щебетанье и снова в разговор, она говорила одно и то же, всегда: «изменщик, изменщик, предатель», мои руки еще чувствовали холод снега, из которого я лепил снежки в тот день, когда мы познакомились, а в голове крутилось напоминание о том,

что у нее аллергия на орехи, поэтому ей нельзя шоколад с ними, на мои плечи надавливали её пальчики и я ещё чувствовал её объятья, а её запреты, которыми она пыталась сделать из меня хорошего человека, как мантра засели у меня в голове. Но я не стал хорошим, я стал еще хуже. Я сам испортил себя. Может быть поэтому, в наказание, всё всегда кончалось тем, что в мой бред вмешивался образ Лисы. Она вставала передо мной как метаморфоза, с лисьими зелеными глазками, клыками и острыми когтями, пушистым хвостом и заостренными ушками. А Кира становилась для меня Йорой, крошечной птичкой, беззащитной и слабой. Лиса-Диана хватала эту малютку и, бесцеремонно и кровожадно, без лишних объяснений, отгрызала Йоре голову, затем протягивала на раскрытой ладони, так словно это был дар, её хрупкое окровавленное тельце и предлагала мне разделиться ужин, и когда я, сглатывая подступавший к горлу комок и стараясь подавить слезы, брал Йору в руки, то видение заканчивалось и вместо маленькой птички в моей руке оказывалась очередная бутылка...

Думаю, что если бы кто-то спросил меня о ней, то я сделал бы вид, что забыл её: её имя, белоснежные волосы, крошечные руки, прекрасный носик, красивые рисунки. Этих котиков...

Я сорвал со стены рисунок, что до этого мирно висел, прибитый гвоздем. И уставился на него взбешенным взглядом, оскалившись. Рыжик смотрел на меня все такими же заинтересованными и невинными глазами, его хвост стоял торчком, а ушки были востро. Мне, как и прежде казалось, что кот смотрит прямо на меня, будто прожигает своим взглядом. Взглядом серых глаз, нарисованных простым карандашом. Но я знал, что его глаза не серые, они янтарные. Как и у меня.

Сжав рисунок в руках с огромной силой, я уже собрался с мыслями, чтобы порвать его...

Но что-то остановило меня, я выпустил листок из рук, и он плавно полетел на пол, а я упал на колени, закрывая лицо руками и начиная жалко всхлипывать.

Прости меня, Кира, прости моя прекрасная маленькая птичка, что никогда не озарит больше моё утро своим нежным и заботливым пением. Прости меня, я так сожалею.

Олень или спектакль для Бэмби

- Ну ты и олень! – Именно с такими словами в класс влетела Аня. Её балетки постукивали о деревянный пол, походка была резкой и уверенной. Она быстро настигла моей парты и, фыркнув, облокотилась на нее руками, нависнув у меня над головой.

Поправив галстук на шее, я выгнул бровь. Позади послышалось какое-то шептание и смешки, это девчонки из моего класса.

Я видел, как Аня сжала свои зубы и сильнее надавила на парту, что та даже жалобно заскрипела, можно сказать, что глаза её налились кровью и казалось, что из её ушей в потолок вот-вот хлынет густой пар, как у закипевшего чайника. Но, думаю, было бы странно испугаться я девчонку.

- Да как ты посмел! – Вдруг не вытерпев моего молчания взорвалась она и я почувствовал запах вишневой жвачки, которую так любят все девочки. Я сглотнул, сказать честно, я был удивлен, самому стало интересно, чего же такого я там посмел. – Я думала у нас любовь! А ты! – Я видел, как с каждым произнесённым словом её гнев всё больше сменялся на отчаяние и на уголках глаз проявлялись маленькие прозрачные капельки – слёзы.

Аня громко хлюпнула носом, резко развернулась и начала бежать к выходу из класса, закрывая руками лицо. Её балетки снова стучали по полу, уже громче, чем когда она приходила.

Этот акт драматизма не вызвал у меня ни единой эмоции, пожав плечами, я выкрикнул:

- А чё я?

Но ответа не последовало, только позади послышалось шуршание и уже вскоре толпа этих одинаковых и безликих девушек заторопилась к выходу, судя по всему, чтобы догнать и успокоить Аню.

Я закатил глаза - ну и дуры.

У самого выхода одна из них - Рита Чижикова, повернулась ко мне, откинув в сторону свои рыжие локоны и четко произнесла, указав на меня пальцем:

- Олень.

Вскипел я тут же, ну как так можно, зная, как быстро к людям у нас цепляются клички, раскидываться такими словами:

- Заткнись, придурочная. – Я взъерошил волосы и нахмурился. Но моих возмущений никто уже не слышал, девочки скрылись за дверью, оставив меня в пустом классе.

Ещё через пару минут, когда я сидел в своём телефоне, старая деревянная дверь скрипнула и в класс вошла Галина Матвеевна. Она строго посмотрела на меня и спросила:

- Бастионов, ты почему в классе? Проветриваем же.

Я сделал наивный вид и захлопал глазами:

- И правда, а меня и не предупредили! – Элегантным движением встал я и, быстро лавируя между парт, вытек из класса, пока учительница не придумала, что ответить на мою ложь.

Когда я вышел в коридор, то все девчонки, как это обычно бывает, шептались по углам, собравшись кучками и плотно прижавшись друг к другу. Ну и стадные же животные они!

И всё было бы хорошо, всё было бы в порядке вещей, если бы их губы, намазанные яркими помадами, не произносили одну и ту же фразу: «Ну и Олень». И, знаете, назвав они меня придурком или сволочью, я бы совершенно не расстроился, всё равно все их злые языки вскоре бы начали говорить совершенно другие слова, а именно «Привет, Никиточка. А ты чего один стоишь?». Это фраза была мне знакома настолько, что разбуди меня в три часа ночи с просьбой сказать её, я бы ответил верно, при этом передав все эмоции и тембр голоса, с которым обычно её слышу.

Я уже понимал, что скоро ждёт меня, уже предвидел эти сочувствующие взгляды друзей и попытки заткнуть всех, кто называет меня такой идиотской кличкой.

И я был прав.

Уже через несколько дней я стал не просто Никитой Донским, а «Никита Донской, а если коротко – Олень».

Вообще, по документам-то у меня фамилия Бастионов, но ни друзья, ни знакомые меня так не зовут. Тут всё просто, Бастионов – фамилия от отца. Того самого ублюдка, который бросил маму с маленьким мной и двумя сестрами на руках. А теперь выплачивает алименты ничтожные эти раз в месяц, будто они помогают. В общем, мама себе фамилию в паспорте уже поменяла на девичью, а вот до моих документов ещё руки не дошли, да и у меня паспорта ещё нет. Но вот в обиход я уже запустил свою новую фамилию. Теперь учителей пытаюсь «приучить», но пока не очень выходит.

А что Аня так взбесилась я не понял совсем. Мы же не встречались даже, а она тут «любовь, любовь!», что за глупости, какая любовь, она же мне вообще не нравится даже, о большем-то речи и не идёт!

Заистерила ещё, будто я ей что-то должен, будто чуть ли там не предал её. Хотя она, по сути-то, мне никто.

В последствии от знакомых я узнал, что всю эту сцену она устроила мол из-за того, что я гуляю то с ней, то с какой-нибудь другой девочкой. Но и это не объяснило мне причину её поведения. Я ничем ей не обязан, и мы с ней всего лишь друзья, точнее, были друзьями до этой ситуации. В любом случае, мне всё равно, что я обидел её, она для меня ничего не стоит и я не переживаю о её чувствах. Да и ситуацию эту запомнил лишь потому, что теперь за мной увязалась эта отвратительная кличка.

Но причина, по которой я пишу тебе сейчас произошла месяцем позже... Случилось всё так.

15 мая я вышел со школы с особенным чувством облегчения, была пятница, а это означало, что следующие два дня можно будет провести в полном разгильдяйстве, посвящая всё время прогулкам с друзьями и игрой в компьютер. Уже давно вылезла молодая зеленая трава и начала распускаться сирень. В воздухе пахло свежестью и мне было приятно вдыхать полной грудью. Солнце светило ярко, играясь с водой в лужах, появившихся от недавнего майского дождя. На мне была одета зелёная толстовка с динозавром и белые кеды, портфель сегодня был необычно легкий и от этого моё настроение становилось еще лучше. Как только моё тело оказалось за территорией школы, я достал из заднего кармана джинс электронку и смачно затянулся. Стало еще лучше, чем прежде, я беззаботно шагал по улице, не обращая внимание на окружающих.

Но вот, в тот момент, когда я собирался переходить дорогу, пролегающую между нашим двором и школой, то почувствовал, как кто-то теребит меня за плечо. Я не был удивлен, это самая обычная практика, обязательно кому-нибудь всегда от меня что-то нужно, с недовольной миной я повернулся к тому, кто посмел нарушить моё спокойствие в этот дивный для меня момент. И опешил.

Передо мной стояла не какая-то знакомая, а черноглазая девушка, которую я никогда не видел в нашей школе. Наверное, она была не из наших, ведь во дворе я тоже её не замечал. По виду она была младше меня года на два, но я не мог ответить точно. Сейчас подросткам очень свойственно выглядеть не на свой возраст.

- Ты транспортную потерял. – Незнакомка протянула мне мою транспортную карточку зеленого цвета, которую я обычно носил в кармане, по всей видимости она выпала, когда я доставал электронку.

Я не протянул руку в ответ, сам не знаю почему. Вместо этого я поднял глаза с карточки на лицо девушки. У нее были большие глубоко посаженные выразительные глаза с длинными ресницами, нос её был прямой, а щеки слегка пухленькие. Лицом она была похожа, на мой взгляд, на куколку, её черты были очень нежные и даже немного детские. Волосы незнакомки были кучерявыми и блестящими, цвет их был странным каким-то бледно-коричневым, но на свету они поблескивали каким-то зеленоватым оттенком.

На ней была надета какая-то нелепая школьная форма: темно-синий сарафан с белой блузкой под ним, зато на плечи была накинула довольно модная серая кофта на застёжке.

Этот портрет почему-то очень меня впечатлил, и я уставился на нее, как оцепеневший. Впервые в жизни какая-то девушка показалась мне такой красивой и приятной.

- Ты очень милая. – Неожиданно нелепо выдал я, не уследив за своим языком и сказав то, о чем думал.

Девушка смутилась, видимо, ей это не очень понравилось, и она издала неприятный слегка мычащий звук.

- Давай, бери. – Сказала она после нескольких секунд максимально неловкого молчания. Я молниеносно выхватил карточку из её длинных пальцев и быстро начал удаляться.

По пути домой я думал лишь об одном... О тех черных глазах и пухлых щеках, об очень красивой девушке, которую я смутил и озадачил своим нелепым поведением. Хотя, признаться, себя я озадачил ничуть не меньше. Всю дорогу я шёл и думал лишь о том, что мне ну совсем не свойственно такое поведение, какое я проявил, встретившись с этой девочкой.

Ситуация вышла совсем неприятная и я как можно скорее постарался её забыть, вскоре это мне удалось, и я выбросил из головы милую незнакомку. Но вышло это ненадолго, ведь вскоре, а именно где-то через неделю, мы вновь встретились...

Забор, ограждающий мою школу, был очень массивным и высоким, с большими и можно даже сказать красивыми воротами. Но мне не нравились: ни забор, ни ворота. Всё дело в том, что за этими воротами скрывалась не какая-нибудь элитная гимназия или лицей, а самая обычная, далеко не самая красивая, школа с тремя этажами и протекающем потолком на последнем. А следовательно – весь этот фасад с толстыми колоннами был лишь напоказ, хвостовством человека, у которого на самом деле совсем ничего нет. Единственное, что хоть чуть-чуть могло придать искренности этому железно-бетонному «монстру», так это то, что на одной из колонн, прямо под фонарным столбом, располагалось гнездо какой-то вороны. Конечно, как и любое другое животное, неожиданно ворвавшееся в серую и скучную жизнь обучающихся, птица сразу же вызвала бурную реакцию. Она безусловно отвлекала нас от уроков, ведь каждому, кто в то время имел счастье сидеть рядом с окном, непременно необходимо было проследить за тем, как эта ворона, которую потом все ученики коллективно стали называть Галлией в честь очень любопытной черноволосой учительницы начальных классов, таскала веточки, прутики, стекляшки и прочие драгоценности в своё маленькое гнездышко.

Я поднял голову вверх и улыбнулся, выходя за территорию школы, дружелюбно глядя вверх, я пытался разглядеть гнездо Галлии. Вдруг я резко почувствовал боль, вызванную тем, что очень сильно врезался в кого-то. Сделав прилостную мину, я поднял взгляд и уже открыл рот, чтобы высказать всё, что думаю, о человеке, который не может отойти с дороги, когда увидел перед собой её...

Эти манящие волосы странного цвета были заделаны с помощью заколки и будто кукольное её лицо обрамляли пряди, небрежно очертывающие подбородок. На ней был всё тот же нелепый сарафан, но уже с другой блузкой, правда, снова белой. На её ногах были надеты черные лоферы на высокой платформе.

Так и застыв с открытым ртом, я подбирал слова, которыми можно было бы описать подобную ситуацию. А может стоит извиниться? А может просто промолчать или с позором убежать? А может...

- Снова ты? – Задала вдруг девушка риторический вопрос, мельком глянув на меня.

- Да. – Нелепо ответил я, отведя глаза и прикусив губу. Мне не хотелось встретиться с ней взглядом.

Повисло молчание, очень неловкое молчание, и я уже начал как-то инстинктивно отходить назад, когда она сказала:

- Мне говорили, что там наверху живет какая-то Галлия. Ты же на нее смотрел, да? – Незнакомка смерила меня взглядом, отрезая пути к отступлению. – Это вообще кто?

- Ворона. – Почесал я затылок. Она промолчала в ответ и я, вдруг испугавшись, хотя это и нелепо, что если сейчас диалог не продолжится, то она просто уйдет, продолжил, стараясь не выдавать своего смущения. – Так зовут одну очень странную училку младших классов в нашей школе.

- Понятно. – Вынесла вердикт девочка. – А ещё, ты это, поаккуратнее ходи. – Она бросила на меня слегка высокомерный взгляд.

- Да, прости, - резко начал я делать то, что совсем было мне не свойственно, а именно – извиняться. Я сглотнул, не в силах остановить свой язык, мой мозг словно застыл, и я больше не мог думать над тем, что говорю. – Я просто не ожида...

Она перебила меня:

- Прости, что я в прошлый раз так отреагировала на твой комплимент. – Изрекла она, будто нехотя, скрипя зубами.

Я ничего не ответил, лишь почувствовал, как к моим щекам начала резко приливать кровь и дыхание сбилось. Пораженный подобным поведением своего организма, я пробубнил что-то на прощание и очень быстрым шагом прошел мимо девушки, направляясь в сторону дома.

В тот же вечер она мне первый раз приснилась...

То был какой-то странный, сюрреалистичный сон. Я запомнил лишь один момент из него.

Меня окружали какие-то старые и уродливые дома с покосившимися крышами, без дверей, с выбитыми окнами и потрескавшимися кривыми стенами. Воздух был наполнен каким-то смрадным запахом, дышать было очень тяжело, от каждого вдоха становилось тошно. Пахло сыростью и гнилью, будто я оказался около старой компостной ямы. Что-то давило на меня со всех сторон, казалось, что из за каждого угла за тобой подглядывают темные страшные существа, наполненные гневом, ложью и лицемерием.

При этом я видел горизонт.

Там, на такой далекой полосе, стоял еле различимый розово-желтый дом. К нему медленно сходились все здания, расположенные вдоль улицы, посередине которой я стоял. Чем ближе была постройка к этому притягательному сооружению, тем приятнее она была на вид. Чем дальше я устремлял свой взгляд, тем больше видел различий между теми домами, что идут дальше и что стоят вокруг меня. От такой разницы дышать становилось только сложнее, легкие будто сдавливало стальными тесками. Я попытался шагнуть вперед, навстречу красивым и приятным домам. Но у меня не вышло. Я попробовал снова, уже более уверенно рванув ногой. Но и это не помогло. Я стоял на месте, среди всё тех же страшных, уродливых домов. Тогда я попробовал подпрыгнуть, чтобы хоть как-то оторваться от земли. Однако, очевидно, и это было зря. Голова начинала кружиться. Я начинал злиться: сжимал кулаки, пытался кричать, но сам себя не слышал. В попытках обмануть систему пробовал даже развернуться и побежать в обратную сторону, но всё даром. Ноги словно были накрепко прикреплены к асфальту суперклеем.

Вдруг я почувствовал, как кто-то уверенно и резко берет меня за руку, сжимая пальцы так, что начинают хрустеть кости. Я рефлекторно поворачиваю голову влево и неожиданно натываюсь на её черные глаза, глядящие прямо мне в душу. Нежный портрет её лица обрамляли распущенные волосы. Девушка, стояла, прикусив свои тонкие губы и задержав дыхание.

Она подняла мою руку и поцеловала обратную сторону ладони. Я обомлел, у меня начали подкашиваться ноги, и я совсем перестал дышать, от чего голова начинала кружиться еще сильнее и в глазах зарябило.

Уже знакомая мне незнакомка улыбнулась, и я увидел, какие красивые были у нее веснушки, распластавшиеся рыжими забавными пятнами по бледной коже.

Я попытался протянуть к ней другую руку, чтобы коснуться прелестного лица... улыбка резко спала с её щёк, словно обессиленная она выронила мою ладонь и стала пятиться назад. Затем, споткнувшись о дряхлое бревно, валяющееся на дороге, упала и закрыла рот своей небольшой ручкой. Вскочила на ноги и, бросив на меня испуганный взгляд, бросилась бежать вперед - в направлении розово-желтого дома.

Конечно, мне хотелось броситься за ней, догнать, схватить и больше никогда не отпустить. Сердце бешено колотилось в груди и слезы подступали к глазам. Какой-то комок в горле перекрывал доступ к словам, рвущимся из самого моего нутра.

С каждой секундой она становилась все быстрее и быстрее. В конце концов, достигнув заветной постройки, девушка обернулась на меня в последний раз и юрко скрылась за маленькой дверцей. Я не видел места, в котором укрылась девочка, но подсознательно чувствовал, что на двери этого маленького и явно уютного домика написано: «Счастье», что где-то там пахнет зефиром, топленым молоком и весенней свежестью майского рассвета, что воздух там совсем невесомый и, чувствуя его, хочется дышать постоянно, без остановки, почти насильно раздвигая рёбра.

На этом сон оборвался...

Я проснулся в холодном поту, моё сердце очень быстро билось. Посмотрев на часы, я тяжело вздохнул, время было 3:21, мне еще не скоро вставать в школу. Я обессилено упал в кровать и накрыл голову подушкой, пытаюсь уснуть снова. Вскоре я забылся тревожным сном, который всё равно прервался прежде, чем будильник на моем телефоне успел разбудить меня.

И вот спустя два дня я снова встретил её.

Она опять стояла около нашей школы. Я уже в который раз задумался: почему она приходит? Скорее всего, ждет кого-то, но кого? Я мог долго смотреть на её силуэт из окон раздевалок, но так не разу и не видел, чтобы к ней кто-то подходил.

Когда я, зайдя в раздевалку, увидел её перед воротами нашей школы, то моё сердце забилося быстрее и на лице сама собой появилась наиглупейшая улыбка. Я начал быстро одеваться, а точнее - пытаться совладать с эмоциями, из-за которых движения получались неряшливыми и кривыми. В голове начинала зарождаться глупая мысль: сегодня я сам начну разговор с ней, под каким-то нелепым предлогом или, быть может, осмелею и прямо признаюсь ей в своем желании познакомиться. Выпутавшись из рукавов толстовки, в которых я от волнения не смог разобраться, я встал перед наибольшим зеркалом, на котором был нарисован кот-Леопольд и из всех сил пытался поправить волосы, которые сейчас почему-то лежали очень плохо, будто я не мыл их несколько недель. Да, раньше меня совсем не волновало то, что происходит на моей голове, но теперь почему-то эта мелочь приобрела для меня вселенское значение. Тяжело вздохнув и попытавшись улыбнуться своему отражению, я направился к выходу из раздевалки, когда на пути у меня встала Мира Соловьева. Она постаралась улыбнуться во все зубы, делая вид, будто только что заметила меня, а не специально оказалась именно здесь и именно сейчас:

- Никита, а ты чего один? А где Филипп или Селезень?

Я выгнул бровь:

- А они тебе зачем?

Мира сглотнула и начала вертеть головой в знак отрицания:

- Они – ни зачем. Просто интересно, почему это вдруг ты один. – Максимально наигранно она улыбнулась и, пытаясь сделать как можно более нежный голос, произнесла своими алыми губами. – А тебе ведь влево? Давай я провожу? Мне тоже по пути, - она замялась, явно придумывая ложную причину пойти со мной, - к подруге... к дальней.

- К дальней подруге? – Усмехнулся я, выгнув бровь и накинув на плечо рюкзак. – Девочки мальчиков не провожают. – Отрезал я и, несильно толкнув плечом Миру, прошел мимо.

Воздух на улице показался мне очень свежим, даже чересчур, так, что закружилась голова, я вдохнул глубоко, непринужденно зашагал к воротам и уже видел силуэт моей незнакомки через кроны деревьев, растущих в палисаднике, и мне становилось немного тревожно, будто я боялся произвести плохое впечатление. Я вышел за пределы школы и с максимально невозмутимым лицом начал направляться к девушке, перед которой так трепещу. Казалось, что мне даже хватит силы заговорить с ней напрямую, без глупых предлогов, но... У судьбы, похоже, были другие планы. В двух-трех шагах от девушки я вдруг испугался, сердце стало биться как-то периодически, то надолго останавливаясь, то резко начиная двигаться с огромной скоростью. Вот, я уже проходил мимо, в голову приходило осознание, какой-то голос внутри меня кричал: «Сейчас или никогда!». Я начал лихорадочно придумывать повод заговорить с незнакомкой, и, как раз вовремя, мой взгляд зацепился за развязавшийся шнурок. Не жалея своего тела, я намерено наступил на него, и полетел на асфальт. Глухая боль раздалась по всей коже, я сжал челюсти, чтобы не взвыть от боли. Зря в моей душе теплилась надежда, что добрая девушка бросится поднимать меня и спрашивать, всё ли в порядке. Даже если моя незнакомка и хотела сделать это, то её опередили. А именно – Мира. Она с визгом бросилась поднимать меня, не страшась сама упасть от поднятия такого тяжелого груза.

Я оскалился, ну что же такое, надо же так всё испортить. Раздраженный я поднялся и гневно уставился на Миру, та, явно не ожидавшая такой моей реакции и думавшая, что сейчас я должен бы поблагодарить, сначала начала быстро хлопать своими большими глазами, а затем и вовсе отвела взгляд.

Раздосадовано сжав кулаки, я посмотрел на ту, ради которой вообще всё это устроил, и с горечью заметил, что она, вообще никак не изменившаяся в лице, стоит и с выражением полного безразличия листает что-то в телефоне. Я уставился на нее, как на экспонат в музее, может быть, я даже слегка приоткрыл рот. Видимо, почувствовав на себе взгляд, девушка подняла на меня глаза и, не пытаясь скрыть равнодушие, снова уткнулась в телефон.

В этот раз её волосы были распущены и, такие объемные и прекрасные, облачком лежали на её нешироких плечах. Во рту у нее был леденец. Только сейчас я заметил, что на руках её сделан красивый неброский маникюр бежевого цвета. Слегка присмотревшись, я разглядел на её ногтях наклейки с котиками. Это показалось мне до жути милым. В этот раз она была одета во всё тот же сарафан, а еще - черные гольфы и милые туфельки, на плечах её висела тоненькая ветровка.

Я смотрел на нее, как на восьмое чудо света, прямо таки пялился и потому даже не слышал, как Мира говорила мне, что теперь меня точно надо довести до дома, ведь сам я не дойду.

- Эй, ты меня слышишь?! – Прикрикнула Мира, дернув меня за плечо.

На эти слова повернулась незнакомка, она подняла глаза от телефона и сказала мне:

- Чего пялишься? Тебя дама, между прочим... ждёт.

Мира активно закивала головой, будто поддерживая слова девушки. И я просто взорвался, вдруг забыв про то, что только что упал и у меня все болит, я рванул в сторону своего дома, игнорируя Миру бегущую за мной вслед. Отойдя довольно далеко от школы, я развернулся и встретился лицом к лицу с девушкой, догоняющей меня.

- Господи, отвали уже! – Сказал я ей, мои глаза были налиты кровью, а из ушей, казалось, сейчас хлынет пар. Мало того, что вышла такая неудача, так еще и Мира увязалась за мной, как

за инвалидом каким-то. – Отстань! Ты мне неинтересна, понимаешь?! Просто уйди от меня подальше уже!

Я сорвался и потому последнюю фразу просто прокричал.

- Ах так! – Вдруг поставила руки на бока Мира. – Ну и пошел ты тогда, ну и пожалуйста, она развернулась и ринулась быстрым шагом по смежной улице налево, интересно было, куда она так спешит и сколько ещё потом будет искать дорогу, чтобы выпутаться из дворов, в которые сейчас забредет. На самом деле, меня это ничуть не волновало, равномерный стук её каблучков по тёплому асфальту был явно более приятной мелодией для моих ушей, нежели её раздражающий тонкий голос.

Она удалялась и ушла уже довольно далеко, но я всё ещё мог слышать еле различимую брань и какие-то нелепые возмущения о неуважении.

Но мне было всё равно, что она там считает на счёт меня. В моей голове уже начали крутиться стальные шестеренки, я стал подумывать план, результатом которого предполагалось моё знакомство с той самой девушкой, которая вот уже несколько страниц этого письма не даёт покоя моему разгорячённому сердцу.

Мой план был прост, ненавязчив и эффективен. Мне кажется, что я вполне могу считать его своей гордостью.

Он заключался в том, что я, якобы, должен был увидеть на асфальте деньги(я сам их подброшу), которые, мол, наверняка выпали из кармана *незнакомки*, тогда я подниму купюру и протяну её девушке. Внутри сложенной купюры будет записка, в которой я объяснюсь, что хочу познакомиться и укажу свой Телеграмм, а на деньги предложу ей купить себе шоколадку или что-нибудь ещё сладенькое.

План был готов, купюра с запиской тоже: я положил её в задний карман брюк и не доставал, даже когда приходил домой.

Только вот, незнакомку я не видел еще где-то неделю и уже почти отчаялся, когда случилось чудо, и в один день из окна раздевалки я увидел знакомо-незнакомую кучерявую голову.

Мне хотелось смеяться, смеяться и покусывать губу, переживая. Внутри все вертелось. Бурлило, голова начинала болеть от волнения. Казалось, что по каждой венке моего тела течёт не кровь, а, с напором буйной реки, несется какое-то доселе не известное, тревожное чувство. Может быть вот оно то, что люди зовут любовью? Нет. Я выкинул эту мысль из головы, я никогда не влюблялся и, не скрывая гордости за это, говорил, что никогда никто не сможет «очаровать» меня.

Сердце буйно билось, внизу живота тянуло от такой странной, но немного приятной тревоги – ожидания встречи. Я проверил наличие купюры в кармане. Всё было на месте. Уже начиная предвкушать желанное знакомство, я двинулся к ней, попутно поправляя то непослушную прядь тёмных волос, то загнувшееся худы. В груди все трепетало, я боялся потерять дар речи, когда увижу её, боялся, что мой план с треском провалится, боялся, что в таком случае об этом может узнать кто-то из школы и тогда мне точно несдобровать.

Я вновь увидел её: бледную кожу, тоненькие ножки в черных гольфах и маленьких лакированных туфельках, пышные и роскошные волосы, бежевая сумка, перекинутая через аккуратное плечико, крошечные ладошки, зажавшие в руках телефон. Она, как и в прежние разы, была безумно красива, настолько, что у меня начинали подкашиваться ноги.

Собравшись с силами, я вышел из за ворот школы и направился к ней, проходя мимо, я бросил купюру недалеко от её левой ноги и, делая вид, будто бы заметил что-то необычное на асфальте, повернулся к ней:

- Девушка, - я старался сохранять уверенный голос, но, наверное, это получалось у меня не совсем хорошо. – У вас, кажется, деньги выпали.

На секунду она оторвала взгляд от телефона и подняла глаза на меня.

- Я не пользуюсь наличкой, - безразлично сказала незнакомка и снова уткнулась в мобильник.

Сначала испуганно опешил, но потом сообразил, как выпутаться из этой ситуации:

- Но я видел, как они выпали из твоего кармана.

Она никак не отреагировала. Тогда я сам наклонился и поднял с пыльного асфальта деньги, а затем протянул их девочке.

— Это как понимать? – Спросила она довольно грубо и выгнула бровь.

Я сглотнул и, не зная, что делать в подобной ситуации, просто всучил незнакомке деньги, сказав:

- Я уверен, что это твое.

А затем настолько быстро, насколько мог, начал удаляться от нее, борясь с желанием обернуться и посмотреть на реакцию девушки.

Её ответ на мою наглую выходку заставил себя ждать. Но я не был огорчен, что получил сообщение на свой Телеграмм только через два дня. Так как думал, что она вообще выкинула эти деньги, посчитала подобный поступок бредовым. К моему счастью, этого не произошло и через два дня я увидел сообщение:

- Привет, что ты хотел?

Когда я увидел эти слова, то в груди все затрепетало и сердце забилось намного быстрее, улыбка сама появилась на моем лице и засияла, словно самое яркое майское солнце.

- Привет, познакомиться хотел. – Быстро напечатал я в ответ и прижал телефон к груди, переполняемый эмоциями. Всё бурлило, чувства до этого мне неизвестные рвались наружу, и я даже был сбит с толку происходящим, хотелось одновременно радоваться, что она мне написала, и бояться, что общение не завяжется, не получится и в итоге завянет, как цветок, которому не хватило внимания со стороны хозяйки.

Но всё вышло довольно хорошо. На удивление, девочка была не против познакомиться, и у нас довольно быстро развился диалог, в который, как мне показалось, она была вполне вовлечена. Её звали Элей. Очень красивое имя, оно безумно подходило этой прекрасной черноглазой девушке.

Эля... Эля... Это имя звучало, как прохладный ветерок в жаркий летний день, как глоток воды, после долгой пробежки, как спелая вишня, немного кислая, но при этом и сладкая, как приторная кола и как самая мягкая подушка. Наверное, потому что это имя было её.

Дни тянулись, как мед, долгие и сладкие. С каждым новым её сообщением я всё больше был счастлив. Мы говорили о многом, о том, какие нам нравятся животные, когда у кого день рождения, кто какую слушает музыку и кто какие фильмы смотрит.

Во многом наши вкусы не совпадали. Она любила собак. Я ненавидел собак. Я любил кошек. У нее на кошек была аллергия. Я слушал ту музыку, которую слушали все, а именно – песни, попадавшие в плейлист из ТикТока. Она слушала классику и очень любила Моцарта, его песни почему-то внушали ей какое-то непонятное и абстрактное чувство тревоги, которая при этом была настолько размеренной и спокойной, что её можно было бы сравнить с черепахой, мирно ползущей по своим делам. Зато сошлись мы на том, что любим ужастики, правда вот... Она любила такие, которые пугают своей драматургией и атмосферой, а мне нравились те, которые отличались особой «кровавостью» и количеством скримеров.

Вскоре я понял, почему она понравилась мне, почему среди всех них я выбрал именно её. Она отвечала мне немного холодно, была слегка загадочна и осторожна по отношению ко мне. Я не понравился ей, она не бросилась ко мне на шею, только завидев издали, она была слегка отстранена, всегда слегка отстранена и потому я выбрал её. Она не любила меня. Эля была не такая, как все. Она не хотела дружить со мной и ей, по сути, было на меня всё равно. Это было тем, что зацепило меня, словно железный крюк.

Но постепенно я стал замечать, что что-то меняется. Её поведение становится другим. Эля вела себя не так, как раньше. Она проявляла большую заинтересованность, в нашем общении её становилось всё больше и больше. И каждый раз, замечая, что она всё меньше безразлична ко мне, я вспыхивал, внутри всё горело от этого непонятного чувства, мне хотелось схватить её, утащить куда-нибудь, спрятать, как самое ценное сокровище и никому никогда не отдавать. Ледяная стена между нами, всегда присутствующая между малознакомыми людьми, постепенно таяла и вот уже в нашем общении стало больше теплоты и искры, чем я когда-либо мог разглядеть.

Прошло больше месяца со дня нашего знакомства и всё уже было понятно. Она любила меня также, как любил её я. Такой странной любовью, разной, нелепой. Я верю в то, что противоположности притягиваются, именно поэтому мы с Элей нашли друг друга. Мы были разными и это сближало нас.

Но я даже не думал о том, чтобы признаваться ей. Не то, чтобы я боялся, скорее это казалось мне опасным. Наши отношения не могли уложиться у меня в голове, а потому я даже подумать не мог о том, чтобы рассказать о своих чувствах.

Меня тянуло к ней, и я каждой своей клеткой желал быть рядом, но что-то останавливало меня.

Правда, её не останавливало ничего...

Эля написала мне поздно ночью. Поздно ночью, когда на моих часах, покрытых слоем благородной пыли, светилось 1:57. Эля написала мне. Написала огромный текст, запутанный и немного непонятный, но вывод из него был выписан внизу, отдельной строчкой, словно девочка подозревала, что из её мудреного сообщения я не смогу выловить суть. Этим выводом было 4 слова, простых и таких... странных? глупых? никчемных? желанных? 4 слова: «Никита, я тебя люблю».

Я опешил, не знал, что ответить на это, потерялся и даже чуть не выронил телефон из рук, начав нервно глотать ртом воздух. Эля любила меня, я был прав, я знал это, но чего я точно не знал, это того, что она решится об этом сказать.

Мои пальцы, не согласовывая свои действия с мозгом, набрали ответ: «Ты мне тоже нравишься». Такой странный и непонятный ответ. Она говорила мне: «Я люблю тебя». Я отвечал: «Ты мне тоже нравишься».

Я так и не понял, было ли всё происходящее между нами «официально» или это стоило держать в секрете. Но, на всякий случай, чтобы не пролететь, я не открывал рот лишний раз и вообще не подавал виду, будто бы в моей жизни что-то изменилось.

Вскоре мы в первый раз пошли гулять. Солнце бросало на землю свои яркие лучи, греющие серый пыльный асфальт, ленивые белые облачка проплывали по гладкому небу, переливающимся всеми голубыми оттенками. Было душно и не было даже летнего ветерка, который шелохнул бы листья на березе, размахнувшейся прямо под окнами дома.

Эля жила далеко, и я думал, что мне придется ехать к ней, однако, она настояла на обратном. Я не стал спорить.

Когда я вышел из подъезда, то первое, что ударило мне в нос был запах ромашек, растущих в палисаднике возле подъезда. Я увидел большую белую чайку, которая беззаботно пролетала над крышей стоящего рядом дома. Она издала какой-то счастливый крик и скрылась вдалеке. Во дворе Зяблик выгуливала свою крошечную и непослушную Беллу, и та вилась вокруг нее, раскручиваясь, словно волчок. Она бросалась на хозяйку, не оставляя попыток допрыгнуть до ее лица, чтобы облизнуть.

Там же Медведь пытался научить своего нелепого мопса по имени Бобс приносить кольцо. Выходило плохо, собака совсем не хотела слушаться хозяина, у нее напрочь отсутствовала жажда движения. Бобс сидел, сонно глядя на мальчика, неуклюже пытающегося показать, что именно требуется от собаки. Пёс похрапывал при каждом вздохе, как это делает всякий

мопс, и слабо вертел хвостом, лениво покачивая головой, когда Медведь тряс перед его носом фиолетовым кольцом.

Я пошёл на остановку и там встретил Элю. Она была одета в большую белую футболку, на которой была изображена аниме-девочка с большими глазами и ярко-розовыми волосами, и в черную теннисную юбку, на плече девочки висела чёрная тканевая сумка, с застежкой в виде звёздочки.

Мы долго гуляли и говорили обо всём на свете, но все наши разговоры сводились к одному: как же хорошо, что началось лето. Всю нашу прогулку я не сводил с нее глаз, мерно наблюдая за её элегантными и милыми движениями. Я впервые влюбился и, кажется, влюбился по уши. Она тоже постоянно смотрела на меня, заглядывала в мои голубые глаза своими черными бусинками и хихикала, когда мои щеки загорались алым заревом от смущения.

Я проводил её до автобусной остановки и настал тот самый, раздирающий душу момент, нужно было попрощаться, попрощаться пусть всего и до следующей прогулки. Я потянулся к ней, чтобы обнять её и, неожиданно даже для самого себя, наклонился так низко, что мы оказались в прямом смысле лицом к лицу. Наверное, она приняла это за знак, потому и, прижавшись к носочкам, чмокнула меня в уголок губ. Я вообще не собирался её целовать, тем более на первой прогулке, но этот её скромный жест сорвал где-то у меня внутри рычаг, и я жадно впился в её нежно-розовые тоненькие губы, нежно целуя ту единственную, которую я искренне полюбил. Она ответила на поцелуй. Для меня он был не первым, для неё – наверное да. Я целовался много: по пьяне, на спор, во время игры в бутылочку. Эля же до этого момента была чиста и только теперь мои ужасные грязные губы опорочили её нежный рот.

Наш поцелуй разорвала «Волшебная флейта» Моцарта. Она отстранилась от моих губ и взяла в руки телефон, как раз в этот момент подъехал её автобус, и она помахала мне рукой, одновременно отвечая маме, что уже едет домой, и забегая в полупустой вечерний автобус. Я долго стоял на остановке и провожал взглядом проезжающий мимо транспорт. Внутри у меня всё вертелось, словно в блендере и сердце прямо-таки рвалось из груди и ныло от счастья.

Душный летний воздух начал разрезать теплый ветерок и мне казалось, что сейчас листья на ветках деревьев шуршат как никогда красиво, а шум проезжающих машин похож на шум морской волны. Медленно бредя домой, я думал о тепле её губ и о ромашках, растущих около моего дома.

Лето всё разгоралось, и мы стали гулять чаще, несколько раз в неделю. Каждая наша прогулка была особенной, постепенно, мы начали гулять не только в моём районе, но и в центре города. Мне приходилось часто отказывать друзьям в совместном времяпрепровождении, говорить, что у меня просто нет настроения. Тогда мне приходилось водить её обходными путями, чтобы не встретить ребят. О наших отношениях не знал никто и я был рад этому.

Знойное лето тянулось, погода становилась всё жарче и жарче отцветали одни цветы и им на смену приходили другие, неизменным оставалось одно: каждый раз она на прощанье целовала меня в губы. Так нежно и так долго, что потом я долго их не ощущал и даже, потерявшись в пространстве, стоял неподвижно несколько минут, глядя вслед уходящему автобусу.

Время шло, наступил июль, в первый же день месяца начался сумасшедший ливень, который сбивал с деревьев ветки и стучал звонкими каплями по стеклу. Небо было светлым, но с него лило, как из ведра, и от этого настроение в этот день было у всех подавленное и грустное. Даже с Элей мы переписывались нечасто. Прошло ещё несколько дней, парочка из которых были такими же дождливыми, и вот, в десятых числах июля мы с Элей вновь решили встретиться, она предложила сама и прибавила, так, невзначай: «Мне надо с тобой кое-о-чем поговорить». Я даже и не задумался об этих словах, пропустил их мимо ушей и сразу же забыл, как только закрыл нашу переписку.

Это был единственный на неделе день, когда синоптики обещали ясную погоду и даже поговаривали, что температура может подняться настолько же, какой она была в июне. Я был

рад и уже предвкушал, как вновь увижу эти кучерявые волосы и тонкие руки, покрытые еле заметными веснушками, которые начали выступать на руках уже летом, в пик жары, когда солнце неумолимо покрывало всё своим светом, заставляя тяжело дышать от духоты. Мне казалось. Что в тот день я был самым счастливым человеком на земле. До места встречи я не шёл - парил, не касаясь ногами земли, внутри меня всё было таким воодушевленным, что сам я стал легок и воздушен, как облако. Лёгкие мои глубоко дышали, и душноватый воздух казался мне самым нежным и свежим на свете, я вдыхал аромат листвы, проходя мимо невысоких деревьев, и мои губы сами собой расплываясь в улыбке, голова уже представляла, как я увижу Элю.

Местом встречи был парк, в котором на асфальте до сих пор были видны глубокие лужи, а с веток деревьев иногда падали небольшие звонкие капельки. Она увидела меня первая, замалахала мне своими тоненькими ручками и, вся сияющая, с невообразимой улыбкой, бросилась ко мне. Эля бежала неуклюже и казалось, что она вот-вот запнется о неровный асфальт и упадет, и я с трепетом сердца ждал её, внимательно наблюдая и уже готовясь рвануть к ней, если вдруг равновесие подведет девушку, и она неосторожно шлепнется на землю. Эля бросилась мне на шею, крепко обнимая мои худые плечи, она вжалась затылком в мой подбородок и жадно вдохнула. Затем подняла свои чёрные глаза и, широко-широко улыбнувшись, смотрела на меня. В этом взгляде и читалась эта искренняя, непростая любовь, наполненная такими чувствами и эмоциями, понять которые способен далеко не каждый. Может показаться, что сейчас я скажу мол: такого взгляда я не видел до этого никогда! Но это будет ложью, на меня смотрели так, и смотрели не раз, но впервые этот взгляд не казался мне противным, бессмысленным и отталкивающим. Впервые я, глядя в эти прекрасные глаза, напоминавшие цветом горький шоколад, понимал, что сам смотрю на кого-то таким взглядом: влюбленным, таким, что сразу понятно, что от любви человеку снесло крышу, что мозг его теперь не способен к рациональному мышлению, а способен только восхищенно смотреть на объект своего обожания, ловя каждое его действие и слово.

Она сияла и этим сиянием зажигала меня, теперь я сиял тоже. Мы взяли за руки и медленно пошли по ровному асфальту, углубляясь внутрь парка, я постоянно смотрел на нее, не в силах сдержать эмоции, мне казалось, что счастливее, чем я сейчас, человек быть просто не может.

Мы были радостны, и в груди у меня всё порхало, и мне хотелось вдохнуть её, вдохнуть поглубже, вдохнуть всеми лёгкими, вдохнуть так, чтобы голова закружилась и в глазах зажгло. Неожиданно она остановилась и резко поменялась в лице, Эля стала печальна и в глазах у нее промелькнула плохо скрываемая грусть, однако через секунду всё вернулось на круги своя, она вновь влилась в свой темп ходьбы и натянула на лицо улыбку.

- Всё в норме? – спросил я, легонько коснувшись её голого плеча.

- А, - девушка сделала ошарашенный вид. – О чём ты?

- Мне показалось... - Начал было я, но не успел договорить, так как она перебила.

- Мало ли что тебе кажется, пойдём. – Отрезав это, Эля ускорила шаг и, крепче взяв меня за руку, так, что мне даже стало немного больно, потащила меня вперед по дорожке.

Я не стал заикливаться на этом моменте и вскоре забыл о нём вовсе.

Мы гуляли по парку, наслаждаясь недолгим солнечным днём, который вскоре, наверняка, сменится пасмурными и дождливыми. Всё казалось живым, говорящим. Каждая букашка будто бы говорила: «Хей, посмотри на меня, я жива, я по-настоящему жива!» - И услышав такое от неё, наступить на это беззащитное существо и правда казалось каким-то посягательством на честь, преступлением. Каждый листик также трепетал, шелестя: «Я уже статен и достиг своей максимальной длины, глянь же на меня, какой я красавец!» - И ты обращал внимание на каждый листик каждого дерева в огромном парке. А потом каждая травинка, будто пытаясь узнать тебя получше, спрашивала: «Кто же ты? Откуда ты? А зачем пришёл сюда?».

Неожиданно из этих мыслей о всём живом меня выбил восхищенный, но тихий писк Эли:

- Смотри, там же белочка! – Она указывала мне пальцем на маленькую пушистую обитательницу парка, с обворожительной рыжей шерсткой и грациозным хвостом. Красавица сидела на кормушке, сооруженной специально для нее, и грызла небольшой орешек, который просто умилительно лежал в её крошечных белых лапках.

Я взглянул на свою красавицу, Эля, как замороженная следила взглядом за белкой, боясь упустить её из вида, боясь пропустить хоть какое-то движение небольшого существа. Она выглядела очень мило с этими увлеченными глазами и кучерявыми волосами. Мне нравилось смотреть вовсе не на белку, а на неё. Эля была такой беззащитной, такой крошечной, что мне хотелось девушку защитить от всего плохого, что есть на этом свете. Сердце в который раз горело и обливалось.

Минут 5 стояла она, как вкопанная, наблюдая за белочкой, когда я всё-таки подтолкнул её идти вперед, проворчав:

- Давай, не можем же мы пялить на неё всю прогулку.

Нехотя, девушка оторвала взгляд от животного и, будто и не была только что неподвижна и спокойна, торопливо зашагала вперед. Мы свернули на тихую, уединенную аллею, уходящую слегка в «глухую» часть парка, где асфальтированная дорожка сменялась песочной тропинкой. Мы уходили всё глубже и глубже, но я был не против, мне нравилось идти туда, куда захочет она.

Я и не замечал, что она шла туда совсем неслучайно.

В месте, куда она привела меня было темно, потому что почти все лучи солнца перекрывали густые кроны огромных деревьев. Недалеко стояла, спрятанная от чужих глаз лавочка, на ней лежали небольшие зеленые листочки, похожие на маленькие лодочки из-за своей формы.

Эля сказала:

- Давай присядем. – Она указала пальцем на ту самую лавку и уже начала идти к ней.

Я, ничего не отвечая, пошел за ней. Сзади её кучерявые волосы выглядели еще лучше и голые плечи казались такими привлекательными и нежными, что внутри замирало всё, а сердце проваливалось куда-то вглубь тела, в живот.

Где-то рядом, на тоненькой веточке, щебетала небольшая птичка, она важно ходила по ветке и с явным выражением чирикала что-то, словно рассказывая какой-то стишок.

Мы сели на лавочку и Эля, резко развернувшись ко мне и взяв мои щеки в свои небольшие нежные руки, поцеловала меня так, как не целовала до этого, так чутко, так необычно. Да, каждый её поцелуй казался мне чем-то особенным, но этот... Казалось, он значительно отличался от всех других.

Он был такой эмоциональный, чувственный и тёплый, будто бы разговор на кухне за чашкой черного чая в 4 утра, когда рассветное солнце трепещет, восходя по желтому дереву кухонного гарнитура. И при том тот поцелуй был таким... беспокойным? Казалось, что он даже горчит, будто был пропитан какой-то непонятной мне грустью, но я постарался не думать об этом и заикнулся только на хорошем.

Вдруг он отпрянула от меня настолько резко, как будто я ударил её электрическим током. В её глазах моментально отразилась такая тоска, такая глухая боль, что от непонимания происходящего у меня задрожали ноги и на лбу выступили крупные капли пота. Я вдруг очень испугался. Что так обеспокоило эту невероятную и бойкую девочку? На что так взволновано смотрели её черные глаза?

Я обернулся и увидел Аню, ту самую, из-за которой ко мне прицепилось это позорное прозвище - Олень. Вопросительно я посмотрел на Элю, глаза её не изображали теперь ничего, будто бы из них медленно что-то высасывало эту печаль и вселенское волнение, чем ближе становилась Аня, тем более пустыми становились глаза девушки, сидевшей напротив меня.

В голове всё отчаянно трещало, шестеренки крутились, пытаюсь встать на нужные места, всё трещало и казалось, будто бы моя башка вот-вот взорвется.

Я не придумал ничего лучше, как:

- Эля, ты че? – Я дернул девушку за плечи, и она перевела взгляд с Ани на меня, лицо её попыталось изобразить что-то очень странное, непривычное... кажется, отвращение?

С непониманием я смотрел на Элю и мне хотелось начать трясти её за плечи и кричать, спрашивая: что происходит.

Аня настигла нас и, положив мне руку на плечо, которую я тут же грубо оттолкнул, ехидно прошептала:

- Ну что, Олень?

Мои глаза вспыхнули. Пазл в голове всё никак не складывался, и я конкретно не понимал, что это всё значит и что вообще происходит. Хотелось просто взяться за голову и подумать пару часов над произошедшим, быть может, тогда шестеренки в моей голове встали бы на нужные места, и я неожиданно бы всё понял. Но у меня не было нескольких часов, у меня не было даже нескольких минут, даже секунд.

- Что, Олень? Понравилась тебе моя Элечка? – Я не смотрел на Аню, но по голосу слышал, да и не трудно было догадаться, что сейчас её губы изобразили ухмылку. – Даже встречаться начал? – Она засмеялась. – А я думала, что ты только и можешь, как пить, курить, да шастать направо и налево. А мы, оказывается, и любить умеем?

- Что? – Спросил я, пытаюсь изобразить максимально глупый голос, хотя в голове моей уже сложилась последняя деталь. Это была месть. Месть за что? А просто-напросто за то, что...

- Что? – Засмеялась Аня, её голос ужасно меня раздражал. – Я думала, что у нас всё взаимно, и всё идёт к настоящим серьёзным чувствам, а, как оказалось, ты у меня за спиной также мило общался и с Лизой, и с Дианой. Это почти что измена!

- Какая измена?! – Развел я руками и засмеялся, давно не слышал я подобного бреда. – Ты мне не нравилась, девочки тоже, о чём вообще разговор, я со всеми общаюсь так. Одинаково.

- Не нравилась? – Я повернулся на неё и увидел, как лицо её заливается краской, и вся она кипит. Будто вот-вот взорвется и ударит меня по голове лежащей недалеко в листве палкой. – А Элечка, - она выдержала драматическую паузу, - нравилась?

Я посмотрел на Элю, тщательно изучая взглядом всё её черты лица, прекрасные волосы и самые нежные тонкие ручки. Нет, Эля мне не «нравилась». Я её любил.

- А ты ей нет! Если ты ещё не понял, это всё было постановкой. Как удачно, что, когда она встречала меня со школы, то помогла тебе поднять транспортную карту. Удивительно, как совпало, что тебе понравилась именно она. Моя прелестная подруга, которая согласилась повстречаться с тобой, чтобы отомстить за меня. – Аня вся почти что дрожала от удовольствия, её зеленые глаза горели, как у хищной кошки.

А я смотрел на Элю и всё не мог понять, как так вышло. Неужели это всё правда было ложью? Было несчастным спектаклем? Мне хотелось в её глазах найти хоть чуточку печали, отчаяния. Но её глаза были подозрительно пусты.

Сначала я не знал, что сказать. Хотелось просто закрыться от всего мира и, свернувшись в клубок, лежать. Но её глаза были пусты. И именно это дало мне право на ответ на все эти колкости Ани. Лучшая защита — это нападение.

- Ну да, мне нравилась Эля. Правда, совсем чуть-чуть. – С этими словами я вскочил с лавки и удалился по аллее, крикнув им вслед пару «ласковых».

Я делал всё максимально быстро, так, словно за мной началась погоня и я вот-вот окажусь в лапах у не самых лучших людей. Колени подкашивались, руки ломало, сердце скрежетало, как не скрежетает даже скрипач, томно водящий смычком по струнам. Я не мог поступить лучше. Я не мог нормально думать.

Моя первая любовь. Это всё был спектакль.

Все наши поцелуи. Все её слова. Ничего они не значат. Это всё ложь.

Потом в школе Аня смотрела на меня внимательно, изучая каждую мимолетную эмоцию на моём лице, каждую складочку на губах. Я знал и чувствовал это и именно поэтому мои движения были такими неприсущими мне, а поведение наигранным.

В груди у меня царапали кошки, и каждая мысль об Эле давалась с трудом. От воспоминаний о ней, о запахе её волос, о нежных кукольных чертах её лица всё замирало. Казалось, что это конец.

Но я не смел подать виду, иначе бы я потерял свою гордость, иначе бы я проиграл.

Уже через неделю я начал встречаться с другой – какой-то девочкой из параллельного класса - она не нравилась мне, нисколько, но я должен был сделать это, как мне казалось, чтобы они видели, насколько мне всё равно, чтобы они поверили в это. А потом с ещё одной и ещё, я менял девушек, как перчатки, но в моей голове всё это время была лишь она – Эля. Всё трепетало от одной лишь мысли о ней, сердце дрожало и билось быстрее, почти как и раньше, только вот теперь это всё окрасилось такой болезненностью и грустью...

Я так и не забыл о ней. Она так и осталась моей единственной и незабываемой любовью, такой, какой быть больше и не может. Она осталась моей самой заветной и самой запретной мыслью.

Тигр или отпечаток на полосатой коже

Я знал, что она уйдёт, ещё в самом начале года я слышал, как она радостно заявляла, что это последний год её нахождения в этом «поганом лицее». Но до последнего я не хотел верить...

Точнее, сначала мне было всё равно. Сначала я не обращал внимания на неё, на её вечные странные выходки, светло-русые волосы и большие карие глаза, которые на солнце были такими нежными, переливающиеся самыми добрыми и теплыми оттенками коричневого. Она вся сама была похожа на лучик солнца, такой яркий и пылкий, иногда обжигающий окружающих своими неосторожными действиями и эмоциями, она вся пылала, зажигая этим пламенем жизни всех вокруг, а затем перегорая, могла спокойно завести душевный разговор, обижаясь на тебя за то, что так мало знает о тебе. Она была для меня синонимом слова искренность, такая отзывчивая и заботливая. Я не видел в ней никаких отрицательных качеств, ведь даже то, что другие бы посчитали плохим, я всегда видел только хорошим.

Я влюблялся в нее медленно и осторожно, пытаюсь всё время доказать себе, что это бред и я её не люблю. Будто бы летел вниз с горы на велосипеде со сломанными тормозами. Доказать этого себе не получалось, и я тихо растворялся в любви к ней, стгорая от чувства горечи и обиды: я знал, что это не взаимно. Почему я влюбился в неё? И просто ли это совпадение, что в классе мы были единственными с нашего двора? А может быть это именно он свёл нас, подарив неловкие перегляды по дороге от школы домой.

Вообще, я человек вовсе не обладающий воображением, но когда она была рядом, то мне хотелось витать в облаках, представляя, как прекрасно было бы, чувствуя она ко мне тоже самое, что и я к ней. Касаться её длинных пушистых волосах, зарываться в них носом, чувствуя пресловутый запах эвкалипта и мяты.

Во дворе её звали Нутрией, а настоящее её имя было Алиса. В древнегерманском языке это имя означает «благородная», «великодушная», а с греческого переводится, как «истина». Именно такой она и была, честная, всегда докапывающаяся до правды, при этом добрая, отдающая себя полностью, всепоглощающе своим и чужим эмоциям.

Привыкший самостоятельно справляться со своими проблемами, я никому не рассказывал о своих чувствах, ни друзьям, ни знакомым. Нет, я не боялся предательства, не боялся и что она узнает. Просто не захотел рассказывать, вот и всё. А быть может, просто стыдился своей далекой и запретной мечты.

И это только кажется смешным, мол, почему это я решил, что мои чувства не взаимны? Ответ очень прост! Она любила другого. Какого-то старшеклассника, кажется, который знал об этом и открыто смеялся над её чувствами, заставляя вновь и вновь эту девушку сомневаться в себе, переживать по пустякам.

Каждый раз, когда я слышал это во мне вновь и вновь просыпалась буря эмоций: и злость, и отчаянье, и самая что ни на есть печаль, и, конечно, самая сильная зависть.

Порой она жутко раздражала меня, слишком активная и назойливая, её яркость начинала слишком сильно светить мне в глаза и хотелось убрать её куда-нибудь подальше, только чтобы она не мозолила глаз и не резала, неосознанно, в который раз и так в пух и прах разодранное сердце. А иногда она была очень холодна и спокойна, выводила меня своим безразличием ко всему, я знал, когда она бывает такой, а именно тогда, когда этот идиот нагрубит ей. Я ненавидел такую её, потому что знал единственную причину такого её настроения. Я ненавидел такую её, ещё и потому что в такие моменты она была слишком сильно похожа на меня: тихая и неразговорчивая.

И только сейчас, спустя некоторое время, я понимаю, что эти моменты, так раздражавшие меня раньше, были самым настоящим счастьем. Да что уж говорить, я готов променять все

счастливые моменты лишь на пару таких деньков, когда я мог бы снова видеть её за нашими старыми деревянными партами. Тихою и недовольную, которая, если вдруг заметит, что я смотрю на неё, начёт таранить в ответ взглядом так, будто я совершил настоящее преступление.

Но я отдал бы почти всё на свете лишь за то, чтобы...

Почувствовать запах её мятной жвачки, смешавшейся с ароматом утреннего свежего воздуха, проникающего в класс экономики, когда она надувает пузырь, накручивая на палец светло-русый завиток, стоит только пожилой учительнице отвернуться.

Услышать, как она смеётся над своим соседом по парте и на её правой щеке появляется еле заметная ямочка, а прядь непослушных светлых волос прикрывает левую бровь.

Увидеть, как она возмущенно набирает в свою маленькую грудную клетку воздух, чтобы прямо сейчас нарочно громко выдохнуть, фыркнув.

Смущенно улыбнуться с её немного обидной и слишком громкой несмешной шутки, которую она скажет не со зла.

Увидеть, как она осторожно заправляет за ухо волосы и смотрит прямо в душу, долго так и загадочно, что сразу становится понятно, что этот человек умеет не только «шутки шутить», но и задушевно болтать, свесив голову набок.

Да я всё готов отдать просто за то, чтобы каждый день видеть её в этой милой школьной форме, за «её» партой, с её подругами. Чтобы видеть её такой, какой она осталась в моей памяти.

Без нее всё было другим. Будто бы потеряло краски.

Большой и просторный класс с высокими потолками и зеленой краской на стенах, по углам стояли большие старые коричневые шкафы, а между ними были низенькие ящички, наверху которых всегда стояли полувявшие растения, три ряда парт. Вот куда вернулся я в этот сентябрь...

А уходил я из...

Маленького и уютненького *нашего* кабинета, где парты стояли всё также в три ряда, но так близко-близко, что казалось, будто бы все сидят прямо рядом. Стены такого домашнего цвета, похожие на мох, будто мы в загадочном лесу. И свежий воздух, прорывающийся сквозь открытое настезь окно, ветер, разбрасывающий какие-то важные документы по полу. Старый проектор, который почти не показывал картинку и потому, когда его включали, все были ужасно недовольны. Она всегда говорила, если её что-то не устраивает, прямо-таки сердито и громко возмущалась о том, что ей не понравилось. Там, откуда я ушёл в мае, пахло жизнью, зимним снегом, весенней радостью, дождливой осенью, пахло самыми яркими чувствами и эмоциями, пахло мятной жвачкой и эвкалиптовым шампунем для волос.

Я понял, что лишь теперь осознал, *насколько* всё поменялось без неё.

Её образы постоянно всплывали у меня в голове, я не мог воспринимать школу без её присутствия. Да, порой, я видел её на улице, по дороге к репетитору по физике или в магазин. И однажды мы собрались спустя пару лет вместе с бывшими одноклассниками, и тогда я видел её, разговаривал с ней, преодолевая стеснение, больно кусающее меня изнутри. Но ничего из этого нельзя было сравнить с той атмосферой, которую она приносила в наш класс.

Мне казалось, что я потерял частичку себя, что часть меня ушла вместе с ней. Хотя, казалось, мы почти и не общались.

К счастью, однажды это закончилось, и я вновь вздохнул полной грудью, приняв, что ничего уже не вернуть.

Однако порой случается такое, что её кукольные черты лица и светло-русые волосы вспыхивают в моем сознании, как кусочек чего-то очень хорошо спрятанного и скрытого от чужих глаз, и тогда мои губы медленно расплываются в скромную улыбку, я медленно погружаюсь в воспоминания, как в горячую воду, они обволакивают меня и я забываю обо всем, уносимый течением памяти внутрь самого себя, пока не услышу:

- Матвей, всё норм?

Нутрия или перемены для жителя болота

Здесь всё пахло по-другому, ощущалось иначе, чувствовалось чуждо. И громкий смех одноклассников на задних потрепанных партах, строгие замечания учителей, громкий, почти оглушающий, звонок с урока, запах свежести из приоткрытого окна в кабинете химии. И всё ощущалось не так, как там. Не так, как раньше.

Я ненавидела свой лицей: бирюзовые стены четвертого этажа, зелёные коридоры третьего, розоватые полы второго, обшарпанные парты, скрипучие двери. В них я видела отражение всего, что происходило здесь: несправедливость, тревожность, быстрый взгляд на отражение в зеркале, прошлое. Сегодня я, кажется, одета строго по форме, но они найдут к чему прикопаться. Всегда находят. Внутри всё трещит от обиды и сдавливает голову, будто металлическими тесками. Они всё врут, лицемерные, лицемерные обманщицы. Этот почти тоталитарный контроль, дежурства, морозный воздух и приоткрытое окно на втором этаже. Физрук вечно орал, нам уже перестало казаться это ненормальным, мы привыкли. Так тяжело бежать первым уроком, во рту копиться неприятная кислая слюна, сглатываю, а теперь предательски жжёт разгоряченное больное горло, провоцируя жалкий сдавленный кашель.

Конечно, я была далеко не единственной, кто разделял такое мнение и, быть может, это доказывает то, что оно верное.

Но здесь, всё было другим, лампы светили иначе, а солнце не светило в глаза, заставляя зажмуриться и дернуть головой, а грело тёплыми лучами на последней парте, даря пусть и призрачное, но ощущение полного контроля спокойствия и немой веры в хорошее. Это было сравнимо со свободой.

Однако что-то казалось странным... Я почти сразу поняла что именно.

Здесь будто бы не было души...

Эти красивые стены, свежеевыкрашенные краской, и ровный пол никогда бы не стали такими уютными и тёплыми, как потолки с отваливающейся штукатуркой.

Я смотрела на наш лицей и мои глаза наполнялись слезами, никогда бы не подумала, что скажу это, но я искренне скучала. Никогда и ни о чем я не жалела так, как о переходе в другую школу. В прошлой школе осталась не такая уж и большая часть моего прошлого класса, который был похож на костёр, он полыхал и светился, путался клубами дыма, но ведь остался Тигр, остались и Дима, Матвей, Лена, осталась наша «мама» староста Карина, остался мой бывший сосед по парте Захар. Я немного завидовала им, и сама совсем не понимала почему.

Казалось, в новой школе лучше всё. Свобода. Такая долгожданная, вдруг показалась чем-то наскучивающим, мне не хватало это странной «игры» с вечными придирками и попытками извернуться, когда ты бежал по этажам, спотыкаясь о серые бетонные ступеньки, летел на максимальной скорости подальше от администрации, которая так и норовила сцапать длинными когтями и отругать за что-нибудь, лишь бы было за что, как кошка охотится на несчастную мышку. Но ведь в этом и был свой непреодолимый запретный азарт, пробуждающий внутри бурю, пусть и не всегда положительных, эмоций.

Все воспоминания были связаны именно с ним – с тем самым дрянным жестоким лицеем, из которого я так старательно пыталась сбежать. Сбежала. И что в итоге, стало мне лучше?

Я знала, что поменять ничего нельзя и оттого мне становилось больно, не могла я уйти оттуда, куда только пришла. Да и меня бы не взяли, если честно, они набрали полный класс. Знали ли те, кто придут туда в следующем году, что их будет ждать? Если не знали, то как они сейчас там, после всей свободы, после свежего воздуха и доброго тепла? Если знали, то что же им захотелось сходиться с ума, убиваясь над тем, что не имеет особо смысла?

Каждый день, приходя домой с новой школы, я испытывала дикое отчаяние, пустоту, самую настоящую пустоту, мне было безумно обидно и грустно. Я понимала отчего, но не

понимала зачем. Зачем? Зачем мне переживать о том, что я уже не могу изменить? Зачем переживать о том, что было для меня хуже, больнее? Зачем переживать о забытом? О том, что сковывало в тесках столько лет? Я задавалась этими вопросами и всё никак не могла найти на них ответа, и всё также впадала в жуткое отчаяние каждый раз, приходя домой с новой школы, словно бывала в тюрьме.

Я часто видела их, когда они шли домой со школы или, например, к репетиторам, они всегда с небольшой завистью говорили о той свободе, которую получила я, перейдя в новую школу, в каком-то роде, я не могла не согласиться.

Прошло время, и можно сказать, эта рана зажила и я уже вспоминаю старую школу, как простое приятное прошлое, покрытое толстым слоем пыли. Я всегда рада видеть тех, кто остался в лицее, но вот уже моё сердце совсем не питает к ним той блаженной и доброй зависти. Как оказалось, одноклассники в моей новой школе были также совсем уж неплохими людьми, а во многих моментах поступали даже гораздо лучше, чем мои бывшие «сострадальцы».

Это было легко и это было приятно, отпустить то, что тяготило тебя, и вот я уже совсем спокойно стала воспринимать рассказы о том, как проходит время в лицее. Я совсем перестала жалеть, что перешла, ведь новые воспоминания всегда постепенно вытесняют старые и ведь именно это значит, что перемены к лучшему. Перемены всегда к лучшему, это золотое правило жизни, которое стоит лишь прочувствовать однажды, поведясь сначала на мысли о прошлом, чтобы принять и осознать. Ведь так?

НеясЬть или выпавшая из гнезда

Я боялся моргать. Ведь стоило мне только сомкнуть веки, как...

Её нелепый темно-синий свитер, опустившиеся руки, померкший взгляд.

Стоило только закрыть глаза, как...

«Нет, Филя, не уходи! Филя, стой! Филя!»

Я проваливаюсь в сон, как...

Запах мокрого асфальта, стук дождя, тарабанищего повсюду, фонари уже погасли, но рассвет не наступил.

...

Я узнал, что она пропала, совершенно случайно. Просто заметил, что она перестала так часто мелькать перед глазами. Больше я не видел её, шлёпающую по лужам и выгуливающую свою бельгийскую овчарку по имени Белла, еще щенка. Не видел её в школьных коридорах, до этого наполненных смехом и визгом.

Сначала я обрадовался, подумал, что она сменила график. А потом мне встретилась Сова...

Её большие глаза, спрятанные за толстым стеклом очков, были красными, а руки дрожали. Она шла ко мне уверенно, но как только оказалась рядом сразу стушеввалась.

- Соня исчезла. – Сказала она сквозь зубы и сразу развернулась, не дав мне возможности до конца осознать информацию и задать какие-либо вопросы.

Признаюсь, сначала я не поверил, что это что-то серьезное. Соня была таким человеком, который может, не предупредив никого, сорваться на другой конец планеты, просто чтобы сменить обстановку. Она всегда говорила, что самое ценное, что может дать себе человек – это смена деятельности. Я всегда считал её слова бредом.

Через день я подловил Сову в полете между первым и вторым этажом. Она прижимала к груди учебники и слегка испугалась, когда я схватил её за плечо и притянул к себе. Я был довольно груб, единственное, что сорвалось с моих сухих губ:

- Рассказывай.

Сова сглотнула и прижала учебники ближе к себе.

- Валя, не молчи, - я потрянул её, потому что внутри всё тут же начинало закипать, из рук Совы даже начали выскальзывать учебники, но она вовремя успела их зацепить.

- Да я сама ничего не знаю. – Как-то скромно пожала она плечами. Я нахмурился, её «не знаю» было для меня недостаточно. Валя отвела взгляд, ещё раз сглотнула и прошептала, резко всхлипнув. – Я знаю только... эхм... что всё случилось в тот самый день.

- Что случилось?! – Спросил я, беспокойно тряся её. – Боже, расскажи уже. Ты что, думаешь, что всё это шуточки?!

- В этом и суть, что нет! – Резко ответила мне Сова. – Фил... - она замялась и в который раз сглотнула, - Филипп, для меня это, как раз-таки, не шулки! Я правда не знаю, что произошло, мне ничего не рассказывают! Но раз ты такой взрослый, то возможно с тобой полиция может поделиться более ценной информацией!

- Полиция? – Нелепо переспросил я.

- Она самая. – Сова выпуталась из цепких ветвей моих рук. – С тобой поговорят уже скоро, ты же последний, кто, возможно, видел Соню.

Моё дыхание стало сбивчивым. Тогда это случилось со мной в первый раз, воздух на лестничной площадке показался спертым и ему словно отрезали доступ к легким, в глазах потемнело. Я перестал понимать, что происходит, в голове было лишь одно.

Запах мокрого асфальта, дождь, заставляющий кожу покрываться мурашками, прохладный ночной ветерок. Её глаза блестели, а я так и не разглядел: от слез или ей в них попали

капли. А может я просто придумал? Я не решился обернуться, чтобы посмотреть. Я уходил и в спину мне летело одно только слово, одно только имя: «Филя! Филя! Филя!».

- Филя! Ты чего? – Сова изумленно хлопала глазами. Я поймал себя на том, что стою, облокотившись на лестницу и одной рукой держась за голову.

- Они типо меня подозревают в чем-то? – Спросил я, игнорируя возглас девушки. – Господи, да она же просто куда-то слиняла, нагуляется и потом вернется как миленькая.

- Нет, послушай, Филипп, я знаю её всяко лучше тебя и уж точно знаю, что, несмотря на своё не самое примерное поведение, Соня никуда бы не стала сбегать. От чего ей убегать, в конце концов?

Я задумался, и вправду, а от чего ей убегать? Хорошие, кажется, взаимоотношения с родителями, нормальные оценки в школе, никаких проблем. От чего ты убежала, Соня? Я прикусил губу. От рутины бытия? От самой себя? От не взаимности? Я мысленно выругался сам на себя. От какой ещё не взаимности?

- Кто её знает. – Пожал я плечами. - И не зови меня Филей. – Огрызнулся я на Сову и, слегка толкнув её плечом, скрылся за дверьми второго этажа.

Весь последующий школьный день я просидел как на иголках, не слушал учителей, ничего не записывал. Как зачарованный, я сидел и пялился в поверхность парты, медленно повторяя в голове то, что планировал сказать полицейским, если они решат меня о чем-то спросить. А я знал, что они решат.

Вдруг мне в голову стукнула мысль: «Черт, а зачем вообще Сова рассказала про меня ментам?!»

- Нахрен вообще было про меня говорить? – Я сам не заметил, как эта фраза эхом разнеслась по пустому классу.

- Что ты сказал, Смирнов? – Дмитрий Васильевич, который уже довольно давно имел проблемы со слухом повернулся ко мне, внимательно смиряя взглядом. – Тебе что-то непонятно в задании, Филипп?

Меня выдернуло из размышлений, я вздрогнул, резко очнувшись.

- Ничего, все в порядке. – Отрезал я и спрятал взгляд за волосами, внутри всё сжималось и пульсировало, на голову давило, от чего она начинала болеть. Мне хотелось забить на происходящее, хотелось просто выбросить мысли о ней из головы, но ничего не выходило. Хотя тогда я и был уверен, что она просто сбегала, свалила куда-нибудь к незнакомым мне друзьям, чтобы сменить обстановку. Она и правда была таким человеком: резким, нетерпеливым, гиперактивным. Мне никогда не нравились такие люди, стоило им только зайти в комнату, так та сразу становилась такой, будто в неё вошло человек 50, и все эти вошедшие без перерыва говорили и спорили о чем-то.

У Сони были непослушные ломкие волосы, крашенные в белый цвет, они напоминали вату, скомканную и приклеенную к её небольшой голове. Лицо её было с резкими чертами, словно её рисовали по линейке. Прямой нос, настолько острый, что им казалось, можно было бы проткнуть кого-то, острые скулы, глаза необычной формы, очень большие, тонкие губы, крася которые, она всегда выходила за контур, стараясь скрыть, как ей казалось, «изъян». Даже уши у нее были необычные – заостренные к кончикам, словно у эльфа, острые и прямые.

От нее всегда пахло вишней, приторной и сладкой, иногда от этого запаха меня даже тошнило, слишком он уж был слащавый. Когда от нее не пахло вишней, то пахло сигаретным дымом. Она была слишком маленькой, чтобы курить, но это никогда её не останавливало. Я не понимал, почему она делает это. Мне казалось, что она проживала довольно счастливую жизнь.

Соню можно описывать долго, делая акценты на разных необычных деталях её внешности и личности, но если собрать всю её в одну картинку, наполненную запахом, ощущениями и прикосновениями.

То Соня была пыльным, грязным подъездом. Со стен стекала засохшими каплями краска, а на полу лежали рыженькие фильтры от скуренных сигарет, с потолка кое-где капало и лишь одна маленькая лампочка грушевидной формы, висевшая на почти оголенных, уже не пригодных к использованию, проводах, освещала всю лестничную площадку. Лампочка мигала, то загоралась, то гасла, потом вновь загоралась, это выглядело так, словно эта маленький источник света посылал какие-то сигналы, говорил что-то на азбуке Морзе, которую я не знаю, а может, она говорит на своём собственном языке, подавая нам – людям, немые знаки. Старое, прогнившее дерево, с облезшей краской и хлипкие металлические перегородки – перилла, на которых сидела Соня. Сидела Неясыть.

Если повернуться спиной к этому всему, то можно увидеть открытое нараспашку окно, из которого дует прохладный, порывистый ветерок. На улице идет дождь. Летний дождь. И можно услышать, как капли настойчиво и в такт барабанят по сухому асфальту, поднимая с дороги пыль. Этот стук дождя, он успокаивает любого и внушает какое-то призрачное чувство доверия. Пахнет летом. Свежей листвой и духотой, спрятавшейся от настырного дождя в подъезде.

Соня сидит на перилах, в своей нелепой черной джинсовке с не менее нелепым сфинксом на ней. На её ногах черные кеды, грязные и уже потрепанные, они давно относили своё, но она не выкидывает их. Еще одно её странное высказывание: «Обувь хранит память». Я никогда не понимал, как именно связана обувь и память и потому это казалось мне совершенным бредом. В её руках, конечно, сигарета, она курит, медленно выпуская в потолок струю беспокойного дыма, хищной змеей поднимающегося к потолку, где он окутает в свои туманные объятия одинокую лампочку. А потом эту кобру развеет порыв летнего ветра, скользнувшего из открытого окна, и она поежится, потому что этот же самый ветер небрежно скользнет по коже её тонкой шеи. У нее черные ногти. Глянцевые, если близко подойти всмотреться в них при хорошем освещении, то можно увидеть своё отражение, свою темную сторону, блестящую и при этом мутную.

Она медленно качнет головой, в такт одной ей слышной музыке и повернет голову по кругу.

В ней была своя нелепость, и своё изящество. Если бы она была материалом, то однозначно мехом, если цветком – то розой, если временем года – то летом.

У неё были горящие глаза, в них пылал огонь, из них летели искорки и потому этот взгляд, пылкий и душевный, мог ненароком обжечь. Она посмотрела бы в глаза, в самую их глубину, стараясь своим искренним и ярким взглядом карих глаз, как удочкой, найти душу человека, стоящего перед ней, достать и хорошенько изучить. Она взяла бы за руку и своими холодными, как у мертвеца, руками начала бы медленно растирать твои костяшки, пристально глядя в глаза. Она бы предложила поговорить о чем-то философском, о каких-то тайных знаниях и пониманиях и стала бы говорить совершенную околесицу, уверенная в том, что ей внимательно внимают и каждое её слово остается на подкорке сознания впитываясь глубоко в самый мозг. Она могла предложить обнять. Просто так, ей так захотелось. И если ты откажешься, то она определенно обидится. По-детски надует губу и сложит руки на груди, отвернет голову, а может даже топнет ногой, показывая, насколько недовольна. Я не обнимался с ней, мне неприятны лишние касания. За это Соня называла меня букой, чем даже умиляла меня, потому что никто не мог придумать более нелепого, детского прозвища и ситуации.

Ещё она звала меня Филей. Она не спрашивала, комфортно ли мне эта форма имени, не интересовалась, зовет ли меня так кто-то еще. Просто начала называть так, сначала мне не нравилось это, я даже хотел высказать ей это, но не решился. А потом мне стало всё равно.

Для меня Соня была не такой, как все, пусть вы можете и не согласиться.

Задумавшись о Соне, я совсем потерял нить урока и слова учителя стали для меня бессмысленным бубнежом на фоне. Я словно впал в какой-то транс. Из него меня вывел стук в дверь и последовавший затем вопрос:

- Здравствуйте, Филипп Смирнов здесь?

Услышав своё имя, я поднял глаза на дверь. Там стоял мент.

Робко подняв руку, я сказал, стараясь подавить нарастающий внутри страх:

— Это я.

Мне было слышно, как за моей спиной зашушукались и где-то даже послышался смешок. Мне было всё равно.

- Филипп Смирнов? - полицейский оглядел меня, - Пройдёмте со мной, пожалуйста.

Всё еще не до конца осознавая происходящее я пошёл за ментом, у него была грузная твёрдая походка, казалось, ещё чуть-чуть пол под ним прогнется, останутся следы, подобные тем, что остаются, когда идешь по глубокому снегу.

Полицейский привел меня в пустой класс, там он переставил стул и сел за первую парту, затем развернулся и постучал по второй парте, приглашая меня сесть за нее.

Стоило только мне подойти, отодвинуть стул и начать садиться, как он сразу же спросил:

- Так-с, Филипп Смирнов, такого-то года рождения, ученик 11 класса такой-то школы. —

Он протянул мне бумажку с напечатанным текстом. — Проверь, всё верно?

Я пробежался глазами по документу, который мне протянул полицейский:

- Да, всё верно. — Робко заключил я и положил бумагу на край стола.

- Так, Филипп, я думаю, что следует начать с того, что ты здесь не на допросе. Ты можешь отказаться от этого разговора и потом это никак не повернется против тебя. — Я не совсем верил в эти слова, продолжал настороженно слушать мента. — Я здесь просто чтобы поговорить, а также я хочу, чтобы ты понимал, что мы не считаем, что ты можешь как-то быть причастен к произошедшему. Просто, возможно, ты сможешь помочь нам, ответив на пару вопросов и уточнив некоторое количество деталей. Ты согласен, Филипп?

- Согласен. — Чётко, но напряженно ответил я, мне казалось, что выбора у меня особо нет.

Сглотнув, я стал медленно следить за поведением полицейского, тот кашлянул и с очень ленивым видом взял серую папку, мирно лежащую возле него, а затем достал оттуда лист А4, на котором громоздким и корявым подчерком было написано что-то. Я опустил глаза на документ, на котором только что расписался, там подпись стояла совсем другая, каллиграфическая, округлая, симпатичная. Вопросы, накарябанные на том листе из загадочной папки, явно писал не этот пухлый, лысоватый мужчина с приличным пузиком. Это было сразу видно. Почерк, которым были написаны вопросы, их мне вскоре зададут, принадлежал человеку приткому, молодому, но опытному, с четкими мыслями и ясным определением действительности. Я обрадовался тому, что ко мне пришел этот добродушный на вид пухлячок, а не вымеренный и заносчивый испытатель. И я был зол, зол на Сову, зол, в конце концов, на Соню.

Мент ещё раз кашлянул и уже приготовился читать вопросы с листка, как я резко спросил, почти перебив его:

- А вы уже знаете, что с ней произошло? — Я внимательно следил за реакцией полицейского, мужчина немного смутился моего вопроса.

Однако почти сразу же, поправивши значок на форме, ответил:

- Ты сам прекрасно знаешь, что та девчонка была просто дрянной. — От этих слов во мне за секунду успело всё закипеть и потом вновь стихнуть. Всего две мысли: «Как он её посмел назвать?» и «А какая мне разница? Он, в общем-то, и прав». — Мы не думаем, что произошло вообще хоть что-то, но бездействовать мы не в праве, её мать подала заявление и мы просто обязаны теперь шататься тут и искать какую-то буйную девочку-подростка, которая явно просто решила припугнуть всех и сбежать из дома на недельку. — Полицейский усмехнулся. — Ох, уж эти подростки. Это не мое желание расспрашивать тебя сейчас об какой-то там прогулке,

но если я не сделаю этого, то получу. – Он поставил интонацией смачную точку, показывая, что на этом мои вопросы должны быть закончены, ведь теперь его слово.

- Вы думаете, что она сбежала? - Не выдержал я и задал еще один вопрос.

- Да, - холодно и ясно ответил мне мент. – А теперь... - он снова кашлянул и расправил листок с корявыми надписями. Прищурившись, он читал, - Когда ты в последний раз видел Софию Камышову и где?

- Пять дней назад, на детской площадке в парке возле дома

Мужчина поднял глаза в потолок, считая что-то в уме:

- То есть в последний раз ты видел её 2 апреля?

- Наверное.

- Хорошо. О чём вы говорили? Не рассказывала ли она тебе о... - пухляш замялся и наклонился поближе к тексту, так как не мог разобрать безобразный почерк. – О желании сбежать из дома или чем-то тому подобном.

Я смутился такого вопроса, что сказать сейчас? О чём мы говорили в ту злополучную ночь?..

В голове снова всплыл её образ. Все слова, сказанные тогда.

- Нет, ни о чём подобном она мне не рассказывала. – Попытался я увернуться от вопроса о том разговоре. Полицейский сильно нахмурился, и я уже думал, что сейчас он разозлится на то, что я не ответил на первый вопрос. На деле же он только сказал:

- Так, хорошо, очень даже хорошо. – Он вновь кашлянул и застегнул пуговицу, открывшуюся из-за напряжения груди во время кашля.

Затем он задал мне множество однотипных вопросов их разряда: «Как у неё были дела в семье?», «Как отношения с одноклассниками?» и тому подобное. На это всё я отвечал коротко – не знаю, и это было чистой правдой, я знал о Соне многое, но не то, что лежит на поверхности, а то, что скрыто глубже, то, до чего эти полицейские бы никогда в жизни не стали бы копать.

Резко в глазах потемнело, сердце начало биться в сотни, тысячи раз быстрее, я вспомнил её ломкие растрепанные волосы, тонкие губы, с помадой, размазавшейся по щеке, они кричали мне в след: «Филя, не уходи! Филя! Филя, не оставляй меня.». В голове эхом послышался тонкий и писклявый голосок: «Я ненавижу эту гребанную жизнь!» - на последнем слове жалкое всхлипывание, за которым следует еще и еще одно.

От воспоминаний у меня начинает крутить в животе, и голова кружится так, словно я сейчас упаду в обморок.

- Филя! – слышу я грубый мужской голос, - Филя, ты как?

Я отряхиваю голову, пытаюсь прийти в себя: «Филя, Филя, Филя!» - повторяет голос в моих мыслях, я еще раз отряхиваю голову и начинаю с силой тереть глаза руками.

- Филипп, всё в порядке? – повторяет тот же голос и я, очнувшись, вижу перед собой всё тот же класс, и всё того же полицейского. – Пацан, ты как? - спрашивает мент.

Я еще раз трясу головой и смотрю на него.

- Может окошко открыть? – Мужчина, не дожидаясь ответа, поднимается со стула и идёт к деревянному старому окну.

- Извините, - мямлю я, а язык предательски заплетается.

- Да ничего, ты только больше так не пугай. – Отрезал полицейский, снова сел за парту, он оперся подбородком на руки и лениво прочитал ещё один вопрос с листочка:

- опиши эту девочку.

Я рвано вздохнул, в голову опять нахлынули воспоминание, всё закипело, даже слезы будто подступили к глазам от переизбытка мыслей в голове. Молчал я долго, это мне стало понятно по тому, как недовольно и нетерпеливо мент поглаживал на наручные часы и даже дважды цокнул.

А что я мог ответить на этот вопрос? Только то, что полиции знать не нужно, да и неинтересно.

- Внешне? – прикинулся я дураком, попытавшись изобразить максимально искренний и непонимающий взгляд.

- Не притворяйся дураком. – Отчеканил человек в форме, он снова кашлянул и поправил значок. – Ну давай же, опиши свою подружку. – Я немного опешил от такой формулировки и уже хотел было уточнить, что мы вовсе не были с Соней «друзьями», в том смысле, в котором это говорил он, я знаю, в каком смысле взрослые обычно говорят это слово, нас и обычными-то друзьями нельзя было назвать не то, что тем, о чем говорил этот пухлячок. Однако от следующий слов я просто потерял дар речи. – Вообще не понимаю, что за моду взяли уже взрослые парни обращать внимание на всяких малолеток.

Я вскипел и резко, возможно даже слегка грубо ответил:

- Никакая она мне не подружка.

- Ну да, знаю я ваше, «не подружка», а потом такие «не подружки» пишут на вас заявления о домогательствах.

- Что?! – Взорвался я, мне было всё равно, что там он мог мне за это сделать, я почти что взлетел со стула и с разъяренным взглядом, направленным прямо на удивившегося такому моему поведению полицейского, отрезал. – Вы несете какой-то бред!

Он резко нахмурился и даже привстал на руки, чтобы выглядеть более внушительно и грозно, правда получалось плохо, даже худощавый я, просто привставший со стула выглядел более грозно, чем мент, который был ниже меня на пол головы.

- Как ты смеешь так со мной говорить?! – Взвыл он. – Совсем страх потерял?! – В его глазах зияла ярость и казалось, что вот-вот и от злости с его толстых губ потечет слюна, как у бешеной собаки. В общем-то, как быстро он завелся, так быстро и сдулся, вскоре плечи его опустились, а затем он сел обратно на стул, лицо его приняло обыкновенное добродушно-спокойное выражение и он в который раз поправил значок. – Хорошо, - переводя дыхание заключил он, - как скажешь. – Было видно, что каждое их этих слов давалось ему с огромным трудом. – Не подружка, так не подружка. Сейчас мне просто нужно, чтобы ты рассказал мне о ней что-то. Иначе в следующий раз за информацией приду уже не я. – Он посмотрел на наручные часы. – И, пожалуйста, не затягивай мое время, я ещё хочу успеть на обед в столовую.

- Я мало что о ней знаю. – Отрезал я, в голове до сих пор крутились неприятные слова мента.

- Мало, но знаешь. – Настаивал на своем полицейский и я стал понимать, что из сложившейся ситуации мне не удастся так просто выпутаться.

- Ну она... - Я задумался, а что мне сказать, какая она? – Очень активная. – Промямлил я, растягивая слова так, чтобы максимально тянуть время. – Постоянно трещала без умолку, что казалось, будто в комнате вас не двое, а ты и ещё пятьдесят человек. – Невнятно прощелбетал я, потупивши взгляд в парту и почесав затылок.

- Ха, у меня жена такая – ухмыльнулся полицейский. – Тоже та ещё тринделка.

Грузно вздохнув, я продолжил:

- Да, но её при этом хочется слушать, она, - долго молчание висело в душной пустоте класса, а потом я подвел итог, - интересная.

- И всё? – спросил мент, - слушай, не дури меня, я знаю вас – подростков. Явно ты о ней можешь сказать намного больше, просто утаиваешь что-то.

На эти обвинения мне нечего было ответить и с непонимающим видом я смотрел на полицейского. Мужчина видимо ждал, что эти слова заставят меня выпотрошить ему всю правду, но вскоре понял, что приём получился бессмысленный. Брови его нахмурились, он начал что-то просчитывать в голове и оттого его глаза закатились, он постукивал пальцем о парту, а затем уставился на меня и разочарованно произнес:

- Что? Больше ничего не скажешь?

- Мне нечего говорить, - пожал я плечами и спрятал глаза, хотелось поскорее уйти из этого душного кабинета, в котором сейчас как никогда пахло старой бумагой и чернилами от ручек.

- Хорошо, - мент сложил бумажку с вопросами вчетверо и сунул в карман, - можешь идти.

Я встал из-за парты и быстро, не оглядываясь, вышел из кабинета. Затем посмотрел по телефону сколько ещё осталось до конца урока.

В голове снова и снова всплывал её образ. Навязчивая картинка. Её голос... Он как никогда сейчас раздражал меня, и он жужжал в ушах, эти тонкие нотки, как ножом полосовали мозг, и хотелось закричать, схватиться за голову и бежать, бежать так далеко, как только позволили бы это ноги. Но я не мог убежать. Бежать было бессмысленно. Глупый, ГЛУПЫЙ ГОЛОС. Её руки: плечи, локти, запястья. Такие тонкие, такие беспокойные. Карие глаза, жгучие. Это не просто глаза, это огоньки, огоньки, которые сжигали меня до тла, оставляя от меня лишь жалкую кучку пепла. Мне было непонятно, почему эти мысли о ней так сильно врезаются в мою голову? Я был уверен, она обязательно вернется, она просто сбежала из дома, это одна из её нелепых выходов. Но что-то в самой глубине моей души шептало мне об обратном. Я будто чувствовал, что что-то не так.

Весь остальной школьный день прошёл вполне спокойно, если считать за спокойствие сжирающие меня изнутри мысли, но внешне я ничего не подавал. Когда я спускался по лестнице в раздевалку, то в самом низу встретил Сову. Я сразу понял, что она поджидает именно меня.

Язык не поворачивался назвать её девушкой, поэтому, девочка. Сова – девочка по имени Валя. Сказать о ней можно немного. У Совы были большие карие глаза, нос картошкой и впалые щёки, выделявшие её острые скулы. Она была тощей: с узкими плечами и плоской грудью, колени у нее были странной формы, а ноги коротковаты, относительно остального тела. Из хорошего в ней были только веснушки и симпатичные ключицы, которые она часто оголяла, надевая вещи с открытыми плечами. Валя всегда заделывала волосы в две косички с глупыми бантиками на резинках, одевала узкие джинсы или юбки по колено. Главное и единственное, что я замечал в её характере, так это только то, что она была полной противоположностью Соне и, если бы не знал, что они дружат ещё с рождения, то никогда бы не догадался, как их пути могли переплестись. Валя была размазней, тяжелой на подъём, а Соня бежала вперед, не имея ни плана, ни цели. Валя всегда стеснялась всех, даже самых близких, а Соня, пусть и была недоверчива к малознакомым людям, никогда бы не стала стесняться близких ей людей. Неясыть была искрой, резким скачком, импульсом, катализатором. Сова была струей воды, вжатием в стенку, силой трения, отстранением.

- Что он рассказал тебе? – резко подступила ко мне Валя, крепко держа одной рукой ляжку рюкзака. – Ты узнал что-то?

- Зачем ты вообще им сказала про меня? – Рванул я к ней, наверное, слишком резко и ткнул пальцем девочке в грудь.

- Эм... - Она замялась и я увидел в её больших мутных глазах странный страх.

Я смутился. И в правду, наверное, для неё это выглядит угрожающе, всё-таки я старше и выше, нависаю над ней, почти сгорбившись. Выпрямившись, я поморщился и, стараясь уgomонить свою злость, сказал, сквозь сжатые зубы:

- Они думают, что она сбежала. – Мои слова с расстановкой и твёрдой точкой в конце.

- Так и знала, - процедила Сова и повисло такое неловкое молчание, что я уже готов был развернуться и уйти, когда тихо, странно доверительным голосом она спросила, тербя свободной рукой бантик на косичке. – ты веришь им?

Мои глаза захлопали, как крылья бабочки в солнечный день.

- Нет. – Серьёзно ответил я, нахмутив брови. – Ты права, наверное, она не такая.

- Как думаешь, у неё всё хорошо?

Внутри что-то ёкнуло, как тень малейшего беспокойства.

- Откуда мне знать, - пожал я плечами, поджав губы и изобразив полное безразличие, - мне всё равно.

Этой ночью я почти не спал. Я слышал каждый звук, издаваемый на улице: машины, птиц, странный лепет нетрезвых людей. Глаза слипались сами, стоило лишь на секунду коснуться тяжелой головой мягкой бархатной подушки, пахнувшей мятой. Казалось, на секунду я проваливался в сон, как опять и опять повторялась безумная, страшная, правдивая картинка.

Она вся такая нелепая, крошечная в своём детском образе, с уродливой размазавшейся по лицу тушью. Пьяная, с полупустой бутылкой водки у ноги, свисающей с крыши детского домика, на котором она сидела. Вся такая несущая всю ночь бред, со слипающимися глазами. Чёрт, уже тогда я пожалел, что повёлся на её уговоры и купил это жалкое пойло. Сам я тоже, конечно, не был трезвым, но явно не был пьянее, чем она. Такая беспомощная в своём полуподавленном полувеселом состоянии. Может быть, мне не стоило оставлять её тогда, может, стоило взять её подмышки, как провинившегося котёнка, и отнести под подъездную дверь, помочь достать ключи и насильно запихать внутрь дома, параллельно уговаривая наконец заткнуться.

Быть может, сделай я это, сейчас всё было бы по-другому?

И каждый раз я вскакивал, как ошпаренный, начинал трогать своё резко погорячевшее лицо, судорожно переводя дыхание, как будто после километрового забега. Старая серая кошка Лана суетливо мялась у моих ног, чувствуя что-то неладное. От этого мне становилось ещё тревожнее. Чёртова Соня. Ведь и вправду, скорее всего она шатается сейчас где-то с отключенным телефоном. Считает звёзды на небе, в одиночестве сидя на пустынной набережной, и хихикает, когда утренний дождь мочит её непослушные волосы.

Чёртова Неясыть. Знает ли она, что сейчас переживаю я? Чувствует ли это?

А знает ли, как плохо её лучшей подруге?

Чёртова, чёртова эгоистка!

Голову снова начинало туманить, в горле першило, глаза сонно слипались и я поддавался. Вновь ложился на подушку. И всё повторялось, как временная петля.

Она вся такая нелепая, крошечная в своём детском образе, с уродливой размазавшейся по лицу тушью. Пьяная, с полупустой бутылкой водки у ноги, свисающей с крыши детского домика, на котором она сидела. Вся такая несущая всю ночь бред, со слипающимися глазами. Чёрт, уже тогда я пожалел, что повёлся на её уговоры и купил это жалкое пойло. Сам я тоже, конечно, не был трезвым, но явно не был пьянее, чем она. Такая беспомощная в своём полуподавленном полувеселом состоянии. Может быть, мне не стоило оставлять её тогда, может, стоило взять её подмышки, как провинившегося котёнка, и отнести под подъездную дверь, помочь достать ключи и насильно запихать внутрь дома, параллельно уговаривая наконец заткнуться.

Быть может, сделай я это, сейчас всё было бы по-другому?

В школе утром я был похож на зомби. Страшное странное зомби. Все мысли в голове путались, будто давно нечесанные волосы в колтунах. Что бы мне не говорили, что бы не спрашивали, в голове был лишь тот ужасный сон, детально впечатавшийся в моё сознание. Пару человек поинтересовались, что со мной стряслось, но я безразлично пробормотал что-то про бессонницу.

После уроков около лестницы я снова встретил Сову, она была привычно бледной и блёклой.

- Филя! – Я бросил на неё презрительный взгляд, она тут же оробела, сглотнув. – Вчера вечером к родителям приходили полицейские. – Валя дёрнула меня за руку, слишком дерзко для неё притянув меня к себе в тихое место.

Я не смог скрыть беспокойства, оставившего тень на моём лице.

- Что они спрашивали? – Сбивчиво прошептал я, казалось, только в эту минуту я очнулся ото сна, преследовавшего меня с самой ночи.

- То же, что и у тебя, наверняка. Просили описать поведение, характер. А потом прямо так и сказали моим родителям: «Такая дрянная девчонка, неудивительно, что она удрала.» Они явно собираются выставить всё, как побег из дома. Спрашивали про её семью, про отношения там, всё такое. И... они спросили у моих родителей разрешение поговорить со мной сегодня после школы.

- С тобой? – удивленно выпалил я, поперхнувшись.

- Да. И... я хотела сказать... - Сова сглотнула, смущенно отвернулась, а затем, будто собрав все силы в кулак, готовясь давать отпор, вытянулась, как струна. – Я не хочу сделать никому хуже, - она пожала плечами, - тем более тебе...

- Это угроза? – перебил её я, поморщившись и выгнув бровь.

- Что? – Валя опешила, словно обмякнув в своих намерениях. – Нет, нет, что за бред? – Осмелилась даже возмутиться она. – Я лишь не хочу навредить вам обоим, сказав лишнего. – «Вам обоим» - сердце ёкнуло, глаза снова начали темнеть, будто возвращаясь к сегодняшней ночи. Обязательно объединять нас в одно целое? – В общем, -она стушевалась, - Филипп, ты должен рассказать, что произошло в ту ночь, когда ты ушёл.

Я опешил. Что, что я должен?! Нет, нет, нет. Пусть даже и не думает об этом.

- А что ты сама знаешь?

- Ничего не поняла, если честно, из того дрянного лепета, что она мне отправила в голо-совом сообщении, но, знаешь, я помню кое-что. Там было: «Филя ушёл. Прикинь. Этот мудака меня оставил. Козёл! Плевать, дальше без него. Подумаешь, очередной придурок. А что я-то такого сделала? Да ничего толком. Идиот, он вообще ничего не понимает, Валь, ничего. Ему всё только словами, а как сделаешь что-то, так ничего, сразу сваливает.»

- Очень в её стиле, - удивив самого себя, усмехнулся я, когда резко в голову ударил неизвестно откуда появившийся запах вишни.

Я пошатнулся, голова закружилась, ноги сами по себе попятились назад, словно у меня была дикая аллергия на вишню и начался оттек.

Воспоминания о той влажной дождливой ночи нахлынули, как безудержный водопад, прорвавший платину.

От неё так сильно пахло дешёвой вишней. Приторной, сладкой, немного противной. Даже её губы были вкуса вишни, только немного терпкие, пьяные сухие, пластилиновые, со вкусом смазанной помады. Она нагрубила мне, специально, хищно, выводя на эмоции. Ждала, когда я разбешенный подлечу к ней стрелой, когда нависну над её хрупкой стойкой фигурой не в силах больше сдерживать свой гнев от очередного колкого слова. А затем...

Схватила меня обеими руками за ворот толстовки и прижала к себе так резко, что я не успел даже оттолкнуть. Впилась, как человек из пустыни в водопад на оазисе, как львица в шею слабой антилопе. На языке я почувствовал вкус табака и сладкой жвачки, смешанной с горечью алкоголя, она сжимала горлышко толстовки так сильно, что не давала мне даже права отодвинуться. Казалось, стоит мне хоть немного дёрнуться, то я сразу задохнусь, в голове не укладывается даже, как она так крепко держит. Она давила сильнее, прогибая меня к себе, так, что мне пришлось руками облакаться на крышу детского домика, на котором она сидела. Тот жалостливо заскрипел под надавившим весом, но она не слышала этого. Такая смелая в своём поступке, безрассудная, словно в этот момент в её голове не было мыслей совсем, она целовала меня так жадно, будто это было последнее, что она могла сделать в этой жизни и я

поддался, прогнулся под её странный напор, взял её за затылок, наверное, больно сжав волосы и прижал ещё сильнее, хотя казалось, что ближе уже быть невозможно. Я почувствовал торсом, как её грудь, спрятанная под тёмным широким свитером, прижалась ко мне нечаянно, как её хватка стала ослабевать, пугаясь. Не отпуская её затылок, я не позволил ей отодвинуться, будто в отместку за её поступок. Обхватив второй рукой её талию, не дав выбраться из хватки, я надавил в последний раз и отстранился. Мне тут же показалось, что я опьянел раза в два сильнее. На губах ещё оставался вкус сладкой жвачки, табака и алкоголя, а запах вишни, так въелся в нос, что казалось, будто я пропах им весь.

Очнулся я, прижатый к стене коридора у каморки уборщицы, мои ноги медленно становились мягче, опуская меня на пол. Я сел. Рядом кружилась Сова, не зная, что делать в такой ситуации.

Филя, - игнорируя все мои просьбы не называть меня так, она села на колени, испуганно взяв моё лицо в обе руки, - что произошло? Мы идём в медпункт?

- Чё? Какой нахрен медпункт? Ты сдурела? – грубо убираю я руки Вали со своих щёк. – Чтобы потом ещё эти менты спрашивали, какого хрена я падаю в обмороки в школе?

Сова неловко смутилась, поднявшись и отойдя на шаг.

- Сильно плохо сейчас? – не оставляла она попыток проявить заботу.

- Норм сейчас. – Отмахнулся я и попытался встать. С трудом, но мне это далось, правда, идти, не держась за стенку, я ещё не мог, голова сильно кружилась.

- Что это?

- Я чё знаю, - воспоминания накрыли меня волной злости. – Но это было уже, - вдруг замялся я.

- Было уже? – Заморгала она глазами ошарашенно, как фарфоровая кукла.

- Пару раз, - отмахнулся я снова. – Неважно.

- Точно не надо ко врачу? – повторила девочка.

- Точно. - Отрезал я.

Мне понадобилась минута, чтобы оклиматься, затем я встал и пошёл, надеясь, что от шока Сова и забудет, что хотела, но мне не повезло. Я услышал, как за спиной по полу раздаётся стук балеток.

- Ты не сказал, - резко дёрнула меня за руку Валя. – Это странно. Что мне сказать полицейским?

- Боже, - взорвался я, голова ещё немного побаливала. – Скажи, что твоя подруга грёбанная сумасшедшая, не думающая о своих пьяных действиях. По крайней мере о том, что эти действия могут значить для других. – Последняя строчка зацепилась за разум, как иглолка, скребя по мозгу, как тёрка, в голове всё забурлило, по рукам прошли мурашки. Что значили эти сказанные на эмоциях слова? А что значили те 20 секунд, что я держал её, не позволяя выбраться?

Я отмахнул эти мысли, ведь сзади слышался недовольный стон, плетущейся за мной девочки:

- Что же, блин, у вас произошло той чёртовой ночью?

Постаравшись не слушать её, я ускорил шаг. Мне было страшно отвечать на этот вопрос. Ответить – значит вспомнить. Мне было страшно вспоминать. Вспомнить – это случится вновь, всё потемнеет и ноги обмякнут.

Весь остальной день казался мне сном или галлюцинацией, периодически что-то переключало в голове и я словно снова оказывался там: чувствовал горечь и сладость её поцелуя, как странной структуры какие-то шершавые её волосы небрежно прилипли с моим разгоряченным алкоголем и не только щекам. Я пытался отогнать от себя эти мысли, злясь на самого себя, хватаясь за голову, будто психически нездоровый.

Что-то глубоко внутри меня тревожилось насчёт всей этой ситуации. Я чувствовал, что переживаю не просто так.

Поздно вечером мне пришло сообщение от Совы:

- Сегодня никто не пришёл. Я подумала... Ты действительно думаешь, что это разумно не рассказывать мне ничего? Скажи, о чём мне врать.

- Скажи, что ничего не знаешь, - безэмоционально напечатал я.

- Они не поверят. Уже говорила, когда они приходили к родителям. Им нужно что-то. Они не верят. Думают, что я могу знать что-то насчёт побега.

- А ты знаешь что-то насчёт него?

- Сам знаешь, как и ты, я не верю в это.

- Может я уже и верю. Она точно вела себя странно в последнее время.

- По тебе не скажешь. Я не замечала ничего странного, можешь поделишься странными, которые заметил, а?

- С чего вдруг?

- Они не верят не только мне, но и тебе. Ты можешь просто стать проблемой для нас обоих. У тебя есть время для каждодневных разборок с полицией?

- Ты что смеешься, чем я помогу тебе? Что ты от меня хочешь?

- Скажи, что было той ночью, мы изменим это. Придуманная мной из ниоткуда ложь будет звучать нелепо. А если мы просто разбавим правду ложью, то это будет звучать куда убедительней.

Я уж явно не собирался ей рассказывать ничего. Разве это может хоть чуть-чуть помочь. Я лёг на спину, вдыхая свежесть белой простыни кровати. Глубоко вдохнул. В конце концов, я уже не маленький. Стоит понимать, что если полицейские так уверены в том, что она сбежала, то до конца станут продвигать именно эту версию. А может они правы?

Почему я так уверен, что Соня не сбежала? Неужели это просто мы с Совой не замечали ничего?

- А ты сама не замечала ничего странного? – Спросил я, совершенно сменив тон нашего разговора.

- Эм, ну... Особо ничего не менялось, вроде всё то же... Но, если только не считать эти вечные витания в облаках, но это всё и так понятно, кое-что действительно изменилось.

- Что понятно? Ты о чём?

- Это не так важно, знаешь, не думаю, что это могло как-то повлиять.

- И после этого я должен был рассказать тебе о той ночи? Когда ты сама что-то скрываешь?

- Есть личные темы. Когда Соня вернётся, разозлится, просто взорвётся от того, что я рассказала это тебе.

«Если вернётся» - пронесся какой-то удивительно беспокойный голос у меня в голове. Я почесал затылок.

- Я могу ответить тебе тоже самое.

- Но Соня не будет злиться на тебя, она сама хотела мне всё рассказать, только не смогла даже сформулировать толком.

- Какое мне дело, будет ли злиться Соня? – написал, я фыркнув. – Это не хочу, может, рассказывать я.

- Боже, ты невыносимый. Понятно, почему вы вечно ссорились.

- Невыносима твоя подруга. Она саму-то себя не очень выносит, судя по поступкам.

- Хорошо, я правильно понимаю, что мы можем договориться?

- Что?

Мне совсем ничего не было ясно, наш с Валею диалог казался больше записками двух сумасшедших, чем осознанным разговором. А может мне так казалось, потому что я уже начал хотеть спать.

- Ну, если ты расскажешь мне правду о том, что случилось, то, может, лишь может, расскажу тебе, что имела в виду.

- Это не очень-то равноценно. – С недовольством заметил я.

Я точно не расскажу ей про произошедшее. Что она скажет, узнав, что я позволил Соне вот так сделать меня перед собой слабым и растерянным? Разве из нас всех не я самый старший и осознанный, тот, кто должен всё держать под контролем? Чёрт. Я не хочу рассказывать об этом.

Но почему-то предложение Сова манило меня, как осу летний розоватый арбуз с блестящими на солнце косточками. Я сомневаюсь, что мне всё-таки стоит рассказывать о той ночи. Но Валя говорит так загадочно, будто с каким-то намёком. А что, если это не просто так? Не стала бы она из ниоткуда брать такие намёки. Быть может... Нет, это бред.

- Когда и что конкретно тебе рассказать?

На следующий день мы встретились у ворот школы, Сова выглядела как всегда странно в своём длинном чёрном пальто и высоких сапогах, шея её была укутана серым шарфом в клетку. Уроки только кончились и она всё ещё выглядела измотанной, будто в голове продолжали крутиться шестеренки, шёл ярый мыслительный процесс. Но быть может, ей было вовсе не до школьных уроков? Как и мне. Может она выглядела такой загадочной и опешившей от того, что в голове её крутились, не переставая, те же мысли, что и у меня? Может тоже она перекручивала всё, что знала о Неясыте. Каждое малейшее воспоминание, пытаюсь проследить связь, предугадать, что случилось с подругой.

- Ну что же ты так долго? – Спросила Валя недовольно, стоило мне только оказаться достаточно близко, чтобы услышать её тонкий, немного раздражающий голос.

Молча я пожал плечами, глядя на неё сверху вниз.

- А к тебе приходили полицейские, ну, домой? – Заискивающе она потянулась ко мне, стараясь заглянуть в глаза.

Я безразлично отвернулся и уставился вдаль:

- Не.

- Странно, - Сова подняла свои большие глаза вверх, о чём-то накрепко задумавшись, - впрочем, неважно. – Пробубнила она и помахала мне рукой, намекая следовать за её небольшой тощей фигуркой.

Мы недалеко отошли от школы. Только скрылся её витиеватый забор, как девочка с серьёзным лицом, стараясь сделать как можно более спокойную гримасу, остановилась, повернувшись ко мне:

- Рассказывай.

- А почему это я первый? - Пожал я плечами, закатив глаза.

- Твоя информация в ответ на мою. – Она покашляла. – Твоя, если что, поможет не только мне, и нужна не лишь ради интереса. Боже, я просто хреновая подруга, - вдруг Валя усмехнулась, - Соня свернёт мне шею, когда узнает, что я вот так всё вывалила.

Я снова закатил глаза:

- Допустим, уговорила. – Я помолчал пару секунд, вдохнул побольше воздуха. – Тебе с самого начала?

- Ну, я знаю лишь то, что ты купил ей выпить и вы пошли гулять, хотя сначала ты вообще никуда не хотел идти. – Она сложила руки на груди и хихикнула. – Боже, как она на тебя злилась, - развела руками девочка.

Я попытался хихикнуть тоже, но уже чувствовал, как с недавнего времени знакомое необычное чувство начинает щекотать закрама сознания, как выползают воспоминания, отго-

няемые мной уже несколько дней. Они вылезали, подобно тому, как кракен топит корабли, обхватывая их по бортам своими мощными щупальцами.

Голова закружилась, я старался не придавать этому значения, отгоняя странное чувство, скребущее внутри.

- М... да. – Было как-то неловко, вот так идти и обсуждать это. Интересно, как мы выглядели со стороны? Такой взрослый и большой я и маленькая и несуразная Сова, просто нелепо, наверное. – Её так быстро разнесло, хах, она просто как сумасшедшая начала мне рассказывать какой-то бред, я вообще ничего не понимал. Постарался затащить эту... - У меня слегка покраснели щёки, стоило только вспомнить о Неясыте. – непутёвую... домой, но она всё сопротивлялась, говорила, что это скукотища и что, мол, я обещал с ней погулять. Тогда я отвёл её на детскую площадку в парке. Надеялся, что если просидится, то успокоится и я сумею отправить её восвояси. Не спрашивай, о чём мы говорили всё это время, не то, чтобы я сам был трезвым.

- Какой ужас. – С нескрываемым презрением посмотрела на меня Сова.

Ужас – это тот факт, что они как-то умудрялись дружить, несмотря на разные взгляды абсолютно на всё.

- Она говорила что-то, что могло быть связано с побегом? – Спросила Валя. – Всё-таки, надо рассмотреть все варианты.

- Эм, нет, я не помню, о чём мы говорили, но явно о чём-то другом. Может, о детстве или что-то вроде. Эм, ну, и потом, в общем, она залезла на домик детский низкий этот и села на него. – Я чувствовал, как мои щёки начинают всё сильнее краснеть, а разум всё больше туманиться. – А потом, о боже, она начала нести такой бред. Она так выбесила меня, просто невероятно, я сильно разозлился и подошёл к ней. А потом...

БУМ. Ноги стали ватные и я больше не мог контролировать чёрный туман в голове. Он стал расплзаться по моему разуму быстрее, чем когда-либо, и в голове снова всплыл этот образ.

Какие тёплые были её губы, этого непонятного странного вкуса, какая тёплая была аура вокруг её тела, будто я был обвит, как лозой, вязанным бабушкой шарфом.

Она смотрела на меня так пьяно, так дерзко и сумасшедше. Рукавом темно-синего свитера Соня вытерла губы, резко закашляв, девушка выразительно посмотрела на меня, будто я был каким-то ответом на очень интересующий её вопрос. Я видел, как её глаза заискивающе выглядывают каждую мелкую частичку, словно детектив через лупу.

Неясыть хихикнула, качая из стороны в сторону головой она уставилась на тёмное звездное небо, в котором мерцали яркие белые, как блеск в её игривых глазах, звёзды.

- Какой же бред. – Простонала она, оглянув меня снова и вернувшись к звёздам.

Вдруг на меня нахлынуло осознание произошедшего, словно окатило ледяной водой. Что только что произошло? Она меня поцеловала? Мы поцеловались? «Глупая, глупая Соня, с её идиотскими необдуманными действиями. Пьяными шутивными действиями.» - Была первая моя мысль, колющая под сердцем золотой иголкой.

В моменте я так разозлился, захотелось закричать, взорваться, взбунтоваться. Как опасность внутри бурлящей волны во мне зарождался гнев: неотступный и необдуманный.

- Да, действительно, бред. – Процедил я сквозь плотно сжатые зубы.

Я не услышал, только отдалённо почувствовал на огрубевшей коже рук, как капли дождя потихоньку начинали капать, освежая пыльный ночной воздух. Словно вдогонку накалённой атмосфере, вода начинала скромно тарабанить по асфальту, поднимая, как эмоции внутри меня, пыль, накопившуюся в течении дня. Я прерывисто вздохнул, не отводя ни на секунду глаз от Сони. Она всё и сидела также, разглядывая звёзды, словно дождь не капал ей на лицо, запеленав глаза, словно сейчас совсем ничего не произошло. Неясыть, такая нежная и колкая во всём своём облике, подобно маленькой розе с огромными острыми шипами.

Казалось, она была спокойна и размеренна, ей что настолько всё равно на произошедшее? Или она настолько пьяна, что не понимает ничего и уверена, что не вспомнит ничего из этого завтра? Неясно, ну скажи уже что-нибудь, что значат твои действия, насколько они важны? Я не понимал, почему мне так хотелось знать это: почему она так поступила?

Внутри всё вспыхнуло каким-то пожаром, лицо разгорячело, пальцы онемели и с щёк на асфальт начали стекать капли дождя, обжигая кожу словно кипяченая вода:

- Ты ничего не хочешь сказать? – выпалил я, сложив руки на груди.

Соня благословила опустить на меня взгляд:

- Эм...не, - она рассмеялась, пожав плечами.

Пожар внутри меня стал более ощутимым, я начал чувствовать, как он пытается опалить что-то, поджечь, разогреть, во мне потихоньку стала подниматься странная злость, перемешанная с непонятной и глубокой обидой.

Молча, словно стал немым, сделав максимально каменное безразличное лицо я развернулся и зашагал прочь, так казалось быстро, что вот-вот перейду на бег.

Я слышал, как бьют капли усилившегося дождя на асфальт, как соня резко попыталась рвануть за мной, прыгивая с крыши домика, но смягчавшие пьяные ноги не удержали её и она почти что мешком упала обратно, прижавший спиной к холодному дереву.

Обернувшись на секунду я увидел: её нелепый темно-синий свитер, опустившиеся руки, померкший взгляд. Фонари уже погасли, но рассвет не наступил.

Мой нос вдыхал, быстро, словно воздух вот-вот закончится, запах мокрого асфальта.

«Нет, Филя, не уходи! Филя, стой! Филя!» - крик немного срывающегося голоса.

И быть честным, мне хотелось развернуться, было жаль, было неприятно. Хотелось подбежать к ней, просто-напросто накричать за нелепый поступок, поднять и помочь дойти до дома, простить ей пьяную бессмысленную выходку, кольнувшую меня изнутри. Но гордость не позволила.

И я ушёл.

И я оставил её там, как тряпичную куклу, вымокшую и облакаченную на крышу яркого детского домика.

Когда я открыл глаза, то сразу почувствовал, что они были слегка мокрыми, башка кружилась, как какая-то вертушка с детского набора кукурузных палочек.

- Филя! – Почувствовал я, как кто-то с силой взял меня за подбородок и ощутил, что уже сижу, видимо, на лавочке, а рядом кто-то беспорядочно крутится, как юла.

Передо мной была Сова, с немного растрёпанными косичками и спадающим шарфом.

- Ну наконец, Фил... Филипп. Что, опять?

Стараясь не смотреть ей в глаза и стыдливо пряча свой взгляд, я кивнул.

- В прошлый раз такое было, когда ты говорил о Соне... В этот раз тоже... Это как-то связано? Скажи мне, честно.

Как котёнок, схваченный за шкуру, я снова кивнул, не поднимая головы.

- Ага... Я не понимаю, что это за хрень.

В мыслях появилась надежда: быть может, теперь Валя не станет спрашивать меня об этом, войдёт в положение или типо того, но...

- Тогда скажи быстро и чётко. В двух словах. – Безжалостно заключила она, снова взяв меня за подбородок, будто показывая, что бояться нечего.

Вздыхнув, скрипя сердцем и протестуя внутри от того, что меня выставляют беззащитным ребёнком, хотя из нас двоих таковым являлся явно не я, процедил, глядя исподлобья на девочку, склонившуюся ко мне:

- Что я там уже сказал?

- Ты разозлился, потому что повёлся на очередную её провокацию, и подошёл к ней. А потом?

Мои щёки запылали смущением. Я резко подумал о том: «А как мы вообще сейчас выглядим со стороны? Будто она младшая сестра, а я непутевый старший брат, или, не дай бог, как странная парочка».

Я зажмурился, стараясь не вдаваться в воспоминания, сами собой, не согласуясь с головой, мои губы вывели несколько слов:

- Она поцеловала и я ушёл.

- Она тебя поцеловала?! Ты ушёл?! – Глаза Совы округлились, и стали выглядеть как две монетки, - тогда ясно... - протянула она.

- Что ясно? – спросил я слегка онемевшими губами.

- Ну, о чём она говорила в том голосовом. – Валя потянулась руками к голове, но тут резко остановилась. – Стоп. А почему ты вообще ушёл? Какого блин? Что? – Она выглядела искренне недоуменной.

- А что? Я должен был закрыть глаза на её пьяные выходки и шутки? – Обида вновь закипела во мне, я чувствовал, как ноги становились ватными и разум туманился, но старался контролировать это. Рука, держащая мой подбородок, по правде, помогала в этом.

- Чего? Какие выходки и шутки? – Валя сглотнула.

- А что ещё значил этот поцелуй? Она ничего не сказала больше. – Нахмурился я.

- Ты серьёзно? Фили... Фили, ты просто нереально тупой.

- Че...

- Знаешь, всё сходится и теперь даже голосовое с непонятным пьяным бубнежом заиграло для меня новыми красками. – Она подняла палец свободной руки вверх. – Пришло время сказать то, что я обещала, - Сова замялась, переминаясь с ноги на ногу и прикусывая губу. – Хах, Соня, ну ты и дурака выбрала! – она хихикнула, будто пытаясь разрядить обстановку. – Она же мне все уши про тебя прожужжала, какой ты весь из себя, какой классный и необычный... -Валя потупила взгляд куда-то в сторону и ухмыльнулась, - как нравишься, как с тобой интересно, какая ты её... - она тяжело вздохнула, - первая и последняя любовь, как боится тебе признаться, ведь уверена, что это невзаимно и вы можете перестать общаться из-за этого. Честно, - она воодушевилась, взглянув мне в глаза, которые я не успел отвести. – она бы просто меня убила, узнав, что я рассказала тебе это, а если бы узнала, что я сейчас так держу тебя, то, наверное, просто оторвала бы руку без объяснения обстоятельств, - Сова искренне улыбнулась, придаваясь воспоминаниям о подруге, - ну ты знаешь её. Так что, сомневаюсь, что это было шуткой или «пьяной выходкой».

- Ты хочешь сказать? – Мой голос слегка подрагивал от открывшейся правды, я догадывался раньше, но все мои мысли на этот счёт были очень расплывчаты и неубедительны, я всегда отгонял их, скидывая на субъективное восприятие.

- Видимо, осмелела, это было своего признание, я так понимаю.

Ошарашенный я опустил голову, уставившись на свои бледные, почти белые руки, голова закружилась так сильно, как никогда раньше, меня зазнобило, будто заболел и поднялась температура.

- И действительно, я тупой. Думал, раз она не сказала словами, значит ничего это не значит. – Соскальзывая с руки Вали, я опускаю голову и накрываю её ладонями, положив локти на колени, в попытке унять нахлынувшие эмоции, резкую боль в животе и голове, помутнение рассудка.

- Это... это... прости за вопрос, - услышал я невнятный голос сверху, похожий на шепот, - это взаимно?

Я не успел даже задуматься, когда мой язык сказал, игнорируя сознание то, что уже давным давно было скрыто глубже где-то глубоко в подсознании:

- Да. – Горькое согласие открыло самому мне глаза.

Я такой идиот. Я был так слеп, так глуп и нелеп. Мне было страшно задуматься об этом, вспомнить её, ведь это бы снова нагнало эту пелену на глаза, вырубив меня.

Почему я не понял её? Почему не вернулся? Почему не понял всё сразу, ещё с того момента, как ответил на поцелуй? Почему не поверил её поступкам, опираясь лишь на жалкие, ничего не стоящие человеческие слова?

Сдавшись, я закрыл глаза, позволяя тьме завладеть моей головой.

Её нелепый темно-синий свитер, опустившиеся руки, померкший взгляд.

«Нет, Филя, не уходи! Филя, стой! Филя!»

Запах мокрого асфальта, стук дождя, тарабанищего повсюду, фонари уже погасли, но рассвет не наступил.

Её губы такие тёплые, а глаза такие живые, блестящие, манящие, с вылетающими искорками.

От неё так приторно пахнет вишней, что хочется закрыть нос, но я молчу.

Я молчу.

Я не понимаю.

Я вечно всё игнорирую.

Я не осознаю.

Я ухожу.

Неясить так и не нашли. Сначала полиция пыталась прикладывать усилия, сто раз спрашивала нас с Совой, но ничего так и не добились. Историю пришлось поменять почти полностью. Потом они опустили руки и решили всё-таки, что она сбежала, нашли какие-то бредовые доказательства тому и закрыли, как это обычно бывает, дело.

Поначалу я не верил в это, ждал её и размышлял о том, где она сейчас может быть. Даже пытался найти сам, но очень быстро понял, что это бессмысленно. Но чем больше проходило времени, тем больше я начинал верить в версию с побегом. Ведь Соня всё не возвращалась и не возвращалась, и всё больше хотелось верить, что она сейчас где-то шляется уже с другим таким «необычным и особенным», стараясь забыть о прошлом. Так у неё хотя бы всё хорошо...

Но если всё же нет...

Соня, прости, что не понял тебя, скажи мне, где ты? Глупая наглая искорка, бенгальский огонёк и приторная вишня.

ЕНОТ ИЛИ ВЕТКИ И НОРЫ

...

Когда это письмо пришло мне – я довольно сильно удивилась. Мне написал Енот. Давно, кажется, исчезнувший из поле зрения, куда-то уехавший, растворившийся. Он пропал так просто, без лишнего шума и мне всегда казалось, что этого никто так и не заметил.

Кое-что я знала, а именно – то, что он так и не отправил ни одной весточки с той стороны. Никому.

Но вот перед моими глазами лежал открытый ноутбук, а на его экране крошечными буквами было напечатано: «Привет Соловей, вы там не злитесь на меня? Надо было, пожалуй, ответить что-то на все те сообщения, которые мне отправляли. Впрочем, уже слишком поздно. О том, что я написал здесь, надо было давно рассказать и мне выдался, к счастью, шанс. В любом случае, лишь одна просьба: ничего не говори Белке. Ей уже не нужно этого знать.»

...

Я никогда не умел точно запоминать даты, мне неподвластны ни числа, ни временные промежутки. Оттого я никогда не сумею точно отсчитать, сколько времени назад это произошло. Я привык считать, что с момента событий, о которых пойдет речь, прошло два с половиной года. Однако, уверенности в этом у меня нет никакой. Впрочем, это ведь совершенно не важно, намного важнее то, что произошедшее я запомнил так, словно оно было вчера.

Начать стоит с того, что я не люблю эмоции и любые формы их проявления. Точнее будет сказать, что я сам не люблю испытывать чувства, как положительные, так и отрицательные. Поэтому до событий, оставивших на мне отпечаток, я знал о том, что такое любовь только на словах. Но когда это случилось, я сразу понял, что именно произошло.

Наша встреча произошла настолько спонтанно, что, как это обычно и бывает, скажи мне кто хотя бы за день до этого, что я начну общаться с Белкой, я бы не поверил.

Случилось это так.

Была зима. Снег за окном был такой сильный, что разглядеть было невозможно даже двор школы. Все стекла запеленало снегом, и школа напоминала какой-то бункер, но в нем, к счастью, работало отопление. Поэтому я был одет в легкую черную кофту и джинсы.

Я говорю это не просто так, ведь именно в этих самых черных джинсах, в заднем кармане, аккуратно свернутая в квадратик, у меня лежала шпаргалка. На ней были накарябаны - а другому подчерк нашей отличницы Леры я бы тогда не назвал - ответы на контрольную по геометрии. Очередную контрольную, которую я пропустил из-за очередных соревнований по волейболу. Очередную контрольную, которую мне теперь придется писать после уроков, сидя на задних партах кабинета.

Я стучу по деревянной двери и не могу в который раз не подумать, что это убожество уже давненько пора заменить.

Не ожидая ответа, я направляюсь к столу Натали Александровной.

- Здравствуйте. – Бросаю я. – Я пришел контрольную писать. – Скинул рюкзак с плеча и зажал его ручку в ладони.

- Здравствуй, Оскар. – Отвечает мне учительница.

И я слышу пару смешков в классе. Казалось бы, уже вся школа давно обмусолила моё имя и придумала миллион теорий о том, что я какой-то немец или ещё кто. Но все равно обязательно найдутся те, кто снова начнет говорить что-то по этому поводу. Меня это уже давно не трогает.

Так ещё и училка, как на зло, произносит моё имя громко и четко. Натали Александровна, я знаю, что у вас громкий голос, как у сержанта какого-то, но нельзя хотя бы постараться говорить тише?

Она дает мне листок в клеточку и контрольную. Уже не объясняет куда идти, просто отвлекается и поворачивается к классу.

Я прохожу на задние парты, попутно ненароком замечая, что сейчас Натали Александровна ведет урок у 11-ого класса, только я не знаю, А это или Б.

Сев за парту, я подписываю листок и ловким движением залезаю в задний карман джинс. И ничего там не нащупываю...

Но мне не свойственно сразу начинать беспокоиться, поэтому я ощупываю пальцами другой карман. Не найдя ничего и там, я искренне забеспокоился. Обшарив передние карманы, я также не обнаружил шпаргалки.

Сердце забилося чуть быстрее, и я обречено уставился на лист с заданиями.

«Понятие вектора, координаты вектора». Какие-то непонятные полоски.

Тест. Конечно, можно попробовать поставить наугад, но мне нужна хорошая оценка, а интуиция – далеко не всегда верный способ.

Я выругался, взялся за голову и уставился в листок обреченным взглядом.

Невольно я начал прислушиваться к словам Натали Александровны.

- А теперь мы разберем 13 задание из ЕГЭ профильной математике. Ох, подождите, сейчас выведу на экран. Витя, держи указку, нажми вон ту кнопку на проекторе.

Я снова опустил глаза в лист с заданиями. Снова выругался.

А потом услышал...

- Сочувствую.

Я поднял глаза и увидел перед собой темноволосую девушку с густыми бровями и пухлыми губами.

- Контрольная что ли? – Она повернула лист с заданием к себе.

- Костенко, отвернись от него, отстань от человека, пусть решает. – Натали Александровна нахмурила брови. – Давай-давай, порасторопней.

Девушка отвернулась, но, как только Натали Александровна отвлеклась, снова повернулась ко мне. В этот раз ненадолго, она быстро прочитала что-то на листке с заданием. А потом зашуршала чем-то под партой, через пару секунд у меня на парте уже лежала записка: «Напиши свой телеграмм». Я замаялся, подумав, что сейчас ну точно не то время, когда мне хотелось бы с кем-нибудь познакомиться, закатил глаза. Но все-таки взял бумажку и написал свой ник, затем протянул листочек к самому краю парты.

Почти сразу же я заметил, как рука, с длинными коричневыми ногтями, утащила его к себе. Минуты через полторы я снова получил записку: «Уведомления включены?». Отвечаю: «Да.»

И уже совсем скоро на весь класс начинается раздаваться мелодичное звучание, Натали Александровна удивленно поднимает глаза и недовольно смотрит на мой рюкзак.

Я не придумываю ничего лучше, чем:

- Ой, мама звонит. – Энергично вскакиваю со стула и бегу к рюкзаку, оттуда достаю телефон и, стараясь изобразить смущение, говорю. – Можно я маме отвечу?

- Давай, Перов. Только быстро!

Пулей я вылетаю из класса. Конечно, звонила мне не мама, она никогда не станет тревожить меня в школе. Но кто?.. Неожиданность! Темноволосая незнакомка с предпоследней парты... Я открываю Телеграмм, захожу в чат и начинаю максимально быстро читать ответы, стараясь запомнить. Так: 1-в, 2-а, 3в. Параллельно бросаю обрывки фраз:

- Мам, ну ты же знаешь, что я пришел контрольную писать! – б-б, 7-д, 8-в – Мам, ну я не могу сейчас.

- Перов, ну ты там где? – Я слышу, как Натали Александровна поднимается со стула и идет по направлению к двери. 9-а, 10-б, быстро прикладываю телефон к уху:

- Всё, мам, больше не могу пока.

Как только я заканчиваю эту фразу, то в дверном проеме показывается учительница, она с презрением смотрит на меня, а затем протягивает руку за телефоном:

- Поговорил с мамой, Оскар?

- Да, - быстро бросаю я и занываю в класс, где кладу телефон на учительский стол.

Направляясь к парте, я прокручиваю в голове ответы, как загипнотизированный я сажусь и начинаю очень быстро, неразборчивым почерком писать ответы, пока они не стерлись из моей памяти.

Ответив на последний вопрос, я облегченно вздыхаю, слегка тянусь торсом вперед и полупшепотом говорю:

- Спасибо.

Уже когда я пришел домой, давно закончивший с контрольной по алгебре, получил сообщение от уже известного аккаунта.

Было написано: «Привет, это я те седня ответы помогла найти.»

Я сразу понял кто это и ответил как-то наотмашь, что-то вроде «ага».

Совсем не придав значения сообщению девушки, я продолжал свой день, как всегда посекундно расписанный. Вернувшись с тренировки по волейболу, которая в этот раз выдалась особо долгой и насыщенной, я увидел еще пару сообщений:

«А ты с какого класса?»

Меня, кстати, Виолеттой зовут.

А ещё мы это, с одного двора, я - Белка».

Я смутился, чего это вдруг понадобилось от меня взрослой, кажется, 11-класснице. Отвечал я с опаской, чувствуя какой-то подвох. Я никогда не был особо общительным, если и общался, то только с мальчиками со двора, ну и Лизой, конечно.

Сначала я нехотя отвечал девушке, но постепенно меня начало втягивать в разговор. Виолетта говорила обо всем подряд: о учителях, о том, какие иногда вкусные дают в столовой оладушки, о бесконечно протекающем потолке в туалете на втором этаже, о крысе, которую она однажды видела в коридоре и почему её саму назвали Белкой.

Её поведение вызывало у меня интерес. До этого мне никто так не писал и потому вся эта ситуация пробуждала во мне непонятного рода возбуждение, щекочущее чем-то тревожным в животе.

Виолетта написала мне и на следующий день. И на позаследующий, и на позапоза... Так я и сам не заметил, как стал для Виолетты другом.

Да, из-за тренировок я часто не отвечал ей, и тогда она начинала писать мне о том, почему я её игнорирую. Мне было непривычно такое повышенное внимание к моей персоне и я, как, думаю, и любой бы из нас, грелся под лучами этого загадочного солнца, пока еще день не обернулся одинокой ночью.

Обычно я не делился с ней какими-то своими переживаниями и, вообще, не особо проявлял эмоции, что, как я уже говорил, вполне свойственно мне. Но Виолетту это не останавливало, оно продолжала писать мне все с тем же энтузиазмом, порой мне казалось, что это просто злая шутка старшеклассниц. Да, настолько увлеченно вела себя Белка.

Вот с нашего спонтанного знакомства с Виолеттой прошло уже немало времени, зима прошла и весна – красавица сразу же одарила нас дождями и теплой погодой. На улице была слякоть, но не настолько тепло, чтобы можно было снять куртки. В общем, весна пришла совершенно обычная, и, как и любая другая весна, послала нам слякотный и неприятный март. И почему-то именно в эту погоду Белка предложила мне встретиться: спонтанно и нелепо. Сначала, я хотел отказать, но потом произошла некоторая ситуация, а точнее...

Брат приехал неожиданно, я узнал о том, что это произошло, когда увидел около дома уже знакомую мне жёлтую машину. Брат всегда говорил мне в детстве, что купит себе автомобиль именно такого цвета, ведь существует у подростков такая примета: в шутку бить друга, когда вы видите желтую машину. Я пулей залетел в подъезд и начал быстро перебирать ногами, поднимаясь по лестнице на свой третий этаж. Сердце замирало. Сколько я уже не видел брата? Два месяца, шесть, а может год? Сложно, когда твои близкие люди уезжают в другой город и приезжают, чтобы навестить, только на праздники. Я открыл дверь квартиры и мои легкие наполнились знакомым ароматом его парфюма, я растянул рот в нелепой улыбке и, захлопнув за собой дверь, облокотился на нее, наслаждаясь родным запахом. По коже бегали мурашки, хотя мне не было холодно, мне было очень тепло и уютно. Я почувствовал себя по-настоящему счастливым. Наскоро я скинул куртку, даже не повесил её, просто кинул на пуфик в проходе, и бросился, скользя носками по полу, на кухню. Там, попивая чай из большой ярко-рыжей кружки, сидел он. Сложив ногу на ногу и внимательно разглядывая меня, сидел мой кумир. Его глаза – такие же, как у меня, только чуть красивее и выразительнее, отражали лампочки на потолке. На щеках моего героя появились ямочки – он улыбался. Я бросился на шею брата, хватая воздух пересохшим ртом:

- Леон! – я захихикал, дергая за плечи того, по кому так соскучился, мои глаза сверкали и мне хотелось рассмеяться от счастья. Знаете, когда я говорил, что не особо люблю проявлять эмоции. То забыл упомянуть – это не касается моего брата. Он всегда вызывал у меня какой-то особый трепет и любовь, потому был единственным человеком, который способен был пробудить во мне весь спектр эмоций. Я забыл обо всем, о том, как прошел мой день, как мне надоела руссичка со своими контрольным, про Белку. Я тяжело дышал, отстранившись и начав с интересом разглядывать своего брата. С нашей последней встречи его борода выросла еще сильнее, теперь она была густой и солидной, но все такой же, однако, кучерявой. Его лицо уже давно потеряло юношескую пухлость и теперь было худым и вытянутым, чем он напоминал мне отца. Волосы, точь-в-точь как мои по цвету, стали очень короткие, настолько, что даже и не понятно, что когда-то человек, сидящий передо мной, цеплял всех девчонок на свои темные кудряшки.

Леон потрепал меня по плечу:

- А ты совсем не меняешься, - усмехнулся он. Разглядывая меня со всех ракурсов. – Но остался таким же настоящим плэй боем, скажи же, Даш?

Только сейчас я обратил внимание на девушку, сидящую рядом с братом, она кивнула. Даша была полненькой девушкой с пышными формами и очень нежным и добрым лицом. Она совсем не красилась и носила закрытую скромную одежду.

- Привет, Даша. – Сказал я, немного засмущавшись. Сейчас мне показалось, что она отдалено похожа на Белку, с такими же темными волосами и густыми бровями.

- Представляешь, - вдруг начала моя мама, обращаясь ко мне. – Леон недавно сделал Даше предложение! – Мамины глаза сияли, она лучезарно улыбалась, глядя на двух влюбленных.

Я тоже посмотрел на них, Даша прерывисто задышала и закивала головой.

- Поздравляю, - выдавил я, но внутри всё сжалось, от какой-то непонятной ревности: «Эй! Вообще-то это мой брат, не отбирай его!», ругался в голове какой-то детский голос.

Я очень любил своего старшего брата. Именно он был для меня примером, как зеркало, я повторял за ним стиль одежды, походку, поведение. Он был для меня авторитетом, эталоном. В общем-то, это очевидно, любой другой мальчик также всегда смотрит на своего старшего брата светящимися глазами и берёт с него пример во всём, так же и девчонки смотрят на своих старших сестёр, копируя их повадки и привычки.

Но, на самом деле, я был искренне рад за своего брата и Дашу. Мне казалась вполне приятной мысль о их скорой свадьбе.

- Ну что? – Сказала мама, наливая чай в большие коричневые кружки с ручками необычной формы. – Ты посидишь с нами или пойдёшь в свою комнату?

- В комнату. – Отрезал я, ведь вечером у меня была поздняя тренировка и я должен был успеть выполнить всё домашнее задание до этого времени.

Мама кивнула головой и отодвинула одну из кружек, в которую ещё не успела налить кипятка:

- Он у нас такой занятой, вечно в делах. – Усмехнулась она, с какой-то горечью взглянув на Леона. - Он в своё время был таким же. – Посмотрела мама на Дашу и свободной рукой указала на брата. – Вечно то бокс, то уроки, то гитара, - она улыбнулась и тихо прибавила, - то девчонки.

- Не было такого, мам! – Сказал Леон, рассмеявшись, он зажал между пальцев вытянутую овальную конфету и начал раскручивать её, как это обычно делают с ручками или карандашами.

Я слышал, как они смеются на кухне, как Даша громко хихикает, как Леон мешая ложкой чай, размешивая сахар, и она ударяется о стенки, издавая мерный звонкий звук. Наверное, я хотел бы к ним присоединиться, посмеяться, поболтать, но у меня не было на это времени, я внимательно изучал учебник биологии и старался разобраться в пищеварительном тракте человека, все эти строчки о переваривании пищи совсем не вызывали аппетита, однако мой живот громко заурчал, разрезав тишину комнаты. Я вспомнил, что, совсем забывшись, ничего не съел на обед, живот проурчал снова, однозначно намекая на то, что он пуст.

Нахмурившись, я придвинулся ближе к столу и крепче сжал в руках книгу, тонкие страницы учебника мялись от моего сильного нажатия.

«Нет, так продолжаться не может.» - Чётко отрезал я. – «Надо что-то перекусить».

И с этими мыслями я неуклюже и быстро встал со стула и направился в сторону двери, как раз когда она неожиданно открылась. Занятый мыслями о своём голоде, я совсем и не услышал, как на кухне все затихли и ложка перестала биться о стенки стакана.

Леон стоял в дверном проеме, облокотившись рукой на дверь, он улыбался.

Я улыбнулся в ответ, убрав руки за спину.

- Ну что, брат, куда спешишь? – хихикнул Леон и вальяжно зашёл в мою, а точнее раньше нашу, комнату, он осмотрел всё очень внимательно и, не дождавшись ответа на свой вопрос, вынес вердикт. – Растёшь не по годам, а по месяцам. – Он сел на диван, который стоял теперь вместо его кровати, и постукал по мягкой тканевой обивке, приглашая меня сесть к нему.

Застыв в нерешительности, я сложил руки на груди, думая, послушать брата или свой желудок. Уважение и восхищение перед старшим взяло верх и я двинулся вглубь комнаты, мимо своей кровати и письменного стола. Я подошёл к Леону и молча сел рядом с ним, предано глядя в глаза самому важному члену семьи.

- Ну что, как жизнь, мелкий? – спросил ласково и дерзко Леон, потрепав меня за волосы, я нахмурился и немного поморщился.

- Всё норм. – Сдержано ответил я, мне почему-то не хотелось вдаваться в подробности.

- А точнее? – Старший брат ласково потрепал меня за плечо и приобнял. – Как с учебкой? – без особого интереса промямлил он, а затем с большим интересом спросил, - На личном как?

Мои щёки слегка покраснели и я спрятал лицо в ткани одежды:

- Никак. – Чуть слышно пробубнил я и краем глаза заметил, как Леон внимательно наблюдает за моей реакцией.

- Эй, да тебе есть что рассказать. – Рассмеялся он и ткнул мне под ребро своим острым тонким пальцем.

- Да не, честно всё не меняется. – Соврал я, стараясь никак не показывать эмоций внутри себя. Увидев недоверчивый взгляд брата, я добавил, - да и когда мне. Сам знаешь! Тренировки, соревнования, сборы. Никакого времени нет на себя, не то, чтобы на девчонок.

И вот вроде лицо Леона выразило понимающе печальное выражение, он очень озадачено покачал своей короткостриженной головой и пощупал бороду. Все эти телодвижения значили одно: он мне поверил. Обрадованный этим, я облегченно выдохнул, чем сразу же раскрыл свой замысел брату.

- Ты думаешь, старший брат не заметит? – Он толкнул меня в плечо костяшками пальцев и я поморщился, это было немного больно. – Эй, давай колись, кто?

Меня начинало немного злить его поведение и пусть сам по себе я не был особо эмоционален, но с братом все мои чувства обострялись, причём, как позитивные, так и не очень.

- Да нет никого. – Отпрянул я от него, оскалившись.

- Эх, и ничего он не хочет рассказать брату, вот так и вырастают наши... - Задумался Леон, подбирая самую что ни на есть идиотскую фразу, - отданные мороженные и отобранный самокат. – Он хихикнул.

- Лаадно. – Простонал я, придвигаясь ближе к брату, и заговорческим тоном начал, - есть одна девочка, она...

- Она тебе нравится?! – С явной радостью в голосе почти завизжал этот с виду серьезный и грозный мужчина. – Я уж начал подумывать, что ты из этих. – Рассмеялся он. И неудивительно, что он так решил, ведь мне никто и никогда не нравился, даже в самом детстве.

- Не то, чтобы нравится, - фыркнул я, проигнорировав все остальные слова. – Мы просто общаемся.

- Общаетесь? – Ухмылка на лице брата начинала всё больше раздражать и заставляла жалеть, что я вообще решился что-то ему рассказать. Это глупое значение, которое так любят предавать все взрослые слову «общение».

- Хватит. – Дерзнул я. - Просто иногда переписываемся, не сказал бы пока, что она мне нравится. – Я задумчиво отвёл взгляд. – Но как человек она очень даже ничего.

- Ну да, конечно, переписываетесь. С девочками надо гулять, а не смски строчить, а то так и останешься телефонным бойфрендом. Пригласи её по...

- Мы должны были встретиться завтра, но... но... я стесняюсь, - Леон удивленно посмотрел на меня.

- А чего тут стесняться? Это же просто прогулка. Можно сказать - даже не свидание. – Он игриво бросил взгляд на потолок. – Если, конечно, она тебе всё-таки не нравится.

— Это тебе легко говорить, ты у нас настоящий сердцеед, а вот я с девчонками ещё не гулял!

- Ну не лъсти мне! - Леон вновь потрепал мои волосы, будто трогая их вспоминал времена, когда сам ходил с такими кудрями– Не то, чтобы прям сердцеед.

- Не меняет сути, - восприняв его слова всерьёз, махнул я рукой сердито.

- Да уж, яблоко от яблони точно не правда. – Брат положил мне руку на плечо и склонил ближе к себе. – Да не ссы ты, всё будет супер. В любом случае, попробовать стоит. Эй, ради своего брата, пройдишь разок, одна пропущенная тренировка тебя не убьёт. – Он нежно похлопал мне по плечу и приобнял. – Ну что же, по рукам? – И Леон протянул мне свою большую горячую руку.

Как-то даже не задумываясь я пожал её, и теперь был обязан брату. Отказаться от прогулки я уже не мог.

- Ладно, мелкий, - брат приобнял меня снова, - мне пора идти, - он похлопал меня по спине одновременно нежно и настойчиво, отпрянув от меня, он поправил свитер и направился к выходу из комнаты, - до следующей встречи, я буду скучать. – Леон слотнул как-то грустно и безвыходно, в моём сердце что-то болезненно ёкнуло, напоминая о том, как сильно я скучал

по брату всё это время. – Ты пиши хоть иногда, дружок. – Он почти вышел за дверь, когда я бросился к брату и со всей силы обнял его, движимый каким-то удивительным порывом, мне так не хотелось, чтобы он уезжал, чтобы строил новую жизнь, новую семью, в которой уже не я буду его «любимым мелким», а будущий ребенок. Пусть я знал, что, скорее всего мы вновь увидимся через месяц или два, но это время казалось мне самым что ни на есть адом, тянущимся бесконечно. Я отпустил Леона и улыбнулся ему грустно и скомкано, он дружески постучал мне по плечу и вышел из комнаты. Я попрощался с Дашей на входе в комнату и железная дверь квартиры с лёгким скрипом закрылась.

Я вошёл в комнату и вновь остался наедине со своими мыслями.

«Я должен пойти.» - осталась у меня в голове одна единственная мысль. Я не стал противиться ей. Взял в руки телефон и написал Виолетте: «во сколько ты хотела встретиться?»

Уже на следующий день она наметила нам встречу и мне даже пришлось пропустить ежедневную тренировку волейбола ради этой прогулки. Воздух был морозный и совсем неприятный, ветер холодный и колкий жалил плечи и лицо. На мне была лёгкая олимпийка голубого цвета, серые сапоги и чёрные джинсы с небольшой незапланированной дыркой на коленке. Дверь подъезда жалостливо скрипнула и меня окатил холодный ветер, я поежился. В кармане раздалась вибрация и я, слегка переживая, всем телом от кончиков пальцев на ногах до самой верхней волосинки почувствовал встряску телефона в кармане, он прожужжал ещё пару раз, оповещая о новом сообщении, прежде чем я взял его в руки. Лицо засияло в прежде незнакомой улыбке: «Сейчас зайду в магазин и бегу» - прочёл я сообщение от Виолетты и всё внутри трепетно поежилось, мне было немного жутко от нашей встречи, ведь у меня раньше не было такого и это казалось мне чем-то очень важным и серьёзным, однако воспоминания о словах старшего брата немного смягчали ситуацию, и мне было уже не так тяжело думать о предстоящей прогулке.

Но для Белки это таким серьёзным не было точно. Это я понял, когда она вылетела из-за поворота с шоколадным батончиком в руке и с самой что ни на есть непринужденным выражением лица.

Её длинные густые волосы были закручены плойкой и заделаны в высокий хвост, на её коренастых плечах было накинуто расстёгнутое бежевое пальто, на ногах тёмно-коричневые высокие ботинки на неровной большой подошве с чёрной строчечкой. Совсем по-взрослому на её руке весела чёрная женская сумка. Увидев меня её темно-карие глаза загорелись и она улыбнулась, отчего её пухленькие губки сложились в какую-то слегка причудливую форму, а щёчки забавно округлились.

Мы встретились на середине пути от моего подъезда к выходу из двора. Белка подскочила ко мне так резко и энергично, что у меня не осталось единого сомнения, что такое прозвище ей дано неслучайно, девушка, лучезарно улыбаясь, что скрашивало неприятную сыкотную погоду, распростерла руки с намерением обнять меня. Я осторожно подошел к ней, позволяя неловко и быстро сомкнуть руки за моей спиной, чтобы потом также резко и неловко из разъединить. Сам я не обнял её в ответ, я сам не знал почему, хотя это казалось бы таким логичным, но, видимо, в моменте я решил по-другому и постеснялся обнять девушку.

Это огорчило её не больше чем на пол минуты, после чего она, как и не бывало, спросила меня задорно и звонко, каким всегда, судя по голосовым сообщениям, был её голос:

- А мы куда пойдём? – Беззаботность её определено умиляла меня.

Вместо ответа я пожал плечами.

Это видно её расстроило, и она отвернулась, разглядывая старый листочек, плавающей в светло-коричневой луже.

- Куда глаза глядят? – попытался сгладить я обстановку и это её обрадовало, она снова улыбнулась и активно закивала головой.

- Мои глаза глядят, - она завертела головой и её хвост полетел в разные стороны. Она повернулась налево и по-детски глупо, словно это я был старше, а не она, указала мне пальцем куда-то. – Туда.

Она хотела взять меня за запястье, чтобы пойти в нужную сторону, но я смущенно отдернул руку. Девушка ничего на это не сказала и лицо её не поменялось, она с таким же энтузиазмом двинулась туда, куда только недавно указывал её палец, словно держала мою руку.

Белка так быстро двинулась с места, что я даже на своих длинных ногах не смог догнать её.

- Эй! – Успел я только вскрикнуть вслед ускользающей фигуре в бежевом пальто. Её ножки непринужденно тревожили гладь и спокойствие лужи, от чего та кидала вокруг небольшие коричневые брызги и ещё долго раскачивалась, даже когда Виолетта была уже далеко.

На этой прогулке она была так красива, так мила и беззаботна. Мне самому, как человеку неловкому и далеко не такому раскрепощённому было интересно наблюдать за этой утонченной и при этом неуклюжей девчонкой, так и пылавшей свободой и непосредственностью. Она смеялась, кружилась на месте, иногда вскакивала и вела себя нелепо, эмоционально рассказывала что-то.

На прощание Белка хотела обняться, но я сделал шаг назад, интуитивно препятствуя происходящему. Я сглотнул и неловко улыбнулся. Почему я не хотел обнять её? Потому что мне было несвойственно такое и я физически не мог переступить через свою угловатую интровертную натуру.

Через пару дней она вновь позвала меня гулять. Мне хотелось этого, но согласиться я вовсе не мог, ведь в тот же день, намеченный Виолеттой для прогулки, у меня должны были состояться соревнования по волейболу в доме спорта в соседнем районе. Я не видел смысла лукавить перед девушкой и рассказал о соревнованиях, дав чётко понять, что прогулки не состоится. Белка выразила мне через переписку полное понимание и наш чат ненадолго замер. Пока в тишине моей комнаты, как раз когда я делал растяжку перед сном, не прозвенело уведомление, телефон сообщил мне о новом сообщении от Виолетты – она спрашивала: «А к тебе на соревнования можно прийти?»

Я опешил слегка и мои щёки запылали, словно были с лихвой намазаны свеклой, на лице натянулась нелепая улыбка, как у какого-то чучела огородного, сердце заёкало. Собравшись с силами и переборов совсем непривычные эмоции, я сжал мобильник покрепче и написал, сдержано: «Можно».

Никогда раньше я не переживал из-за матчей, ещё с детства родители учили меня, что проигрыш – не страшно: главное выложиться на полную и играть в удовольствие. Поэтому меня, в отличие от других участников команды, не брало в дрожь от каждого соревнования, я не расстраивался при поражении, ведь это лишь значило, что мне было к чему стремиться. Однако в этот раз в горле застрял ком, а пальцы начинали неметь от волнения, мне стало страшно, я боялся поступить как-то глупо и опозорится перед Белкой. Я пришёл в раздевалку раньше, чем обычно, и сидел на лавочке у шкафчика, пялясь глазами в зелёный деревянный пол.

- О, Оскар, ты сегодня чёт пораньше! – Как всегда громко и звонко влетел в раздевалку Боря. Я посмотрел на сокомандника, стараясь скрыть своё беспокойство, он держал в своих нездорово худых бледных руках спортивную сумку и улыбался, как всегда оголяя свои слишком острые и длинные, словно животные, клыки. Парень подошёл ко мне и протянул руку, я робко пожал её и быстро отвел взгляд.

Постепенно раздевалка наполнилась людьми, везде был шум, гам, кто-то смеялся, а кто-то наоборот ругался с капитаном команды из-за тактики, которую тот выбрал вместе с трене-

ром для этой игры. Я сидел на лавочке в одиночестве, с опущенной головой и глазами вырисовывал геометрические фигуры из жилок и трещин на полу.

Когда зашёл тренер весь гул тут же затих, все замерли, переводя дыхание. В уже душную комнату влетел ветерок с резким запахом пота - от раздевалки постоянно несло им за километр. Уже давно знакомый мне усатый мужчина с большим носом и неестественно большими ладонями стоял в проходе, подняв указательный палец вверх. Все замерли, ожидая, что он скажет.

- Сегодня важная игра! – гордо сказал тренер со своим полукавказским акцентом, он поднял палец ещё выше, когда из глубины раздевалки послышался смешок, на который мужчина ответил злым взором, что сразу остановило все шутки, - полуфинал наших областных соревнований! Сееегодня, - протянул он слегка нелепо, - вам выедается прекрасный шанс показать себя, внимательно вслушайтесь в объяснение тактики, и не смейте меня подвести, - он поднял палец ещё выше, а затем с грохотом ударил кулаком по стене, сказав, - Докажите, что вы готовы порвать любую команду!

Я судорожно выдохнул и поёжился, не очень мне нравилось именно это время перед игрой, хотя обычно я никогда так не переживал, а в этот раз всё тело сковало, и даже странный холодок периодически пробегал по спине. В глубине души я понимал почему: ведь там на трибунах будет Белка, а мне так сильно не хотелось ударить перед ней в грязь лицом, что от тревоги волосы на руках вставали дыбом.

Мужчина вышел, и, как только дверь захлопнулась, все начали перешептываться.

Так и прослушав тактику от капитана, увлеченный своими переживаниями, я встал, сжав кулаки, ведь тренер уже зашёл сказать, что пора выходить, и направился вместе с остальной командой к выходу из раздевалки.

От непривычного переживания всё вокруг ощущалось несуществующим, словно окружающий мир был заблюрен. Я шагал по слегка скрипящему деревянному полу вместе со своей командой, дерево жалостливо поскрипывало от нашего общего веса. Я вышел на площадку для игры и встал на свою позицию.

Игра началась.

Пот потёк по покрасневшемуся лицу, руки в напряжении отбивали мячи.

Я сглотнул кислую слюну, и всего на секунду обернулся на трибуну. На верхних рядах, как всегда в коротких юбочках, сидели девчонки-фанатки, лет 14, они держали в руках плакатики на листах А4 с именами игроков, которые им нравились. В низу, почти у самой площадки, сидели родители моих сокомандников, они показушно держали кулачки и охали от каждой подачи, словно пришли на игру не к подросткам, а к маленьким детям.

И вот посередине трибун я увидел её. Волосы белки были заделаны в высокий пушистый хвост, на её плечах висел розовый свитер, она с каким-то непонятным нечитаемым интересом наблюдала за тем, как летает мяч по площадке. И лицо её при этом каждую миллисекунду менялось, она то хмурилась, то глаза её блестели.

Именно в момент, когда я отвлекся, подача пришлась на меня и я чуть было не пропустил мяч, но, вовремя среагировав, я отразил подачу перед самым своим носом и уже через секунду увидел, что мой неосознанно отбитый мяч прилетел в поле соперника. Гордо я выпрямился и посмотрел на трибуны. Виолетта смотрела на меня с каким-то неизвестным мне до этого момента плохо различимым чувством в глазах, от которого у меня прошли мурашки по коже.

В тот день мы победили.

Счастью команды не было предела, все ликовали и поднимали руки вверх от счастья.

А я был особенно счастлив и горд, ведь попал в поле соперников, и это видела Белка.

Когда я вышел из раздевалки, пахнувший мятой после душа, с ещё слегка мокрыми волосами и прилипающей к телу футболкой, спрятанной под курткой, то Белка ждала меня у выхода в своём бежевом пальто, её волосы были снова заделаны в высокий хвост и густые брови

сегодня были по-особенному ярко окрашены. Она смотрела на меня с каким-то трепетом и даже восхищением, от этого сердце пригрело и на щеках появился лёгкий румянец.

— Это - действительно круто! – Воскликнула она, когда я подошёл, и её темные глаза блеснули радостно.

- Даааа, - протянул я слегка неловко.

Виолетта подалась вперёд, будто намекая на что-то, но я, как всегда, скромно проигнорировал это, опешив.

- Эм, ладно, ты сейчас домой или сможешь погулять? – Спросила она, стараясь изобразить всю ту же зазорность, но голос её начал звучать довольно огорченно.

- Я..эээ...ну, домой, я думаю, мне нужно готовится к контрольной по химии. – Я пожал плечами и прикусил губу, как бы специально шмыгнув носом, стараясь показать, что, мол, я ещё и приболел.

- К-как скажешь, - запнулась Белка, уже не стараясь скрыть прежнего расстройства.

- Но, если хочешь, давай я провожу тебя до дома?

На секунду глаза Виолетты загорелись, но потом она отмахнулась:

- Да не, не надо, мне в этот, магазин надо ещё - в её голосе слышалась явная печаль, - до завт... пока, - промямлила она и вышла, не посмотрев на меня напоследок.

Мне стало так неприятно и обидно! Ведь я ничуть не врал, мне и вправду требовалось подготовиться к контрольной по химии, а забить на это я точно не мог.

Огорченно припнув ногой дверь, я вышел и быстрыми шагами пошёл в сторону дома.

Когда я наконец добрался до подъезда, то сил у меня не осталось совсем.

Дверь квартиры с лязгом скрипнула, закрывшись за мной. Я, как зомби, шаркая ногами об пол, протащился в свою комнату и прямо в одежде рухнул на кровать. Ныли мышцы, ныло сердце. Уткнувшись лицом в белоснежную вкусно пахнущую подушку, я лежал минут 10, всё готовясь, но не решаясь встать, пока не услышал, как кто-то вошёл в квартиру. По тихим воздушным шагам я понял, что это мама. Я слышал, как она как-то подозрительно быстро, будто на огромном душевном подъёме, проскочила по квартире. Через минуту непривычного неконтролируемого наворачивания кругов она оказалась на пороге моей комнаты, я понял это по приближающемуся звуку. Оторвав голову от уже разгорячённой подушки, я, как и ожидал, увидел маму. Она вся сияла, глаза её блестели, как звёзды в черном июньском небе, а рот был растянут в невероятно широкой улыбке.

Без каких-либо разъяснений она подлетела ко мне и схватила за лицо, прижав руками щёки и начала быстро и мелко целовать мои щёки, лоб и нос.

- Сынок, - воскликнула она, блеснув серыми глазами, - Сынок! – она была так счастлива, что, казалось, ей хотелось смеяться. – А что ты в одежде-то? – Бегло спросила она, пробежав взглядом по моей куртке и штанам, ещё висевшим на мне, - Ай, неважно! – Почти вскрикнула она. – Я так тобой горжусь! – Я улыбнулся. В чём дело такой радости? Неужели моя победа в игре доставила ей столько искреннего удовольствия? – Ты ещё не знаешь, да?! Конечно, ты не знаешь! Он не знает! – Мама радостно вскинула руки вверх. – Мне звонил тренер! Помнишь ту школу волейбола в другом городе, где живёт Леон, ты всё о ней так мечтал?! Они смотрели сегодняшнюю игру в социальных сетях и обратили на тебя внимание, а когда стали проверять документы, то увидели, что мы уже пытались попасть туда на этот учебный год. Ты впечатлил их, они посоветовались со мной и внесли тебя в предварительный список поступающих в 10 класс следующего учебного года! Твоя мечта исполнилась, ты попадешь с ту самую спортивную школу! – Пока она говорила с лица её не сходила лучезарная улыбка.

Внутри будто взорвалась бомба, меня оглушило. Я лежал и глазами полного непонимания и смутения смотрел на радующуюся маму. Было как-то и пусто и полно одновременно. Не сдержавшись, я рвано вздохнул и вновь посмотрел на маму, вся она светилась и в её глазах бегали весёлые огоньки. Я выдавил жалкую улыбку, сглотнув.

- Вау! – Максимально натянуто сказал я, немного скрипя зубами. В комнате повисла жгучая тишина, и мне стали заметны изменения в нежном мамином лице, безусловно, почувствовав мою растерянность, женщина нахмурилась.

- Ты что, не рад? – Спросила она с искренним удивлением и какой-то печалью, поджав сильно нижнюю губу.

- Да не, мамуль, рад, конечно, рад. – Протянул я, весь съёжившись и резко сев. – Ты только это, ты это, не переживай, всё норм, просто теперь что? Уехать придётся что ли? Без вас там жить как-то.

Мама снова улыбнулась и слегка склонила голову набок:

- А специально к этим словам у меня есть ещё одна новость! – Она приобняла меня и стала нежно поглаживать по плечу. – Сынок, мы переезжаем! Знаю, что неожиданно, но мы и раньше думали об этом, понимаешь? – Она отстранилась и взяла меня крепко за плечи. - Даже не вздумай сейчас смущаться и отнекиваться, мы с отцом уже давно планировали переехать в городок чуть больше этого, а место, в котором находится твоя новая школа, находится не так уж далеко от этого города! Сюрприз! Да и для нас это станет явным поводом почаще видеться с Леоном– Мама вскинула руки вверх.

- И что мне всех бросить тут придётся что ли?! – Непривычно эмоционально выкрикнул я, смотря на нее сверху вниз.

Мама опешила, только сейчас она действительно заметила, что я вовсе не был рад ни одной из этих новостей, и моя первая реакция была не простым смущением.

- Ты сможешь видеться со своими друзьями по выходным. – Пожала она плечами. – Иногда.

- Иногда. – Закатил я глаза, а затем небрежно обхватил голову руками. – А это обязательно? – Поднял я на маму полные непривычной печали глаза.

- Ну, - я увидел в её поведении такое искреннее удивление, что стало ещё более неловко. – Что я могу поменять сейчас? Я уже ответила на предложение волейбольной школы, да и квартира там уже подобрана... - Мама говорила так грустно и отчаянно, что у меня по кожи побежали мурашки. – Прости, пожалуйста, - Она всхлипнула. – Если бы я знала... Я ведь думала, что обрадую тебя, - голова женщины понуро опустилась вниз. – Прости, сынок. Это было неправильно, да?

Я промолчал, опустив голову и положив локти на колени.

Постарался приободрить себя: Ну что же? Я действительно мечтал попасть в ту волейбольную школу. Да и город, в котором она находится явно будет лучше этого. Новая школа и учителя и больше никакой бесившей географички. А много ли у меня друзей тут? Ну да, двор, Лиза, Лев, но стоит ли моя мечта их? Ведь, по правде, настоящей частью их «компании» мне никогда не стать. Я не такой, как они. Но что же тогда так тревожит меня? Ответ сам всплывал в голове, но я всё смущался принимать его. Белка.

Что скажет она, узнав, что я уезжаю и видеться мы будем крайне редко? Оттолкнет и обидится: гордая эмоциональная Виолетта. Что же это за недоразумение? Стоило мне, кажется, первый раз в жизни испытать такое сильное чувство, как «лавочка тут же прикрылась». Ну и бред! Будто не жизнь проживаю, а смотрю по планшету тупой американский сериал – мелодраму, которые так любят девчонки. Что же скажет Белка? Что она будет чувствовать?

Сердце на секунду загнулось: быть может, ей будет всё равно? Но она же пришла сегодня на игру, так что... Стоп! Это еще ничего не значит.

Ну я и идиот.

- Сынок! – Я поднял взгляд на маму, она присела передо мной и взяла мои ладони в свои руки. – Ты зол на меня?

- Что? Зол? – опешил я. – Конечно нет! Ты ведь хотела как лучше. Не переживай, мам. Я... - Мне, как взрослому парню было неловко говорить такое. – Я люблю тебя, мам. – Попытался я изобразить подобие улыбки, но вышло смазано и нелепо.

- Эм... эх... ты ведь скажешь той девочке, с которой постоянно гуляешь? – Мама виновато почесала затылок.

- Что? – вскинул я брови удивленно, - откуда ты во...

- У нас окна, если что, выходят на двор! Конечно я вижу, куда ты намылился и с кем! – Женщина даже как-то искренне улыбнулась и потянулась, чтобы обнять меня. – Обязательно скажи ей! Желательно, завтра! Обязательно вживую. – Заявила она, ткнув мне в грудь пару раз. – Нельзя хранить секреты от своей второй половинки!

- Какая вторая половинка! – красными зрелыми помидорами вспыхнули мои юношеские щёки, дыхание встрепенулось и в горле образовался какой-то склизкий ком. – Мы... мы просто друзья!

- В моей молодости «просто друзья», - так не краснели при упоминании друг друга. – Рука тонкая, но крепкая опустилась на моё угловатое нескладное плечо. – В общем, - мама убрала руку и медленно двинулась к выходу, - сюрприз..., - она запнулась, - Обязательно скажи ей!

Конечно же, я не сказал. Даже не потому, что мне не хватило силы духа смелости и уверенности в произошедшем. Нет, вовсе не поэтому. Просто я боялся, искренне боялся её реакции, Белка по своему характеру была заводная, яркая и вспыльчивая, уж какой точно нельзя было назвать эту темноволосую старшеклассницу, так это предсказуемой. Я боялся любой её реакции. Что она могла сделать? Заплакать, закрыв лицо руками, и, резко развернувшись, убежать? Рассмеялась бы, по полной отказавшись мне верить? Разозлилась бы и начала грубить мне, не веря, бить и толкать? А может просто встала бы, твёрдо опершись в асфальт ногами, и выразила бы мне полное безразличие.

И сколько я думал об этом, столько мне всё меньше и меньше хотелось говорить ей о случившемся. Время шло, а я так и не смог подобрать нужных слов. Да, признать честно, я струсил тогда. Пусть в то время я не ощущал это сознание собственной жалости и трусости так четко, как сейчас.

Я сделал всё, что было в моих силах, чтобы правдивый слух о том, что я уезжаю, не распространился по школе. Никто не узнал об этом, никому я не поведал этого секрета, ведь все знают, что слухи в школе распространяются так быстро, словно это Чума в 14 веке. Никому я и не рассказал о своих чувствах к Виолетте, никто ведь и не знал точно, что мы общаемся. Да, видел кто-то, как мы гуляли вместе весной и летом, но слух этот звучал для всех неубедительно и оттого наша связь не стала всеобщим обозрением. Быть может, она сама даже понимала что-то, я хоть, как и говорил кучу раз, не то чтобы блещу эмоциональностью, но, всё же, быть может иногда, в моменты, когда она обнимала меня своими мягкими тёплыми руками, когда мило улыбалась мне, показывая ямочки на круглых щеках, мои скулы слегка румянились, переливаясь еле заметным бледно-розовым оттенком. Я не знал да и не хотел знать, ощущала ли мои чувства Белка своим чутким девчачьим сердцем. Быть может, я нравился ей тоже?

За день до отъезда мне пришла шальная мысль рассказать всё и я уже собрался с духом, когда вновь в сердце защемило и стало так страшно, что я не решился. Быть может мне стоило попрощаться с ней вживую? Хотя бы это. Я взял мобильный в руки и, задержав дыхание, написал: «Эй, как дела?». Она ответила моментально: «Норм». Сердце затрепетало, запело, заёрзало. «А что?» - спросила девушка. «Ты послезавтра занята?» - уже вспотевшими руками простучал я по экрану телефона. «Погоулять решил?» - я уже представил, как Виолетта, накручивая на палец длинные волосы, заделанные в хвост, как настоящая кокетка, закатила глаза, представляя, как мы будем гулять. И вот, я пишу: «Придешь к 12 к моему подъезду, есть дело,

ок?» - палец застыл над кнопкой отправления. Внизу живота защекотало от переживания, зубы заскрипели, суставы начало ломить.

- В жопу! – Рыкнул я, стёр всё и откинул телефон в сторону.

Правда через несколько секунд снова схватил мобильник дрожащими руками. «Аууу» - писала Белка. «Да просто так по приколу спросил.» - ответил я, как-то неосознанно акцентно поставив точку в конце.

И вот я даже с ней не попрощался, не взглянул напоследок в её тёмные, как ночь, глаза. Так и не коснулся её, не погладил по голове, не приобнял, хотя сердце моё всё пылало, так и желая этого. Но я струсил...

Что ж, я не хотел лишних расспросов, не хотел видеть её переживаний и тому подобного. Наверное, я сделал легче только для себя самого, но я написал ей, садясь в машину загруженную моими вещами: «Не пиши мне больше. Мне надоело с тобой общаться». Как-то даже без раздумий нажал кнопку отправить и заблокировал её. Навсегда. Отключил уведомления и уставился, как загипнотизированный в окно. Кажется, на моих щеках что-то заблестело и, возможно, впервые за долгое время я заплакал. Голову туманило, я поджал нижнюю губу и сглотнул. Захотелось обнять её. Я зло ударил сам себя по ноге. Кашлянул. Откинулся головой на спинку кресла.

По моим щекам медленно и как-то особо обильно, словно тягучая, но объёмная карамель, заструились солёные слёзы. Я не сказал пока вообще никому. Не сказал пока Белке. Так и не решился ничего сказать ей. Не решился посмотреть ей в глаза. Не решился обнять. Да, я всё-таки плакал.